

ИСТОРИИ

О. Шрадер

ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ

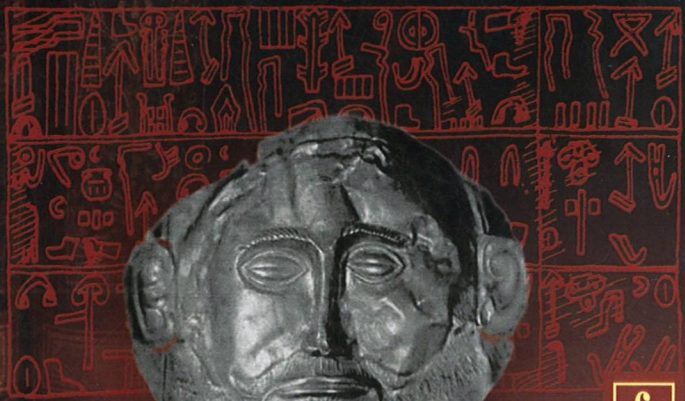

Академия
Фундаментальных
Исследований

О. Шрадер

ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ

ИСТОРИЯ

Академия фундаментальных исследований:
история

Otto Schrader
DIE INDOGERMANEN

О. Шрадер

ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ

Перевод с немецкого
Ф. И. Павлова

Под редакцией
и со вступительной статьей
А. Л. Погодина

Издание четвертое

URSS
МОСКВА

Шрадер Отто

Индоевропейцы: Пер. с нем. / Под ред. и со вступ. ст. А. Л. Погодина. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 216 с. (Академия фундаментальных исследований: история.)

Вниманию читателей предлагается книга известного немецкого языковеда и историка Отто Шрадера (1855–1919), цель которой автор видел в том, чтобы собрать воедино все научные сведения в области индоевропейской археологии, занимающейся проблемой происхождения и материальной культуры древнейших народов, говорящих на языках индоевропейской семьи.

Предмет исследования О. Шрадера — народ. В целях выяснения прародины людей, причисляемых к индоевропейцам, автор исследует многочисленные данные об их хозяйстве и поселениях, торговле и промыслах, религии и обычаях.

Книга рекомендуется для широкого круга читателей; немало интересного найдут в ней для себя и специалисты — историки, археологи, этнологи, культурологи.

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».

117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.

Формат 60×84/16. Печ. л. 13,5. Зак. № ЖМ-38.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978–5–397–02877–6

- © Ф. И. Павлов, перевод
на русский язык, 1913, 2012
- © А. Л. Погодин, вступительная
статья, 1913, 2012
- © Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,
оформление, 2012

11958 ID 161070

БИБЛІОТЕКА ЗНАНІЯ

Д-ръ О. Шрадеръ
профессоръ Бреславльскаго университета

ИНДО-ЕВРОПЕЙЦЫ

Съ предисловіемъ и дополненіями автора
къ русскому изданію

Переводъ Ѳ. И. ПАВЛОВА
Подъ редакціей и со вступительной статьей
А. Л. ПОГОДИНА,
ординарнаго профессора Харьковскаго Университета

Съ 6 таблицами рисунковъ

ИЗДАНИЕ П. П. СОЙКИНА. С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913

Индо-европейскіе народы, ихъ родина и древняя культура.

Очеркъ проф. А. Л. Погодина.

Большинство народовъ, населяющихъ теперь Европу, говоритъ на языкахъ, между которыми можно установить извѣстное родство. Такъ, напр., современные французы, итальянцы, испанцы и португальцы говорятъ на языкахъ, которые представляютъ дальнѣйшее развитіе того латинскаго языка, на какомъ говорили римскіе солдаты, селившіеся на квартирахъ среди древнихъ народовъ (галловъ, иберовъ и др.), женившіеся на туземныхъ женщинахъ и оставившіе здѣсь романизированное (отъ лат. *romanus*, римлянинъ) потомство. Эти языки такъ и называются романскими. Точно также можно возстановить тотъ языкъ-предокъ, потомками котораго являются языки современныхъ нѣмцевъ, англичанъ, шведовъ и другихъ германскихъ народовъ, или первоначальный языкъ славянскаго племени, еще не дѣлившагося на русскихъ, поляковъ, чеховъ, сербовъ и болгаръ. Въ свою очередь эти романскіе, германскіе, славянскіе и др. языки Европы и части Азіи родственны между собою и позволяютъ предполагать, что въ основѣ ихъ лежалъ первоначально общій языкъ. А если былъ такой обще-индоевропейскій языкъ, то долженъ былъ существовать и народъ, который говорилъ на этомъ языкѣ. Быть можетъ, онъ такъ размножился, что естественнымъ образомъ распался на цѣлый рядъ отдѣльныхъ племенъ, при чемъ ихъ нарѣчія превратились въ языки цѣлыхъ народовъ; быть можетъ и такъ, что одинъ индо-европейскій народъ или даже нѣсколько расселились и покорили чужія народности, которымъ передали свои нравы, и ихъ общій языкъ, вытѣснивъ первоначальные туземные, получилъ нѣкоторыя особенности этихъ послѣднихъ. Во всякомъ случаѣ, такой первоначальный индо-европейскій на-

родъ долженъ былъ обладать и извѣстной культурой, и государственной властью, чтобы, расселяясь, добывать себѣ новыя земли или покорять чужіе народы. А такъ какъ предположеніе индо-европейскаго народа-предка, пра-народа, совершенно естественно, то наукой уже давно было выдвинуто требованіе изслѣдовать какъ его родину, такъ и ту культуру, какой онъ обладалъ передъ образованіемъ отдѣльныхъ индо-европейскихъ народовъ. Въ продолженіе цѣлаго столѣтія идетъ это изученіе.

Прежде всего, что значить этотъ терминъ: индо-европейскіе народы? Названіе это создано на основаніи предположенія, что европейскіе языки и древне-индійскій (санскритскій, т. е. литературный древне-индійскій) родственны. Европа и Индія говорятъ на родственныхъ языкахъ, которые поэтому и были названы индо-европейскими. Однако въ Европѣ есть языки и другихъ семей (татарскій, турецкій, финскій, мадьярскій, баскскій и др.), а въ Азіи на языкахъ той же группы говорятъ не только индусы, но и иранцы (персы, афганистанцы и др.). Такимъ образомъ, этотъ терминъ оказался не совсѣмъ удовлетворительнымъ. Нѣмецкіе ученые предложили названіе: индо-германскій, ссылаясь на то, что на крайнемъ западѣ этой семьи языковъ (въ Исландіи) живутъ германцы, а на крайнемъ востокѣ, въ Индіи, индусы. Такъ что индо-германскіе языки были бы языками, на которыхъ говоритъ большинство народовъ, живущихъ между Индіей и Исландіей. Стоитъ, однако, взглянуть на карту, чтобы увидѣть, что съ такимъ же правомъ можно говорить о языкахъ индо-кельтскихъ (кельты въ Ирландіи) или индо-романскихъ (романскій испанскій языкъ), и, дѣйствительно, были ученые, которые употребляли терминъ „индо-кельтскіе языки“, не вошедшій, однако, въ болѣе широкое употребленіе. Наконецъ, довольно часто учеными (только не языковѣдами) употребляется названіе арійцы. Противъ этого названія слѣдуетъ рѣшительно протестовать, потому что арійцами сами себя называли (и такъ ихъ называютъ въ научномъ языкознаніи) только народы Азіи, иранцы и индійцы. Слѣдовательно, ни одинъ изъ терминовъ не является вполне правильнымъ: ни одинъ изъ нихъ не соответствуетъ дѣйствительному положенію вещей. Но старшинство и широкое распространеніе въ европейской наукѣ принадлежитъ названію индо-европейцы, тогда какъ терминъ индо-германцы употребляется по преимуществу нѣмецкими учеными.

Поэтому, и въ переводѣ, и въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ пользоваться обычнымъ названіемъ — индо-европейцы.

Въ настоящее время расположеніе этихъ послѣднихъ на картѣ европейско-азиатскаго материка представляется въ слѣдующихъ чертахъ. На крайнемъ юго-востокѣ живутъ индійскія племена, говорящія на различныхъ языкахъ, восходящихъ къ древне-индійскому (литературная обработка котораго называется санскритомъ); къ сѣверо-западу отъ нихъ въ Персіи, Афганистанѣ и Белуджистанѣ сохранились иранцы, языкъ которыхъ въ древности былъ ближайше родственъ древне-индійскому. Эти группы одновременно выдѣлились изъ пра-языка и когда-то подъ именемъ арійцевъ должны были составлять одно цѣлое. Сравненіе иранскихъ и индійскихъ словъ дало возможность возстановить даже культурный уровень этого „арійскаго періода“. Переходя въ Европу, мы находимъ раскинутое на огромномъ пространствѣ славянское племя, не мало представителей котораго (въ видѣ русскаго населенія Сибири и другихъ азиатскихъ частей Россійской Имперіи) живетъ и въ Азіи. Это славянское племя, такъ разросшееся и распространившееся, заняло восточную Европу довольно поздно, уже послѣ Рождества Христова, тогда какъ его родина находилась, по всей вѣроятности, въ Полѣсѣ. Югъ Россіи былъ занятъ въ древнее время иранскими народами (скивами и сарматами). Славянский языкъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ примыкалъ къ особенностямъ арійской группы, въ другихъ же сближался съ тѣми индо-европейскими языками, на которыхъ говорили народы, занявшіе впослѣдствіи Западную и Южную Европу. Особенно же онъ былъ близокъ къ языку литовскому и его ближайшему родичу, латышскому. Не вполне еще выяснено, была ли такая эпоха въ жизни индо-европейскихъ народовъ, когда предки славянъ и литовцевъ составляли одинъ народъ, какъ арійцы; но не подлежитъ сомнѣнію, что сродство ихъ языковъ очень велико. Повидимому, къ той же группѣ, центральной въ расположеніи индо-европейцевъ, принадлежали и древне обитатели Балканскаго полуострова, еракійцы и иллирійцы. Отъ первыхъ пошли нынѣшніе армяне, отъ вторыхъ — албанцы. Конечно, и тѣ и другіе сильно перемѣшались съ другими народами: вѣдь по Балканскому полуострову проходило издревле такъ много разноплеменныхъ народовъ, а еракійцы въ своихъ странствованіяхъ по Балканамъ и Малой Азіи, пока не превратились въ армянъ,

отодвинулись съ такой массой сильныхъ и культурныхъ народовъ. Къ западу отъ того ядра, которое составляло центръ индо-европейскаго пра-народа и осталось въ серединѣ отдѣльныхъ народовъ, были расположены народности, въ языкахъ которыхъ опять-таки есть нѣчто общее, для нихъ всѣхъ характерное. Это древніе германцы, кельты, эллинскіе и латинскіе народы, которые постепенно заняли всю западную и южную Европу.

Языковое родство всѣхъ этихъ группъ несомнѣнно. Но извѣстными намъ теперь индо-европейскими народами не исчерпывается, безъ сомнѣнія, ихъ число. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ открытъ языкъ древняго населенія далекой Азіи, тохарійцевъ. Этотъ языкъ оказался близокъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ западной группѣ, въ другихъ къ восточной. Новѣйшія изслѣдованія въ области исторіи древнихъ средиземноморскихъ государствъ и малоазіатскихъ царствъ раскрываютъ точно также, хотя и въ слабой степени, темное прошлое индо-европейскихъ. Въ то время, когда объ этихъ послѣднихъ не было еще ни слуху ни духу, въ Малой Азіи, въ Египтѣ, въ далекомъ Китаѣ уже была ключемъ политическая жизнь. Съ сѣвера шли и шли сюда племена индо-европейцевъ. За нѣсколько тысячелѣтій до Р. Х. Ассирія и Вавилонія, царства Урарту, Ванъ и др. создали пышную культуру, и лишь въ 18—17 вѣкѣ до Р. Х. замѣчаются въ Малой Азіи первые явственные слѣды появленія здѣсь иранскихъ дружинъ. Сколько же такихъ индо-европейскихъ народностей, кочующихъ некультурныхъ массъ, должно было раствориться среди сильныхъ, воинственныхъ, прекрасно организованныхъ неиндоевропейскихъ народовъ! Уцѣлѣли лучше всего тѣ, которые оставались на своей родинѣ, въ сторонѣ отъ центровъ тогдашняго міра, въ сосѣдствѣ съ такими же малокультурными финнами и другими первобытными обитателями Западной Европы. Ихъ-то родинѣ и культурѣ посвящено множество сочиненій, и изъ этихъ послѣднихъ одно изъ лучшихъ,—книга Шрадера, предлагаемая вниманію русскаго читателя.

Сходство между восточными и западными индо-европейскими языками обратило на себя вниманіе уже давно. Еще двѣсти лѣтъ тому назадъ нѣмецкій философъ Лейбницъ утверждалъ, что „можно написать на персидскомъ языкѣ цѣлые стихи такъ, что ихъ пойметъ нѣмецъ“. Это несомнѣнное преувеличеніе, которое показываетъ, какъ пораженъ

былъ Западъ, замѣтивъ сходство между арійскими и европейскими языками. Когда же европейскіе ученые стали изучать языкъ древней Индіи, санскритъ, то и они сейчасъ же отмѣтили родство этого языка съ греческимъ, латинскимъ, германскими и кельтскими. Уже въ 1786 году англійскій изслѣдователь Джонсъ сводилъ это родство къ первоначальному источнику, пра-языку, отъ котораго пошли всѣ индо-европейскіе языки. Съ начала 19-го столѣтія началась упорная и систематическая работа въ этомъ направленіи: открывалось родство грамматики и словарнаго состава индо-европейскихъ языковъ, изслѣдовались тѣ звуковыя законы, которые преобразовали первоначальное единство въ многообразіе отдѣльныхъ языковъ, изучалась та культура, которую можно было возстановить по даннымъ языка. По мѣрѣ того, какъ велась эта работа, все настойчивѣе вставала передъ учеными задача опредѣлить то мѣсто, въ которомъ созданъ индо-европейскій языкъ-предокъ, найти родину индо-европейскихъ языковъ. Величайшіе ученые первой половины 19 вѣка исходили изъ убѣжденія, что эта родина должна была лежать на востокѣ, въ Азій, откуда, по ихъ убѣженію, вышло все культурное челоѳчество. „Свѣтъ съ Востока!“ утверждали они, считая просто неоспоримой аксіомой, что родина древнѣйшихъ (т. е. извѣстныхъ съ наиболѣе давняго времени) индо-европейскихъ языковъ, тѣхъ, на которыхъ написаны древнѣйшія религіозныя книги арійцевъ, ведійскіе гимны индусовъ и зороастрійское священное писаніе, Авеста, иранцевъ,—что родина всѣхъ этихъ языковъ лежала близъ Индіи и близъ Персіи, въ горной странѣ Средней Азій.

Но въ 1862 году это ученіе подверглось рѣшительной критикѣ со стороны англійскаго ученаго Латама. Онъ полагалъ, что родину индо-европейцевъ слѣдуетъ искать скорѣе тамъ, гдѣ донинѣ живетъ наибольшая часть ихъ народовъ, т. е. въ Европѣ, при чемъ онъ признавалъ древнѣйшимъ по своему складу не древне-индійскій, но современный литовскій языкъ. Такъ зародилась мысль, что родина индо-европейскихъ народовъ должна лежать въ Европѣ, и съ той поры эта мысль получала постепенно перевѣсъ надъ прежнимъ убѣженіемъ. Нуженъ былъ просторъ, чтобы образовалась такая широкая масса индо-европейскихъ народовъ, а гдѣ же его найти въ горной странѣ, гдѣ-нибудь, напр., въ Памирѣ, гдѣ предполагали видѣть ихъ родину! Скорѣе, въ степяхъ Южной Россіи могла раскинуться семья индо-евро-

пейскихъ народовъ. Здѣсь постепенно одно племя, размножаясь, завоеывая сосѣдей, превращалось въ народы. Эти послѣдніе на широкой однообразной равнинѣ не разрывали связи между собой, не теряли родства языковъ, не прерывали культурнаго обмѣна. И какъ теперь огромная восточно-европейская равнина занята народомъ, составившимъ одно государство и объединившимъ чужія племена (татаръ и финновъ), такъ же происходило и тысячи за двѣ лѣты до Р. Х., когда создавалось единство индо-европейскихъ народовъ.

Нѣкоторые ученые представляли себѣ родину пра-индоевропейскихъ племенъ въ видѣ полосы равнинъ, которая тянется изъ Азіи черезъ южную Россію въ глубину Западной Европы; другіе опредѣляли ее болѣе узко, какъ равнину нынѣшней сѣверной Германіи. Шрадеръ, который съ восьмидесятыхъ годовъ 19 столѣтія явился наиболѣе авторитетнымъ изслѣдователемъ этихъ вопросовъ, въ своихъ трудахъ, охватывающихъ почти тридцать лѣтъ работы въ одной области, отстаиваетъ европейскую родину индо-европейскаго пра-народа. Его мнѣніе встрѣчаетъ поддержку и въ томъ фактѣ, который въ настоящее время все болѣе доказывается наукой: именно въ фактѣ ближайшихъ культурныхъ и, можетъ быть, родственныхъ связей, соединявшихъ двѣ группы языковъ, — индо-европейскихъ народовъ и финно-угровъ (финляндцевъ и эстонцевъ, мордвы и черемисъ, вотяковъ и зырянъ). Изслѣдованіе родины этой послѣдней группы народовъ и языковъ приводитъ къ убѣжденію, что она должна была лежать приблизительно въ такой же мѣстности, какъ и родина индо-европейцевъ. Въ средней и южной Россіи, гдѣ полоса степей, вперемежку съ лѣсами, поднималась когда-то гораздо сѣвернѣе, это сосѣдство представляется вполне вѣроятнымъ, и подтверждается оно цѣлымъ рядомъ данныхъ языкового и историко-культурнаго характера. Такимъ образомъ, точка зрѣнія Шрадера, проводимая въ предлагаемой русскому читателю книгѣ, представляется наиболѣе провѣренной и современной. Едва-ли и послѣдующее развитіе науки внесетъ въ нее какія-нибудь радикальныя измѣненія.

Какимъ же способомъ можно возстановить культуру этого „пра-народа?“ Конечно, прежде всего, долженъ быть принятъ во вниманіе словарный составъ тѣхъ языковъ, родство которыхъ и позволило только говорить о „пра-языкѣ“ и о „пра-народѣ“. Если во всѣхъ этихъ языкахъ существуетъ одно

и то же слово для обозначенія извѣстнаго животнаго, растенія, орудія и т. п., то слѣдуетъ думать, что оно имѣлось и въ словарѣ народа-предка. Къ сожалѣнью только, нельзя найти ни одного слова, которое, дѣйствительно, имѣлось бы въ словаряхъ в-сѣхъ индо-европейскихъ народовъ, и потому приходится нѣсколько смягчить это требованіе и ограничиться тѣмъ, чтобы слово сохранилось въ словаряхъ хоть нѣсколькихъ, географически отдаленныхъ народовъ: такъ, если слово имѣется въ языкахъ латинскомъ, славянскомъ и санскритскомъ, можно думать, что оно было въ пра-языкѣ. Однако, и такихъ словъ немного, и если бы ограничиться только сопоставленіемъ родственныхъ словъ, получилась бы картина, въ высокой степени неполная и странная: съ рѣкой, напр., они были знакомы, а съ болотомъ нѣтъ; возъ, колесо, ось засвидѣтельствованы общимъ словаремъ, но, какъ везли телѣгу, какъ запрягали въ нее быковъ, этого мы не знаемъ по даннымъ общаго индо-европейскаго словаря. Подобныхъ пробѣловъ изученіе этого послѣдняго оставляетъ массу, и потому совершенно естественно, что словарные матеріалы стали уже давно пополнять иными. Такъ, изученіе миеологіи отдѣльныхъ народовъ позволяло возстановить миеологію индо-европейскаго пра-народа; по даннымъ сравнительной этнографіи возстановляли его первоначальный бытъ; сравненіе древнѣйшихъ нравственныхъ установленій аріійцевъ, римлянъ давало опредѣленные выводы о юридическомъ строѣ предковъ отдѣльныхъ индо-европейскихъ народовъ. Надо, однако, сказать, что въ этихъ областяхъ чрезвычайно много произвольнаго и недоказательнаго: мѣны передаются отъ народа къ народу и въ позднѣйшее время, да и значеніе ихъ весьма часто совершенно неясно. Сравнительное изученіе миеологіи только въ рукахъ очень осторожнаго и знающаго, широко образованнаго изслѣдователя можетъ привести къ какимъ-нибудь положительнымъ результатамъ, а этого до сихъ поръ, къ сожалѣнью, почти не было. И то же самое надо сказать о сравненіи обрядовъ, обычаевъ, утвари и т. п. Археологія, изслѣдованіе тѣхъ остатковъ древней культуры, которые сохранились въ землѣ и на землѣ въ видѣ погребеній, памятниковъ, случайно сохранившихся вещей,—археологія позволяетъ тамъ и сямъ возстановлять отдѣльныя черты быта народовъ, оставившихъ эти слѣды своего существованія. Но археологія почти никогда не говоритъ о томъ, какіе именно народы это были, къ какой расѣ они принадле-

жали, на какомъ языкѣ говорили. Поэтому, ошибочно дѣлать изъ археологическихъ находокъ выводы относительно распространенія того или другого народа. Только установивъ съ помощью совокупности лингвистическихъ и бытовыхъ матеріаловъ время и мѣсто распространенія того или другого народа, можно сказать съ нѣкоторою опредѣленностью, что именно ему принадлежала культура, добытая археологическими изысканіями. Такимъ образомъ, для возстановленія индо-европейскаго языка приходится прибѣгать къ изученію и сравненію отдѣльныхъ языковъ, а для разрѣшенія вопроса о культурѣ и родинѣ народа-предка—къ совокупности лингвистическихъ, этнографическихъ и археологическихъ данныхъ. Въ этой интереснѣйшей области не прекращаются изслѣдованія, и книга Шрадера представляетъ одинъ изъ эталовъ этой науки. Тому, кто хочетъ двинуться дальше по этому пути, необходимо изучить тотъ уровень этихъ знаній, который представленъ въ настоящее время въ сжатой и общедоступной формѣ въ книгѣ выдающагося нѣмецкаго ученаго, О. Шрадера.

Проф. А. Л. Поюдинъ.

О. ШРАДЕРЪ

ИНДО-ЕВРОПЕЙЦЫ

Предисловіе къ русскому изданію.

ОТЪ АВТОРА.

Когда я преподнесъ настоящую книжку въ ея нѣмецкомъ изданіи одному изъ выдающихся и даровитѣйшихъ соотаврищей по спеціальности, онъ написалъ мнѣ въ посвященіи на одномъ изъ собственныхъ своихъ трудовъ двустишіе:

Dir folg' ich gern, wenn auch nicht sklavisch;
Denn manchmal scheinst Du m'ir zu—slavisch.

[Слѣдую тебѣ охотно, но не рабски: ибо по временамъ ты кажешься мнѣ черезчуръ славянскимъ].

Надѣюсь, что то, чѣмъ я навлекъ на себя дружескій упрекъ, будетъ поставлено мнѣ скорѣе въ заслугу моими русскими читателями.

Во всякомъ случаѣ я думаю, что изъ нѣдръ славянства и при его участіи древнѣйшая исторія культуры индоевропейскихъ народовъ почерпнетъ не мало драгоценныхъ свѣдѣній. Таково же было мнѣніе выдающагося прибалтійско-нѣмецкаго историка культуры В. Гена (о немъ см. стр. 34), который неоднократно и охотно высказывался на эту тему. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Для историка культуры славяне представляютъ богатѣйшую, доселѣ почти вовсе не использованную сокровищницу доисторическаго быта. Какъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Москвы, т. е. въ самомъ сердцѣ Россіи, такъ и въ Малороссіи, внимательный и знакомый съ языкомъ изслѣдователь тысячу разъ имѣетъ случай вспомнить о Гомерѣ и описанной у Гомера жизни». И далѣе, въ другомъ мѣстѣ: «На славянахъ лежитъ печать глубокой, сѣдой древности; они ревностно стоятъ на стражѣ

старинны и не порывають съ прошлымъ. Ихъ языкъ, ихъ семейный укладъ, религія, нравы, суевѣрія, ихъ права наслѣдованія могутъ служить источниками для изученія глубочайшей древности».

Вполнѣ раздѣляя подобныя воззрѣнія, я слишкомъ десять лѣтъ тому назадъ сталъ знакомиться съ Россіей, съ русскимъ языкомъ, съ страной и народомъ, въ особенности же съ тѣми русскими учеными, выдающіеся труды которыхъ въ области языкознанія, народовѣдѣнія и археологіи приобрѣли извѣстность далеко за предѣлами Россіи. Благодаря содѣйствію профессоровъ Московскаго Университета В. К. Поржезинскаго и М. М. Покровскаго, которымъ я обязанъ обширнѣйшими указаніями, стремленія мои были поддержаны съ величайшею готовностью такими учеными, какъ Ф. Ѡ. Фортунатовъ, А. А. Шахматовъ, Д. Н. Анучинъ и мн. др., въ числѣ которыхъ долженъ назвать также графиню Уварову. Столь же предупредительная помощь была оказана мнѣ Импер. Академіей Наукъ, Импер. Русской Археологической Коммиссіей, Импер. Русскимъ Географическимъ Обществомъ, Импер. Эрмитажемъ (въ лицѣ обязательнѣйшаго г. Е. М. Придика), Румянцевскимъ и Историческимъ музеями въ Москвѣ и многими другими учрежденіями. За все это не могу не чувствовать глубочайшей признательности.

Думаю, что совокупность всѣхъ этихъ побужденій и вліяній въ достаточной мѣрѣ отразилась, какъ въ другихъ новѣйшихъ моихъ работахъ (см. перечень въ концѣ книги), такъ и въ настоящей книжкѣ, которую поручаю благосклонному сочувствію и вниманію русскаго читателя.

О. Шрадеръ.

VOM VERFASSER.

Als ich dieses Büchlein in seiner deutschen Gestalt einem angesehenen und geistreichen Fachgenossen überreichte, schrieb mir dieser als Widmung in eins seiner eigenen Werke die Worte:

«Dir folg'ich gern, wenn auch nicht sklavisch,
Denn manchmal scheinst Du mir zu—slavisch»

Ich hoffe, dass das, was mir hier einen freundschaftlichen Tadel eingetragen hat, bei meinen russischen Lesern mir eher zum Lobe gereichen wird.

In jedem Falle bin ich der Meinung, dass der ältesten Kulturgeschichte der indoeuropäischen Völker aus der und durch die slavische Welt noch reicher Gewinn erwachsen wird. Dies war auch die Ansicht des hervorragenden baltisch-deutschen Kulturhistorikers V. Hehn (vg. über ihn S. 34), der sich oft und gern über diesen Punkt ausgesprochen hat. So sagt er einmal: «Die Slaven bilden für den Kulturhistoriker eine reiche, bisher noch so gut wie unberührte Fundgrube von Altertümern. Selbst in den Gegenden um Moskau, also im Herzen Russlands, sowie in Kleinrussland, kann der aufmerksame mit der Sprache bekannte Beobachter tausendmal an Homer und das bei Homer geschilderte Leben erinnert werden». Oder an einer anderen Stelle: «Die Slaven sind sehr alt, uralte und haben das älteste konservativ bewahrt und geben es nicht auf. An ihrer Sprache, ihrer Familienverfas-

sung, ihrer Religion, ihren Sitten, ihrem Aberglauben, ihrem Erbrecht u. s. w. lässt sich das früheste Altertum studieren».

Derartigen Anregungen folgend, habe ich seit mehr als einem Jahrzehnt damit begonnen, mich mit Russland, seiner Sprache, mit Land und Leuten und vor allem mit solchen russischen Gelehrten bekannt zu machen, deren ausgezeichnete Arbeiten auf dem Gebiete der Sprachwissenschaft, der Volks- und Altertumskunde weit über die Grenzen Russlands genannt werden. Bei diesem Unternehmen habe ich, besonders durch die Vermittlung der beiden Moskauer Professoren V. K. Porzezinskij und M. M. Pokrovskij, denen ich auch selbst die reichste Belehrung verdanke, das denkbar grösste Entgegenkommen bei Gelehrten wie F. F. Fortunatov, A. A. Schachmatov, D. N. Anučin und vielen andern, zu denen sich auch die Gräfin Uvarova gesellt, gefunden. Nicht weniger sind mir Institute wie die Kais. Akademie der Wissenschaften, die Kais. Archäologische Kommission, die Kais. russ. archäologische und die Kais. russ. geographische Gesellschaft, die Kais. Eremitage (vor allem durch die Bereitwilligkeit des Herrn E. M. Pridik), das Rumjantzovsche und historische Museum in Moskau und viele andere in hohem Grade hilfreich gewesen. Für alles dies kann ich nicht dankbar genug sein.

Die Wirkung aller dieser Einflüsse und Anregungen wird, so hoffe ich, wie in anderen meiner neueren Werke (vgl. ihre Zusammenstellung am Ende), auch in diesem Büchlein zu Tage treten, das ich hiermit der Teilnahme und dem Wohlwollen des russischen Publicums übergebe.

O. Schrader.

Breslau 9, XII. 12.

Предисловіе къ нѣмецкому изданію.

Цѣль настоящей книжки—собрать воедино всѣ научныя пріобрѣтенія въ области индо-европейской археологіи, занимающейся вопросомъ о происхожденіи и древнѣйшихъ культурныхъ навыкахъ народовъ, говорящихъ на языкахъ индо-европейскаго корня. Хотя излагаемые мною взгляды опираются, главнымъ образомъ, на данныя, вошедшія раньше въ болѣе крупныя мои работы (ср. указатель въ концѣ книги), тѣмъ не менѣе надѣюсь, что отъ вниманія освѣдомленныхъ читателей не ускользнутъ нѣкоторыя новыя филологическія и бытовыя подробности, рельефно отъ-нившія вопросы въ настоящей обработкѣ.

Рамки, которыхъ я вынужденъ былъ держаться, не позволили мнѣ съ одинаковой обстоятельностью коснуться всѣхъ отдѣловъ. Поэтому я нѣсколько сократилъ обзоръ внѣшняго матеріальнаго быта индо-европейцевъ, достаточно разработаннаго наукой и печатью, съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность долѣе остановиться на менѣе избитыхъ темахъ: общественной жизни, правѣ, обычаяхъ и вѣрованіяхъ пра-народа. Въ вопросѣ о пра-родинѣ индо-европейцевъ я занялъ критическое и выжидательное положеніе, по причинамъ, изложеннымъ въ XII главѣ.

Книжка предназначена для широкаго круга читателей. Поэтому всѣ историческія ссылки приведены въ переводѣ. Исходной точкою была для меня, по возможности, сокро-

вищница ново-верхне-нѣмецкаго языка ¹⁾, а центръ тяжести доказательствъ я старался полагать въ сопоставленіи выраженій нѣмецкихъ, латинскихъ и греческихъ (въ латинской транскрипціи).

Въ виду этого, я надѣюсь, что книжка окажется понятной и не-филологу и доставить ему нѣсколько пріятныхъ часовъ въ области древнѣйшаго языкознанія и до-исторической культуры.

Индо-европейская археологія—наука сравнительно юная, а потому очень нуждается въ прочной общественной поддержкѣ, которую слѣдуетъ искать въ сочувствіи всѣхъ образованныхъ классовъ. Да поможетъ настоящее изслѣдованіе пробудить всеобщій интересъ къ индо-европейскимъ древностямъ.

О. Шрадеръ.

Бреславль, 20 сент. 1910 г.

¹⁾ Т. е. словъ, вошедшихъ въ современную литературную нѣмецкую рѣчь.

I. Индо-европейскій пра-народъ и индо-европейскіе народы.

Въ 1891 году германскіе ученые торжественно отпраздновали столѣтіе со дня рожденія Франца Боппа ¹⁾ установившаго, что большая часть европейскихъ языковъ—греческій, латинскій и его романское потомство, кельтскій, германскій, литовскій, славянскій и албанскій — вмѣстѣ съ нѣкоторыми азіатскими—индійскимъ, иранскимъ и армянскимъ—представляютъ исторически нераздѣльную лингвистическую единицу, въ томъ смыслѣ, конечно, что родственность ихъ сводится къ нѣкоторому общему имъ всѣмъ коренному начальному праязыку. Какъ лингвистическую единицу, такъ и праязыкъ мы ²⁾ называемъ „индогерманскими“ — терминъ, вошедшій во всеобщее употребленіе еще въ то время, когда индусовъ считали самымъ восточнымъ, а германцевъ самымъ западнымъ звеномъ лингвистическаго цѣлага. Поэтому позже и на томъ же основаніи слѣдовало бы переименовать индогерманскіе народы въ „индо-кельтскіе“, а въ настоящее время даже въ „тохаро-кельтскіе“, о чемъ ниже ³⁾. Однако, выра-

¹⁾ Францъ Боппъ съ 1821 по 1864 г. профессоръ восточной литературы и общаго языкованія въ Берлинскомъ университетѣ; съ 1822 г. членъ Берлинской академіи наукъ. Главный трудъ его: „Сравнительная грамматика санскритскаго, Zendскаго, армянскаго, греческаго, латинскаго, литовскаго, старо-славянскаго, готскаго и нѣмецкаго языковъ. Берлинъ. 1833 г.“ *Пер.*

²⁾ „Мы“, т. е. германскіе (нѣмецкіе) ученые. *Пер.*

³⁾ Въ русской и англійской литературахъ болѣе употребителенъ терминъ „индо-европейскій, индо-европейскіе“; къмъ онъ введенъ и съ которыхъ поръ въ употребленіи, точно не извѣстно. Французскими учеными предлагались одно время выраженія „арійскіе“, арійскій“, еще менѣе точныя, нежели предыдущія: ибо „агуа“ на языкѣ индоиранской вѣтви значитъ „благородный“—терминъ, примѣнявшійся ими только по отношенію къ самимъ себѣ. *Пер.*

женіе „индо-германскіе“ настолько упрочилось въ нѣмецкой наукѣ, что мы будемъ употреблять его и впредь. Названіе „арійскіе“, признаваемое нѣкоторыми антропологами равнозначущимъ съ „индо-германскими“, мы считаемъ узкимъ, и будемъ пользоваться имъ въ примѣненіи къ нѣскольکو болѣе тѣсному единству, входящему въ составъ цѣлаго, какъ часть ¹⁾).

Почему—будетъ сейчасъ объяснено. Если существовалъ когда-либо индо-европейскій праязыкъ, то, несомнѣнно, былъ и народъ, говорившій на этомъ языкѣ. Предметомъ нашего изслѣдованія будетъ именно „народъ“. Общему вопросу во всей его цѣлости необходимо, однако, предпослать обзоръ отдѣльныхъ, составлявшихъ „пранароді“, индо-европейскихъ лингвистическихъ индивидуальностей, и, въ цѣляхъ выясненія общей имъ „прародины“, собрать воедино все, что извѣстно объ ихъ старинныхъ мѣстожительствѣхъ во времена безспорно историческія.

При перечисленіи народовъ удобнѣе всего придерживаться группировки, указываемой фонетическими особенностями языковъ. Такъ, черезъ всѣ индо-европейскіе языки проходитъ чрезвычайно важный звуковой законъ, въ силу котораго нѣкоторые гортанные звуки праязыка (такъ наз. „палатальные“, т. е. небные), переходятъ въ однихъ нарѣчіяхъ въ шипящіе, въ другихъ же сохраняютъ свое произношеніе.

Суть раздѣленія лучше всего выясняется на числительномъ 100: въ древне-иранскомъ языкѣ названіе его „satem“; въ древне-индійскомъ „ṣatám“; въ литовскомъ „szimtas“; но въ латинскомъ „centum“ (читай „kentum“), въ греческомъ „εκατόν“ (hekatón), въ кельтскомъ „cét“ (изъ *ken-t), въ германскомъ (готскомъ) hund ²⁾ (переходъ въ заднеязычную [гортанную] изъ „*kunt—“). Соответственно этому принимаются двѣ группировки: народы „satem“ и народы „кентумъ“. Къ первой относятся иранцы, индусы, армяне, литовцы, славяне; ко второй—римляне, греки, кельты и германцы.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ, повидимому, дѣло съ праиндо-европейскимъ раздвоеніемъ основного ствола индо-

¹⁾ Въ русской наукѣ совершенно основательно принято названіе „индо-европейцы“, и я полагаю, что вводить „индо-германцы“ въ переводъ не для чего. Поэтому въ дальнѣйшемъ повсюду, вмѣстѣ о „индогерманцы“ поставлено „индо-европейцы“. *Ред.*

²⁾ Нѣмецкое hundred. *Пер.*

европейскаго пра-народа; достаточно бѣлаго взгляда на карту, чтобы удостовѣриться, что суть двойственности мало измѣнилась даже въ историческія времена; такъ, народы „satem“ попрежнему тяготеютъ преимущественно къ восточной, народы „kentum“ — къ западной части области распространенія индо-европейцевъ. Сверхъ того, какъ общеизвѣстно, подобныя же второстепенныя языковыя единства или группы въ болѣе тѣсномъ смыслѣ составляютъ, съ одной стороны, индусы и иранцы, называющіе себя „арійцами“ (въ какомъ смыслѣ мы только и будемъ употреблять данное названіе), съ другой же — славяне и литовцы. Если начать обзоръ индо-европейскихъ племенъ съ азіатскихъ народовъ satem, то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что индусы водворились въ Индіи уже въ историческое время, въ началѣ или въ срединѣ второго тысячелѣтія до Р. Х. — А слѣдовательно, до переселенія они жили вмѣстѣ со своими арійскими братьями (мидянами, персами и др.) на исконно иранскихъ земляхъ, о чемъ сохранилась кое-какая память въ древне-индійскихъ Ведахъ. Соединительнымъ звеномъ между арійцами и прочими индо-европейцами могли быть только сѣверные скиѣы, населявшіе, подъ различными племенными наименованіями, сѣверныя побережья Чернаго и Каспійскаго морей. Представлять себѣ въ подобной же посреднической роли западныхъ армянъ нельзя, по причинамъ, которыя будутъ изложены ниже.

Въ основѣ скиѣскихъ нарѣчій лежалъ языкъ, весьма близкій къ арійскому, о чемъ можно судить по сохранившимся у Геродота собственнымъ именамъ (напр. „Ἀριαπειθης“ [Ariapeithes], отъ древне-индійскаго „ārya“ — аріецъ), а также по заимствованнымъ у скиѣовъ словамъ въ финскихъ (напр., вогульское „saга“ — пиво, отъ древне-индійскаго „sūgá“ — древне-иранскаго „hugá“ = опьяняющій напитокъ) и славянскихъ языкахъ (напр., русское „богъ“ отъ древне-персидскаго „baga“).

Отдѣлившись отъ основнаго этническаго корня, арійцы (индусы и иранцы) направились, вѣроятно, вверхъ по теченію рѣкъ Оксуса и Яксарта ¹⁾ въ восточныя области Ирана, откуда разошлись на западъ и на югъ. Возможно, что арійцы проникли на Иранское плоскогорье западнымъ путемъ, черезъ Кавказъ. Послѣдняя догадка какъ бы нахо-

¹⁾ Сыръ- и Аму-Дарья. Пер.

дить подтвержденіе въ новѣйшихъ археологическихъ находкахъ на востокѣ Малой Азіи: у неиндоевропейскаго народа „митанни“ обнаружены арійскія (не специально иранскія) божества: Митра, Варуна, Индра и Насатъя (Nasatya). Есть также нѣкоторыя данныя, что въ теперешней Арменіи было когда-то государство „Наргі“, т. е. арійцевъ, предводимое дружиною „magianni“—отъ древне-индійскаго „māgya“—мужь, молодой герой. При расселеніи арійцы повсюду сталкивались съ неиндо-европейскими коренными населеніями, для обозначенія которыхъ существовалъ давнишній праарійскій терминъ: древне-индійскій „dāsa“—древне-иранскій „dāha“ (сравни Daḥae, Δάσι, Δάσι)

Къ сѣверу отъ арійцевъ жили племена тапуровъ, амардовъ, каспиевъ, которыхъ древніе источники называютъ „анаріаками“, т. е. неарійцами. На западѣ тянулась цѣпь народовъ, лингвистически связывавшая, можетъ быть, арійцевъ съ кавказскими народами. Звенья этой цѣпи стали извѣстными въ наукѣ лишь въ самомъ недавнемъ времени: таковы алародіи, хетиты, митанни, коссеи и эламиты. На юго-востокѣ граничили съ арійцами понынѣ еще живущіе въ Белуджистанѣ „брагуи“¹⁾; на югѣ—„эііопы“ древнихъ. Брагуи представляли какъ бы переходъ къ первобытнымъ чернокожимъ Индіи—дравидамъ. Смѣшеніе арійцевъ со всѣми порубежными неарійцами было совершенно неизбѣжно. И фактически въ безусловно неарійскомъ языкѣ коссеевъ мы наталкиваемся на арійскаго бога солнца „sūrya“; а у митанни, какъ уже выше было сказано,—на цѣлый рядъ боговъ арійской мѣологии. Въ особенности же и преимущественно претерпѣли лингвистическія и этническія измѣненія, подъ вліяніемъ азіатовъ, скиѳовъ.

Выше было сказано, что соединительнымъ звеномъ между арійцами и прочими индо-европейцами никоимъ образомъ не могли быть армяне. Дѣло въ томъ, что на основаніи вполне опредѣленныхъ указаній древнѣйшихъ источниковъ, а также неоспоримыхъ данныхъ языка, мы знаемъ, что армяне, или, иначе, предки современнаго армянскаго народа, переселились въ Малую Азію вмѣстѣ съ одноплеменными фригійцами, подалеже отъ сосѣдства еракійцевъ, населявшихъ сѣверо-восточ-

¹⁾ У древнихъ о племенахъ этой расы упоминается, какъ о „гладковолосыхъ эііопахъ“, въ отличіе отъ „курчавыхъ эііоповъ“, или африканскихъ негровъ. *Пер.*

ный уголь Балканскаго полуострова; при переселеніи имъ пришлось, въ свою очередь, оттѣснить карійцевъ, лидійцевъ и лидійцевъ, народы неиндо-европейскаго происхожденія, сплошь населявшіе Малоазіатскія плоскогорія къ сѣверу отъ Тавра. Что армяне и фригійцы типичные индо-европейцы, явствуетъ изъ нѣкоторыхъ особенностей ихъ языка. Такъ, коренное праиндоевропейское „е“, которое арійцы замѣняютъ звукомъ „а“, вполне сохранилось у армянъ, наравнѣ съ европейскими народами (напр. армянское *berem* = лат. *fero*; готское *baiga* = древне-индійское *bhāgāmi* ¹⁾). На этомъ можно бы покончить съ азіатскими индо-европейцами, если бы въ самое послѣднее время, частью остъ-индскими изслѣдователями, частью же и, преимущественно, руководителями прусскихъ научныхъ экспедицій 1902/03 и 1904/05 годовъ въ Турфанъ ²⁾, не были открыты въ восточномъ Туркестанѣ рукописи, свидѣтельствующія о существовавшихъ тамъ когда-то двухъ, въ наукѣ дотолѣ неизвѣстныхъ, нынѣ безусловно мертвыхъ языковъ.

Одинъ изъ нихъ, болѣе южный, принадлежалъ несомнѣнно къ арійской вѣтви, не будучи въ то же время ни индійскимъ ни иранскимъ. Больше о немъ почти ничего не знаемъ.

Другой, на которомъ говорили сѣвернѣе, обслѣдованъ нѣсколько подробнѣе.

Носителями его были „тохары“ (туземное „*toxri*“, греч. „*Τόχαροι*“ = *tócharoi*), извѣстные въ исторіи въ числѣ индо-скиѣскихъ племенъ, основавшихъ во 2-мъ вѣкѣ до Р. Х. обширную имперію на развалинахъ греко-бактрианскаго государства.

Поразительнѣе всего то, что, судя по найденнымъ обрывкамъ, языкъ принадлежалъ къ кентумской группѣ (тохарское „*kandh*“ = лат. *centum*; древне-индійское „*śatām*“) съ весьма опредѣленной европейскою вокализацией (тохарское „*śāk*“ соотвѣтствуетъ корню „**dek*“ = лат. *decem*; древне-индійское „*dāśan*“ ³⁾). Кромѣ того, въ языкѣ встрѣчаются слова, присущія специально европейскому циклу индо-европейскихъ язы-

¹⁾ Сравни русское „беру“. *Пер.*

²⁾ Одинъ изъ административныхъ центровъ въ китайскомъ Туркестанѣ. Китайское названіе города — Гуанъ-ань-чэнъ. *Пер.*

³⁾ Авторъ имѣетъ въ виду сохраненіе коренного „е“ у европейскихъ народовъ и переходъ его въ „а“ у арійцевъ (смотри выше). *Пер.*

ковъ. Таковы, напр. „rog“ — огонь (нѣмецкое „Feuer“, древне-верхне-нѣмецкое „fiur“, греч. „πῦρ“ [pyr]); „laks“ — рыба (нѣмецкое „Lachs“, древне-верхне-нѣмецкое „lahs“; русское „лохъ“, „лосось“).

Было бы преждевременно считать вопросъ окончательно рѣшеннымъ. Но, если вышеприведенная характеристика окажется правильной, а языкъ, дѣйствительно, мѣстнымъ, а не занесеннымъ издалека, то отношеніе тохарскаго нарѣчія къ прочимъ индо-европейскимъ, будетъ, приблизительно слѣдующее: наличность „k“, характерная для группы „кентумъ“, и „e“ — для европейскаго цикла языковъ, рѣзко контрастируетъ съ „s“ группы „сатемъ“ и съ „a“ арійской группы, чѣмъ въ достаточной мѣрѣ подчеркивается первобытная, праиндо-европейская окраска тохарскаго языка. Такимъ образомъ основныя свойства праязыка оказались бы въ наибольшей сохранности на крайнемъ западѣ и на крайнемъ востокѣ области распространенія. Вся же центральная область съ группою „satem“, а тѣмъ болѣе арійскія вѣтви, представляли бы нѣкоторый максимумъ уклоненій.

Если обратиться къ Европѣ, то ближайшими географическими сосѣдями скиеовъ окажутся славяне, дрезнѣйшія селища которыхъ тянулись по среднему теченію большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море: на западъ до Карпатовъ и на востокъ до р. Дона. Нижнія теченія рѣкъ были заняты скиеами. Однако, западнѣе, ближе къ Дунаю, предшественниками скиеовъ были не индо-европейскіе, но вѣроятно всего урало-алтайскіе киммерійцы, извѣстные уже въ Библии и клинообразныхъ ассирійскихъ надписяхъ подъ именемъ „Gomag“ или „Gimigai“. Возможно, что „Gomag“ соотвѣтствуютъ въ свою очередь турко-татарскимъ „somgi“ — названіе, присвоенное осѣдлой части кочеваго народа. Вся сѣверная и восточная Россія принадлежала финнамъ, о которыхъ говорить уже Геродотъ. Отъ славянъ отдѣлилась — вѣроятно не въ слишкомъ далекомъ прошломъ — прибалтійская вѣтвь (литовцы, латыши и пруссы), состоящая, какъ мы видѣли выше, въ тѣсномъ лингвистическомъ единеніи со славянами. Если бы отвѣтвленіе прибалтійскихъ народовъ произошло въ очень ранній періодъ, слѣды единства языка успѣли бы стереться.

Отъ нижняго Дуная на западъ и по всему сѣверу Балканскаго полуострова мы отмѣчаемъ господство двухъ боль-

шихъ народовъ, отъ которыхъ отщенились, какъ мы видѣли выше, фригійцы и армяне: а именно, восточнѣе жили еракійцы, а западнѣе иллирійцы, предки современныхъ албанцевъ. Оба народа принадлежали къ группѣ „*satem*“ и были крайними западными ея представителями. На мѣстахъ осѣдлости еракійцевъ и иллирійцевъ не было, псевдимоу, примѣси неиндо-европейскихъ народовъ. Однако, агаѳирсы въ Седмиградѣи, либурны въ Иллиріи и сами еракійцы обнаруживаютъ въ семейныхъ обычаяхъ настолькоъ рѣзкія отступленія отъ обще-индоевропейскихъ нравовъ (сравн. ниже, гл. VIII), что невольно напрашивается предположеніе о поглощенномъ и ассимилированномъ индо-европейскими пришельцами первобытномъ туземномъ населеніи.

Они же, еракійцы и иллирійцы, отдѣляютъ грековъ — первый народъ изъ группы „*kentum*“, съ которымъ мы встрѣчаемся въ Европѣ — отъ прочихъ народовъ той же группы. Потому грековъ едва ли можно считать первооселенцами на занимаемыхъ ими земляхъ ¹⁾. Древнѣйшія мѣста ихъ осѣдлости слѣдовало бы приурочить поближе къ остальнымъ кентумъ — народамъ, т. е. къ италикамъ (римлянамъ, оскамъ и умбрамъ). Соединительнымъ звеномъ были бы тогда венеты, жившіе къ сѣверу отъ Адриатическаго моря. Послѣдніе, насколько можно судить по уцѣлѣвшимъ обрывкамъ языка, составляли нѣкоторый переходъ отъ народовъ кентумъ къ народамъ сатемъ. Сама же Греція была первоначально заселена неиндо-европейскими народами, родственными аборигенамъ Малой Азіи. Послѣднее обстоятельство подтверждается необычайнымъ совпаденіемъ древнихъ названій многихъ малоазіатскихъ мѣстностей съ коренными древне-греческими.

Насколько Балканскій полуостровъ не могъ быть прародиной эллиновъ, настолько же апеннинскій — италійцевъ. Поразительное сходство всѣхъ вообще италійскихъ языковъ, въ особенности же нарѣчій осковъ и умбровъ, съ кельтскими заставляеть искать прародину ихъ на сѣверѣ; мало

¹⁾ Аргументація автора такова: первый народъ „*kentum*“, съ которымъ мы сталкиваемся въ исторіи — греки — оказывается изолированнымъ: онъ отрѣзанъ отъ прочихъ народовъ „*kentum*“ ерако-иллирійцами, принадлежащими къ группѣ „*satem*“. Предполагая, что всѣ народы „*kentum*“ составляли въ свое время географически одно цѣлое, авторъ относитъ ихъ общую прародину къ среднему теченію Дуная. *Пер.*

того — многіе ученые даже совершенно серьезно ставили вопросъ, не существуетъ ли италійско-кельтское единство языковъ, наподобіе единства арійской или литовско-славянской группъ.

Непосредственное соприкосновеніе кельтовъ съ италійцами можно приурочить, по причинамъ географическаго характера, только къ среднему теченію Дуная; здѣсь же, а не въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ, слѣдуетъ искать доисторическую порубежную черту венетовъ съ греками.

Изъ числа неиндо-европейскихъ народовъ, жившихъ въ Италіи до или совмѣстно съ италійцами, были на сѣверо-западѣ—захватывавшіе частью и югъ Франціи—лигуры; вопросъ о принадлежности ихъ къ той или иной языковой группѣ, пока еще, впрочемъ, не рѣшенъ. Южнѣе находились поселенія этрусковъ, перебравшихся, вѣроятно, изъ Малой Азіи въ Италію морскимъ путемъ. Наконецъ, въ западной Сициліи „сиканы“, принадлежавшіе, по однимъ источникамъ, къ лигурамъ, по другимъ—къ иберамъ. Иберы, потомками которыхъ считаютъ лингвистически совершенно изолированныхъ басковъ, были въ тѣ доисторическія времена полными господами положенія въ западной части Средиземнаго моря и въ Испаніи. Они же, вмѣстѣ съ лигурами, составляли преобладающее доисторическое населеніе Франціи, связанное родственными узами съ также неиндо-европейскими, жившими по ту сторону канала, пиктами, аборигенами тогдашней Англій, практиковавшими у себя матриархатъ (смотри гл. VIII). Вся остальная средняя Европа принадлежала кельтамъ и германцамъ.

Предположительную прародину кельтскихъ племенъ мы выше приурочили къ Дунаю. Отсюда, изъ придунайскихъ мѣстностей, они распространились черезъ южную и сѣверо-западную Германію во Францію, Британію и Ирландію; а черезъ Францію—въ Испанію и сѣверную Италію. Съ Дуная же они двинулись частью на востокъ до Малой Азіи, гдѣ мы встрѣчаемся съ ними подъ именемъ „галатовъ“. Что при такомъ чрезмѣрномъ расселеніи кельты должны были смѣшаться съ неиндо-европейскими народами Англій и Испаніи, разумѣется само собой. Особенно сплоченные и численно значительные остатки неиндо-европейскихъ народностей мы въ правѣ предположить въ массивахъ Альпъ.

Что касается, наконецъ, взаимоотношеній кельтовъ и германцевъ, то въ V и IV столѣтіяхъ до Р. X. началось

передвиженіе послѣднихъ изъ сѣверной Германіи на западъ и на югъ, въ ущербъ преобладавшимъ раньше кельтамъ.

Весьма вѣроятно, что германцы уже издавна прочно обосновались на западныхъ берегахъ Балтійскаго и на восточныхъ Нѣмецкаго морей. Нельзя также безусловно отрицать возможность коренныхъ германскихъ поселеній непосредственно къ западу отъ границъ славянства. Ибо, хотя славяне принадлежатъ къ группѣ „satem“, а германцы къ группѣ „kentum“, между тѣми и другими еще въ доисторическое время существовало оживленное культурное общеніе, свидѣтельствующее о тѣсныхъ добрососѣдскихъ отношеніяхъ (сравни нѣмецкое „Gold“, готское „gulth“ съ славянскимъ „zlato“—злато). Именно съ Карпатскихъ горъ спустились первые германцы, бастарны, упоминаемые въ исторіи во II вѣкѣ до Р. Х. ¹⁾ Потому правильнѣе всего считать первоначальнымъ мѣстомъ расселенія германцевъ всю область между Эльбой, Вислой и морями. Отомъ, когда могъ быть занятъ германцами Скандинавскій полуостровъ, бывший до того во власти финновъ или родственныхъ имъ народовъ, мы не находимъ данныхъ ни въ лингвистическихъ, ни въ историческихъ наслѣдіяхъ прошлаго. О догадкахъ праисториковъ смотри гл. XII. О неиндо-европейскомъ первобытномъ населеніи въ искони германскихъ областяхъ мы почти ничего не знаемъ, да и не можемъ знать, по самому характеру распространенія географическихъ познаній въ древности, коснувшихся германскихъ мѣстностей даже позже, чѣмъ кельтскихъ и славянскихъ.

Резюмируя все вышесказанное, заключаемъ, что изъ сферы первоначальнаго распространенія индо-европейцевъ, слѣдуетъ исключить—какъ завѣдомо занятая ими въ сравнительно позднее время—Индію, Иранъ, Малую Азію, Балканскій, Апеннинскій и Пиринейскій полуострова, всю западную Европу съ Англіей и Ирландіей, а также сѣверныя области Россіи, къ западу и къ востоку отъ Урала. Остаются, такимъ образомъ, въ смыслѣ предѣльныхъ пунктовъ прасосѣдлости, только средняя Европа и западный Туркестанъ

¹⁾ Бастарны—по Тациту германцы, по Ливію скордиски (кельты)—съ отроговъ Карпатъ спустились по Дунаю и сѣли между Днѣстромъ и Днѣпромъ. Упоминаются въ исторіи, какъ союзники Филиппа Македонскаго въ борьбѣ съ Римомъ. Совмѣстнымъ дѣйствіямъ ихъ противъ Рима помѣшала смерть Филиппа. *Пер.*

(о восточномъ Туркестанѣ смотри выше). Гдѣ-то, въ указанныхъ границахъ, растянувшихся болѣе по долготѣ, чѣмъ по широтѣ, сложилось то этнографическое цѣлое, которое мы называемъ „индо-европейскимъ пра-народомъ“.

Точнѣе выражаясь: подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ историческихъ моментовъ, ближайшій смыслъ и значеніе которыхъ для насъ уже недоступны, цѣлый рядъ разноплеменныхъ общинъ сошелся въ одно народное единство, связанное общимъ языкомъ и общею культурой—процессъ, неоднократно повторявшійся въ исторіи и нынѣ снова протекающій передъ нашими глазами въ горнилѣ образованія и сличенія великаго американскаго народа. Конечно, слова „общій“ языкъ и „общая“ культура надо понимать „cum grano salis“. Дѣйствительно, въ нѣдрахъ одного и того же народа вполне возможны нѣкоторыя разновидности и культуръ и языка; такъ, напр., различіе между группами „кентумъ“ и „сатемъ“ несомнѣнно намѣчалось уже въ предѣлахъ основного индо-европейскаго праязыка. Во всякомъ же случаѣ надо ясно помнить, что доступными намъ теперь путями сравнительныхъ изслѣдованій мы можемъ добиться до пранарода никакъ не ближе рубежа, на которомъ онъ стоялъ въ эпоху, непосредственно прелестествовавшую полному распаденію единства. Названная эпоха, однако, гораздо ближе къ намъ, нежели обычно думаютъ непосвященные; ученые языковѣды—да и тѣ съ большой опаской—отодвигаютъ ее въ III тысячелѣтіе до Р. Х.—т. е. до момента, который былъ бы въ границахъ историческаго времени, если бы родину индо-европейцевъ можно было приурочить къ берегамъ Евфрата или Нила.

Все вышесказанное чрезвычайно важно для уясненія понятія объ индо-европейскомъ пра-народѣ; ибо ставить насъ въ необходимость безусловно отрѣшиться, въ примѣненіи къ интересующему насъ вопросу, отъ антропологическаго представленія объ индо-европейцахъ, какъ о „расѣ“ въ смыслѣ совокупности физически однородныхъ человѣческихъ существъ. Индо-европейскій пра-народъ, который почти внезапно появляется передъ нашими глазами въ III тысячелѣтіи до Р. Х., въ предѣлахъ между среднею Европой и западнымъ Туркестаномъ, не былъ „расой“. Напротивъ того, повсюду и во всѣ времена—какъ въ періодъ, протекшій съ момента дифференціаціи народа по наше время, такъ и въ эпоху, предшествовавшую распаденію его на отдѣльныя этнографическія группы—съ представленіемъ объ индо-европей-

скомъ пра-народѣ должно быть связываемо понятіе объ этническомъ конгломератѣ, характерные признаки котораго можно прослѣдить до пра-историческихъ временъ. Съ чрезвычайной убѣдительностью свидѣтельствуютъ о томъ же кости доисторическихъ индо-европейцевъ; въ особенности же доказательны сенсационныя находки послѣднихъ лѣтъ: таковы „*Homo mousteriensis*“¹⁾ въ Дордони и „*Homo Aurignacensis*“ въ *Combe-Capelle* у Монферрана (въ Перигорѣ²⁾; и тотъ и другой принадлежатъ къ дилювіальнымъ ископаемымъ. Поэтому не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что какъ въ ледниковую, такъ и въ поледниковую эпоху въ Европѣ встрѣчались представители различныхъ расъ. Съ одной стороны, встрѣчаемъ близко стоящую къ первобытному *Homo primigenius* и лучше другихъ обслѣдованную „Неандертальскую“ разновидность праевропейца³⁾ (названную такъ по черепу, найденному въ Неандерталѣ, недалеко отъ Дюссельдорфа); область распространенія ея простиралась отъ южной Испаніи черезъ всю Францію, Бельгію, Германію и до Австріи включительно; къ ней принадлежитъ и скелетъ *Homo mousteriensis*. Съ другой стороны, одинаково часты находки, относящіяся къ высшимъ представителямъ человѣческаго рода: начиная съ долихокефальныхъ череповъ Кро-Маньонской расы⁴⁾ (названныхъ по мѣсту нахождения въ долинѣ рѣки Везеры, въ департаментѣ Дордонь) или расы Энгисъ (въ Бельгіи), и кончая брахикефальными Гренелльскими⁵⁾ или Ла-Трюшеръ. По мнѣнію спеціалистовъ и знатоковъ дѣла,

1) *Homo mousteriensis*— по мѣсту находки въ „*Le Moustier*“ въ Дордони—и „*Homo aurignacensis*“—отъ мѣстечка „*Aurignac*“ въ деп. Верхней Гаронны, принадлежатъ къ Неандертальской разновидности праевропейца (смотри ниже). *Пер.*

2) Перигордъ (*Périgord*)—старинное областное, названіе. Нынѣ департаментъ Дордонь и часть Ло-и-Гаронъ (*Lot-et-Garonne*). *Пер.*

3) Неандертальская раса установлена по обломкамъ черепа и нѣкоторыхъ другихъ костей. Характеризуется чрезвычайно покатымъ лбомъ, съ сильно развитыми надбровными дугами. Знаменитымъ Вирховомъ древность находки сочтена сомнительной, въ виду нѣкоторыхъ замѣченныхъ имъ признаковъ англійской болѣзни и старческой подагры, отъ которыхъ могла зависѣть животноподобность типа. *Пер.*

4) Раса Кро-Маньонская, къ которой принадлежатъ и Энгискіе ископаемые типы, отличались длинными, высокими, довольно объемистыми черепами, съ хорошо развитымъ носомъ. Наружностью напоминала, вѣроятно, кабиловъ или берберовъ. *Пер.*

5) Съ плоскимъ лицомъ лапландскаго типа. Гренелль—предмѣстье Парижа. Ла-Трюшеръ—мѣстечко во Франціи. *Пер.*

каковы, напр., Клаатчъ и Шлицъ, среди ископаемыхъ находокъ имѣется не мало череповъ, свидѣтельствующихъ о помѣсяхъ, имѣвшихъ мѣсто уже въ тѣ безконечно удаленныя отъ насъ времена. Согласно профессору Клаатчу, коренной основой человѣчества, населявшего древнюю (доисторическую) Европу, слѣдуетъ считать потомковъ смѣшенія неандертальской расы съ *Номо Aurignacensis*, давшихъ, въ свою очередь, такъ наз. Кроманьонскій типъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что перекрестные брачные союзы продолжались въ теченiе всего неолитическаго вѣка. О какой же „чистой праиндо-европейской расѣ“ можетъ быть рѣчь въ началѣ III тысячелѣтiя до Р. X.?

Поэтому не только весьма возможно, но и въ высшей степени вѣроятно, что индо-европейскiй пранародъ состоялъ изъ физически разнородныхъ племенъ и элементовъ; притомъ вѣроятность допущенiя тѣмъ большая, чѣмъ обширнѣе была область распространенiя предковъ современныхъ индо-европейцевъ. Всегда и во всѣ времена возникали новые народы черезъ слiянiе нѣсколькихъ старыхъ, черезъ расасыванiе покоренныхъ и поглощенiе однихъ племенъ другими. Подъ влiянiемъ какихъ особенныхъ условiй могъ индо-европейскiй пранародъ, при тогдашнемъ состоянiи Европы, избѣгнуть общей участи? Равнымъ образомъ нельзя рассчитывать, чтобы антропология какимъ-либо непосредственнымъ путемъ могла выяснить внѣшнiй обликъ (типъ) индо-европейца, сложившiйся въ результатъ длиннаго ряда помѣсей. Ибо при настоящемъ положенiи вопр са о родинѣ индо-европейцевъ (смотри гл. XII) надо было бы предварительно тѣмъ или инымъ путемъ найти область первоначальнаго исхода индо-европейскаго потока, а затѣмъ уже обратиться за разъясненiемъ къ антропологамъ относительно внѣшности нашихъ прапредковъ, въ зависимости отъ того, сидѣли ли они въ III тысячелѣтiи до Р. X. въ южной Россiи, или въ сѣверной Германiи, или по Дунаю, или въ Туркестанѣ.

Въ настоящее время можно сказать только одно: такъ какъ мы видѣли, что южныя широты лежали внѣ предѣловъ расселенiя праиндо-европейцевъ, то, по всей вѣроятности, они внѣшностью были скорѣе сѣверяне, чѣмъ южане, т. е. скорѣе высокорослы, чѣмъ малорослы, свѣтловолосы, нежели чернявые; рѣшить же вопросъ, были ли они въ большинствѣ типичными скинами или еракійцами, сла-

вянами или германцами, или, быть можетъ, преобладалъ среди нихъ кельтскій типъ—превыше нашихъ силъ.

Остаются нерѣшенными еще два вопроса, которые необходимо разсмотрѣть хотя бы вкратцѣ: какъ обширна могла быть площадь позднѣйшаго расселенія индо-европейскаго пранарода, безъ утраты чувства національнаго единства, т. е. съ сохраненіемъ возможности взаимно понимать другъ друга? И еще: при какихъ обстоятельствахъ и внѣшней обстановкѣ могъ произойти окончательный распадъ праиндо-европейскаго единства?

Опредѣленный отвѣтъ на первый изъ вопросовъ, конечно, невозможенъ. Но есть нѣкоторыя данныя, позволяющія утверждать, что кельты и германцы въ доисторическія времена чрезвычайно долго оставались на ступени праязыка; что даже въ началѣ I тысячелѣтія до Р. Х. кельтскій и германскій языки существенно не отличались отъ праиндо-европейскаго, между тѣмъ какъ греческій и индусскій были въ это время совершенно различными нарѣчіями. То же, что о кельтахъ и германцахъ, можно, вѣроятно, сказать и о славянахъ, хотя въ виду значительно болѣе поздняго примѣненія къ ихъ изученію метода научнаго изслѣдованія, трудно подобрать подтверждающіе факты.

Если догадка о славянахъ подтвердится, то ясно, что предѣлы распространенія праиндо-европейцевъ могли быть очень широки, безъ утраты способности понимать другъ друга, подобно тому, какъ среди народовъ, говорящихъ на языкахъ турко-татарскаго корня, способность взаимопониманія сохранилась будто бы понынѣ; такъ, якутъ съ береговъ Лены понимаетъ якобы турка-анатолійца.

Что касается окончательнаго распаденія индо-европейскаго народнаго и языковаго единства, то, для уразумѣнія его, достаточно сослаться на аналогичный процессъ распаденія славянства, расселившагося окончательно въ III—VII столѣтіяхъ по Р. Х.

Кстати сказать, славяне были послѣднимъ изъ коренныхъ индо-европейскихъ народовъ, развернувшимся гесграфически, по примѣру прочихъ, почти на глазахъ современной намъ исторіи. Расселеніе славянъ не происходило ни одновременно, ни по одному и тому же направленію. Тѣмъ не менѣе, когда процессъ развертыванія, около VII вѣка, завершился, передъ нами уже не было единства, но рядъ различныхъ, частью раздѣльныхъ, частью сохранившихъ связь народовъ, съ не

очень рѣзко различавшимися языками и не утратившимся истиннѣмъ сознаниемъ единства. Но еще одно тысячелѣтiе— и родство славянскихъ языковъ, на зло всѣмъ потугамъ панславизма, будетъ сознаваться только учеными лингвистами.

II. Выясненiе индо-европейскихъ культурныхъ условiй.

Первымъ дѣломъ слѣдуетъ замѣтить, что бесполезно строить пражисторiю европейскаго человечества на какихъ-либо отвлеченныхъ даныхъ. Въ результатъ получатся безпочвенные образы фантази.

(В. Генъ¹).

Если когда-либо существовалъ индо-европейскiй пранародъ, то онъ несомнѣнно жилъ въ тѣхъ или иныхъ культурныхъ условiяхъ. Поэтому съ тѣхъ поръ, какъ ученые пришли къ сознанию единства индо-европейскихъ языковъ, они стали прилагать возможные усилiя къ уясненiю условiй матеріальной и духовной культуры праиндо-европейцевъ, чтобы, на основанiи послѣдней, сдѣлать соотвѣтствующее заключенiе о каждомъ народѣ въ отдѣльности.

Какiе же имѣются къ тому пути? Первый путь— путь сравнительнаго языкознанiя—раскрываетъ лексическую сокровищницу праязыка и даетъ возможность установить, какiя культурныя понятiя и представленiя вошли въ плоть и кровь праиндо-европейцевъ и вылились въ словесной формѣ. Такъ, напр., если мы замѣчаемъ, что нѣмецкое слово „Kuh“ (корова), соотвѣтствующее древне-верхне-нѣмецкому „chuo“, имѣетъ параллели въ древне-индiйскомъ „gô“, древне-иранскомъ „gâo“, армянскомъ „kov“, греческомъ „βούς“ (bûs), латинскомъ „bûs“, ирландскомъ „bó“, древне-славянскомъ „говендо“; [говядина], а нѣмецкое „Joch“, готское „juk“ соотвѣтствуетъ

¹) Викторъ Генъ (Hehn), правильнѣе Хенъ, уроженецъ Дерпта (Юрьева),—выдающiйся историкъ культуры и знатокъ сравнительнаго языкознанiя. Былъ учителемъ въ Перновѣ, затемъ лекторомъ въ Дерптскомъ университетѣ и библиотекаремъ Имп. Публ. библiотеки.

Цитата приведена изъ его „Historisch-linguistische Skizzen“. Берлинъ 1870. Пер.

древне-индійскому „yugá“, греческому „ξ ὄν“ (zygón), лат. «jugum», древне-славянскому „иго“, литовскому „jūngas“, кимрійскому „iou“—то мы вправѣ заключить, что и то и другое слово существовало въ праязыкѣ, а, слѣдовательно, пранародъ имѣлъ уже вполне опредѣленные представленія о коровѣ и о ярмѣ. Описанному процессу присвоено названіе „лингвистической палеонтологіи“, по аналогіи съ научными приѣмами естествоиспытателя, который, исходя изъ данныхъ, обнаруженныхъ изслѣдованіемъ вновь открываемыхъ остатковъ фауны и флоры давно прошедшихъ дней, воссоздаетъ обликъ минувшаго земли.

Лингвистическая палеонтологія имѣетъ чрезвычайно подкупающія стороны, заставляющія забывать о ея пробѣлахъ, коренящихся, какъ и для естествоиспытателя, въ вынужденномъ пользованіи матеріаломъ, состоящемъ лишь изъ осколковъ и обломковъ, завѣщанныхъ намъ далекимъ прошлымъ.

Такъ, не всѣ индо-европейскія параллели настолько полны, какъ обѣ вышеприведенныя. Гораздо чаще параллелизмъ существуетъ относительно двухъ, трехъ, много четырехъ индо-европейскихъ языковъ, вслѣдствіе чего возникаютъ вопросы, доказательны ли, напр., для всѣхъ прочихъ индоевропейцевъ параллели, опирающіяся только на древне-индійскій и греческій языки, каковы греческое „πέλεκυς“ (pélekys) — топоръ и древне-индійское „рагаçú“—или только на греческій и древне-германскій: нѣмецкій „Hufe“ (древне-верхне-нѣмецкое „huoba“), греч. «κήπος» (képos) [садъ]. Ибо само собою ясно, что могли существовать чисто мѣстныя культурныя пріобрѣтенія, составлявшія достояніе лишь небольшихъ областей индо-европейской территоріи.

Дать въ каждомъ подобномъ единичномъ случаѣ опредѣленный отвѣтъ невозможно, потому что утрата тѣхъ или иныхъ словъ, явленіе самое обычное въ жизни языка; а потому весьма возможно, что въ далекомъ прошломъ въ пополненіи обѣихъ вышеприведенныхъ параллелей приняли бы участіе и прочія индо-европейскія нарѣчія. Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда параллелизмъ съ замѣтнымъ постоянствомъ ограничивается опредѣленнымъ цикломъ языковъ для совершенно опредѣленнаго же круга представленій, можно съ достаточной увѣренностью утверждать, что такое совпаденіе не есть дѣло случая или позднѣйшей утраты словъ, но коренится въ давнишнихъ, праисторическихъ особенностяхъ культурнаго облика страны или народа.

Впрочемъ, фактъ недостовѣрности и колебаній во всемъ, что касается использованія лингвистическаго матеріала, не долженъ смущать изслѣдователя, потому что всякія параллели—безразлично, охватываютъ ли онѣ большой или малый циклъ языковъ—все же показываютъ, что выражаемый ими бытовсй фактъ имѣлъ распространеніе на соотвѣтственно большей или меньшей территоріи, въ предѣлахъ области расселенія народовъ, объединенныхъ общностью праиндо-европейской рѣчи.

Если же отдѣльные языки утрачиваютъ нѣкоторыя слова праязыка, то нѣтъ причинъ, чтобы какое-либо слово не могло утратиться одновременно во всѣхъ. Но подобно тому, какъ палеонтологъ-естествоиспытатель не станетъ строить какихъ-либо заключеній на отсутствіи тѣхъ или иныхъ растительныхъ остатковъ во вновь открытыхъ наслоеніяхъ, зная, что большая часть растений гибнетъ при условіяхъ, исключających возможность ископаемой сохранности, — такъ и палеонтологъ-лингвистъ долженъ остерегаться выводовъ „*esilentio linguarum*“, если, опять-таки, отсутствіе прародственныхъ параллелей не касается полностью цѣлой категоріи понятій, какъ, напр., названій мѣсяцевъ (смотри гл. VII).

Во многихъ случаяхъ нельзя, однако, разобрать, опирается ли тотъ или иной рядъ аналогичныхъ выраженій на родственности языковъ, или же на позднѣйшемъ преемственномъ заимствованіи. Такъ, напр., у древнихъ пруссовъ золо о называлось „*ausis*“ (литовское *auksas*), весьма похожее на лат. „*augum*“, древнѣйшая форма котораго была „*ausom*“. Слѣдуетъ ли отсюда, что золото составляло древнѣйшее праисторическое достояніе римлянъ и прибалтійскихъ народовъ, или же, что италійское „*ausom*“ было въ незапамятныя времена занесено на сѣверъ торговыми путями, напр. скупщиками янтаря?

Наиболѣе сомнительная сторона лингвистическаго метода изслѣдованія началъ индо-европейской пракультуры состоитъ въ томъ, что параллели, хотя и бросаютъ свѣтъ на общность, въ праисторическое время, тѣхъ или иныхъ бытовыхъ навыковъ или понятій, однако, съ помощью одного лишь языка мы не можемъ составить ни малѣйшаго представленія о реальномъ смыслѣ обслѣдованнаго факта и весьма часто склонны придавать ему черезчуръ современную окраску.

Каковъ былъ вышеупомянутый индо-европейскій топоръ, мы никоимъ образомъ не можемъ вывести изъ приведенной

выше параллели. То же, касается напр., индо-германскаго горшечнаго искусства, соотвѣтствующая параллель котораго исчерпывается словомъ: древне-скандинавское „hvegg“, древне-ирландское „soeg“, древне-индійское „саги“, въ смыслѣ „котель“.

Отсюда ясно, что лингвистъ не можетъ рѣшать праисторическія и пракультурныя загадки только съ точки зрѣнія лингвиста. Языкознаніе должно идти рука-объ-руку съ предметъ вѣдѣніемъ. Слова и обозначаемыя ими вещи нераздѣльны.

Поэтому съ сознаниемъ безусловной неизбѣжности языкознаніе должно идти рука-объ-руку съ доисторической археологіей, которая вводитъ насъ въ міръ прошлаго помимо всякихъ отвлеченныхъ умозаключеній. Всѣ предпріятыя въ данномъ направленіи работы привели къ наиболѣе важнымъ результатамъ въ вопросахъ, касающихся праисторіи индоевропейцевъ.

Праисторики классифицируютъ доисторическія наслоенія въ нашей части свѣта по признакамъ присутствія или отсутствія въ нихъ металловъ. Соотвѣтственно этому различаются аметаллическій, или каменный періодъ, распадающійся, въ свою очередь, на эпохи древнюю, или палеолитическую, и новую, или неолитическую; второй періодъ—металлическій, подраздѣляющійся, согласно общепринятой классификаціи скандинавскихъ археологовъ, на бронзовую и желѣзную эпохи. Къ которому же изъ названныхъ моментовъ можно приурочить появленіе въ Европѣ индо-европейскаго народа?

Еще въ 1883 г., въ первомъ изданіи моей книги „Сравнительное языкознаніе и первобытная исторія“¹⁾, я старался доказать, что культурныя находки древнѣйшихъ свайныхъ построекъ въ Швейцаріи всѣ принадлежатъ къ неолитической эпохѣ и полностью соотвѣтствуютъ уровню культуры, выясняющемуся путемъ филологическо-историческихъ изслѣдованій для цѣлаго ряда фактовъ и явленій, на которыя мы должны смотрѣть не иначе, какъ на бытовые пережитки древнѣйшаго индо-европейскаго населенія Европы.

Оказывается, что важнѣйшіе составные элементы свайной культуры, какъ-то: остатки домашнихъ животныхъ, полезныхъ растений, слѣды практиковавшихся среди обитателей шноровокъ—шить, прясть, ткать, и т. п.—всѣ подтверждаются соотвѣтствующими лингвистическо-историческими параллелями.

¹⁾ Есть русскій переводъ. Пер.

И, напротивъ того, тѣ культурныя явленія, которыхъ не найдено въ древнѣйшихъ свайныхъ отложеніяхъ Швейцаріи, напр., слѣды осла, мула, кошки, ржи, конопли и пр., отсутствуютъ также въ сокровищницѣ языка, соотвѣтствовавшаго первичному періоду индо-европейскаго заселенія Европы.

Та же культура, характерная для швейцарскихъ свайныхъ построекъ, отбѣненная лишь нѣкоторыми мѣстными особенностями, обнаружена нынѣ во всѣхъ концахъ нашего материка, въ новѣйшее же время даже въ южной Россіи (по Днѣпру); однимъ словомъ,—на протяженіи территоріи, занятой индо-европейцами въ доисторическое время. Отсюда вытекаетъ всеобщее признанное нынѣ заключеніе, что по меньшей мѣрѣ съ неолитическаго времени приходится считаться съ присутствіемъ индо-европейцевъ на материкѣ Европы. Этимъ, конечно, отнюдь не сказано, что всѣ населявшія Европу въ неолитическое время племена были непременно индо-европейцы.

Ссылкѣ на неолитическую давность отнюдь не противорѣчитъ фактъ, что индо-европейскому пранароду былъ уже извѣстенъ, по крайней мѣрѣ, 'одинъ металл—мѣдь, о чемъ свидѣтельствуетъ параллель: нѣм. „ehern“ (мѣдный), готское „aiz“ [руда], лат. „aes“ и древне-индійское „ayas“. Ибо праисториками найдено доказательство, что именно мѣдь была уже извѣстна въ концѣ неолитической эпохи, и что изъ мѣди изготовляли тогда отливкой топоры (ср. греч. „πέλεκος“, древнеинд. „pṛgaṣu“), кинжалы (лат. „ensis“ = древне-инд. „así“, мечъ), пила (нѣм. „Ahle“, древне-верхне-нѣмецкое „ala“, древне-индійское „áṛa“). Поэтому правильнѣе было бы назвать эпоху первобытнаго индо-европеизма „бронзово-каменнымъ періодомъ“. Существованіе камня и бронзы и есть тотъ общій переходный пунктъ, который можетъ служить лингвистамъ и праисторикамъ точкой отправленія для истолкованія всего дальнѣйшаго культурно-историческаго развитія нашей части свѣта.

Сравнительно чрезвычайно просто раскрывается тогда исторія желѣза на сѣверѣ Европы. Какъ языкознаніе, такъ и археологія вполне согласно видятъ въ обработкѣ желѣза промыселъ, возникшій ранѣе римскаго вліянія и независимо отъ него. Лингвистъ удостовѣритъ, что нѣм. слово „Eisen“ (желѣзо), готское „eisarn“, имѣетъ кельтскій корень (ирландское „iarn“) и заимствовано еще въ то время, когда на кельтскомъ языкѣ сохранялось междугласное „s“ („isarno).

Вмѣстѣ съ названіемъ для желѣза древніе германцы переняли, вѣроятно, отъ кельтовъ также обозначеніе для желѣзнаго копья (древне-верхне-нѣмецкое „gêg“ отъ кельтскаго „gaiso“, по ирландски „gai“), занесенное впоследствии, къ римлянамъ (gaesum) и грекамъ (λαῖσος—gaisos). Въ полномъ согласіи съ лингвистикой данныя праисторической археологіи показываютъ, что древнѣйшіе желѣзные рудники Европы—на островѣ Борнгольмъ и въ Гальштаттѣ—несомнѣнно до-римскаго происхожденія и относятся ко времени кельтскаго господства (La Tène ¹⁾).

Несмотря на великое значеніе совмѣстной заботы лингвистовъ и праисториковъ для восстановленія облика первобытной культурной эволюціи, все же есть нѣкоторыя опредѣленные границы, дальше которыхъ сотрудничество ихъ идти не можетъ. Дѣйствительно, картина предметной обстановки, восстанавливаемая на основаніи доисторической археологіи, всецѣло зависитъ отъ прочности матеріаловъ, изъ которыхъ дѣлались вещи, а потому не можетъ не страдать односторонностью.

Что, напр., могутъ рассказать археологическія находки о напиткахъ древности? Или о молочныхъ скопахъ праиндоевропейцевъ? Били они масло? Варили сыръ? Такъ же мало мы знаемъ о плевыхъ орудіяхъ каменнаго вѣка, несомнѣнно уже существовавшихъ, въ виду очевиднаго знакомства населенія съ культурными растеніями.

Главнымъ же образомъ праисторическіе документы совершенно безсильны дать намъ опредѣленное представленіе о семейной, государственной и правовой жизни пранародовъ, или объ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, если не считать отрывочныхъ свѣдѣній, почерпаемыхъ изъ погребальной обстановки—однимъ словомъ они не могутъ сообщить ни о какихъ явленіяхъ, входящихъ въ область духовной, нравственной культуры.

Поэтому бытовая картина доисторическаго прошлаго непремѣнно страдала бы незаполнимиы пробѣлами, если бы въ нашемъ распоряженіи не было еще тѣтяго фактора, сводящагося къ параллельной обработкѣ древнѣйшихъ историческихъ источниковъ, касающихся реальныхъ древностей и учреждений праиндоевропейцевъ.

Такъ, напр., если всѣ индоевропейцы при выступленіи на міровое историческое поприще были знакомы съ овце-

¹⁾ Одна изъ эпохъ желѣзнаго вѣка. *Иер.*

водствомъ, или же у всѣхъ воровство являлось тяжело наказуемымъ проступкомъ, то вполне естественно предположить, что такой порядокъ вещей сложился уже въ праисторическое время. Вѣроятность во многихъ случаяхъ переходить въ достовѣрность, если мы, напр., находимъ, что для пснятій „овца“ или „горовать“ существуютъ вполне неоспоримыя индо-европейскія лингвистическія параллели; такъ, для древне-верхне-нѣмецкаго „ou“ служатъ параллелями лат. „ovis“, греч. „ὄϊς“ (óis), древне-индійское „ávi“¹⁾; для готскаго „hlifan“—красть, находимъ лат. „clerege“ и греч. „κλέπτω“ (klépto). Или же, напр., если мы наблюдаемъ, что у многихъ индо-европейскихъ народовъ—и чѣмъ глубже въ мракъ вѣковъ, тѣмъ чаще—встрѣчается обычай, въ силу котораго вдова либо должна погибнуть вмѣстѣ съ мужемъ, либо же не имѣетъ права вторично вступить въ бракъ, тогда какъ вдовцы свободны отъ подобныхъ ограниченій—то и въ томъ и въ другомъ случаѣ естественно допустить, что относительная безправность вдовъ освящена обычаями праиндо-европейской старины.

Вѣроятность опять-таки обращается въ достовѣрность, если принять во вниманіе лингвистическую сторону вопроса; дѣйствительно, въ древнѣйшихъ формахъ индо-европейскихъ языковъ существуютъ обозначенія только для „вдовы“ (нѣм. „Witwe“, готское „widuwô“, лат. „vidua“, древне-индійское „vidhávā“), но не для вдовца, специальный терминъ для котораго отсутствуетъ. Это показываетъ, что на культурномъ уровнѣ индо-европейскихъ пранародовъ женщина занимала настолько подчиненное положеніе, что ни обычай, ни чувство, ни законъ не вызвали необходимости созданія особеннаго термина для совершенно безразличнаго въ бытовомъ смыслѣ положенія „вдовца“, между тѣмъ какъ быть вдовой являлось чѣмъ-то вродѣ правонарушенія. Поэтому самый терминъ или названіе „вдовецъ“ выработались лишь впоследствіи.

За пережитками праисторическаго времени не слѣдуетъ также забывать пережитки современные. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ укромныхъ уголкахъ Европы, въ особенности же въ славянскомъ мірѣ, на который мы обратимъ вниманіе, сохранились весьма явные слѣды исконнаго уклада нашей части свѣта, дожившіе до современности. Русскій крестья-

1) Сравни русское „овца“, „овень“. Пер.

нинь поднесь пашеть свое поле древнею сохою; на границѣ Азии съ Европой до сихъ поръ строятъ полуподземныя жилища, какъ нѣкогда во всей Европѣ. Римская „*patria potestas*“ (родительская власть) цѣликомъ живетъ въ старорусской деревенской избѣ; южно-славянское „братство“ (сравни греч. „*φρατρία—φρατρία*“) повторяетъ полностью одно изъ учрежденій индо-европейской праисторіи. Такимъ образомъ распутившаяся въ послѣднее время роскошнымъ цвѣткомъ новая наука, народовѣдѣніе; несомнѣнно явится надежною помощницей въ дѣлѣ раскрытія бытовыхъ условій индо-европейской праисторіи, поскольку она будетъ касаться уклада жизни племень, живущихъ на древней индо-европейской почвѣ.

Посредствомъ намѣченныхъ выше вкратцѣ научныхъ пріемовъ и путей мы попытаемся теперь возстановить картину индо-европейскихъ культурно-бытовыхъ условій.

III. Народное хозяйство.

Къ непосредственно бросающимся въ глаза особенностямъ индо-европейскаго словарнаго состава принадлежитъ параллелизмъ названій всѣхъ четвероногихъ домашнихъ животныхъ, за исключеніемъ осла, мула и кошки, обнимающій и европейскую и азіатскую вѣтвь народа. Нѣмецкій „*Ochse*“ [волъ] соотвѣтствуетъ готскому „*aúhsa*“, древнеиндійскому „*ukshán*“, нѣмецкій „*Stier*“ [туръ] готскому „*stiur*“, древне-иранскому „*staora*“ (крупный рогатый скоть); нѣмецкое „*Kuh*“ (древне-верхне-нѣмецкое „*huo*“) дрвнсл. „говядо“, латинскому „*bòs*“, греч. βός (*bòs*), древне-индійскому „*gò*“; древне-верхне-нѣмецкое названіе овцы „*ou*“ соотвѣтствуетъ лат. „*ovis*“. греч. „*ὄϊς (òis)*“ и древне-индійскому „*ávi*“; нѣмецкое „*Geiss*“ (готское „*gaits*“), латинскому „*haedus*“; нѣмецкое „*Bock*“ [козель] древне-верхне-германскому „*boc*“, древне-иранскому „*bûza*“; нѣмецкое „*Sau*“ (древне-верхне-нѣмецкое „*sû*“) и „*Schwein*“ (древне-верхне-нѣмецкое „*swîp*“¹⁾)--латинскому „*sûs*“, греческому „*σῦ*“, „*ῥῥ*“ (*sûs*, *hûs*) и древне-иранскому „*hû*“ [вепрь, кабань]; нѣмецкое „*Ferkel*“ (древне-верхне-нѣмецкое „*faḡah*“), лат. „*porcus*“²⁾; древне-саксон.

¹⁾ Сравни русское „свинья“. *Пер.*

²⁾ Сравни народное „пороса“. *Пер.*

ское названіе лошади „ēhu“ — латинскому „equus“, греч. ἵππος (hippos), древне-индійскому „áśva“, древне-иранскому „aspa“; нѣмецкое „Fohlen“ (жеребенокъ), готскому „fula“, греч. πῶλος (pólos); нѣмецкое „Hund“ (собака)—древне-верхне-нѣмецкому „hund“, лат. „canis“, греч. „χῶν“ (kῶn) и древне-индійскому „śva“. Нѣмецкое „Vieh“ (скоть) и готское „faihu“, повторяется въ лат. „pecus“, и древне-индійскомъ „ráṣu“. Нѣмецкое „Herde“ [стадо] имѣетъ параллель въ древне-верхне-нѣмецкомъ „herla“ древне-славянскомъ „črěda“. Что словарный составъ праязыка имѣетъ въ виду именно домашнихъ, а не дикихъ животныхъ, доказывается многочисленными палеонтологическими находками, свидѣтельствующими, что шесть названныхъ животныхъ, — корова, овца, коза, свинья, лошадь и собака, были извѣстны въ Европѣ уже въ неолитическое время. Специалисты прекрасно отличаютъ кости домашнихъ животныхъ отъ костей дикихъ.

Сверхъ названныхъ, есть еще достаточно другихъ фактовъ, устанавливающихъ близкое знакомство индо-европейскаго пранарода со скотоводствомъ. Скоть—размѣнная монета, деньги индо-европейской міровой семьи. Когда Ульфилы¹⁾ переводить съ греческаго, онъ всюду, вмѣсто „ἀργύριον“ (деньги), ставитъ „faihu“. Нѣмецкое „Schatz“ (кладъ, сокровище), готское „skatts“, первоначально было, вѣроятно, тождественно съ славянскимъ „скоть“ [домашній скоть]. Латинское „pecunia — деньги“, происходитъ, очевидно, отъ „pecus—скоть“.

У Гомера, дѣвушка, приносящая родителямъ, выходя замужъ, „вѣно“, называется „приобрѣтательницей скота“; въ пѣсняхъ Ригведы и „вѣно“ и „вира“ опредѣляются числомъ коровъ.

Скоть доставлялъ и пищу и одежду. Всѣ сѣверныя европейскіе народы слывуть у грековъ „γαλακτοτρόφοι“ (galaktotrophantes), т. е. „молокоѣдами“. Въ частности о германцахъ, Цезарь, въ своемъ „De bello Gallico“, кн. IV, 1, удостовѣряетъ, что они „очень мало питаются зерномъ, главнымъ же образомъ молокомъ и мясомъ домашнихъ животныхъ“, а въ кн. VI, 22, что „существенная часть ихъ пищи состоитъ изъ молока, сыра и мяса“. Индо-европейское на-

¹⁾ Ульфилы или, правильнѣе, Вульфилы—первый епископъ и просвѣтитель готовъ. Перевелъ на готскій яз. Священное Писаніе (IV в по Р. X.). *Иер.*

званіе для мясного блюда надо искать въ готскомъ „mīnz“ и древне-индійскомъ „mānṣá“. Мясо умѣютъ жарить и варить: лат. „соquo“, греч. „πέσσω“ (péssō), древне-индійское „рас“, нѣмецкое „backen“, древне-верхне-нѣмецкое „bahhan“, греч. φῶγω (phōgō). Любимѣйшимъ лакомствомъ, какъ доказываютъ доисторическія находки, былъ костный жиръ (нѣм. „Marg“, древне-верхне-нѣмецкое „marg“, древне-индійское „majjān“, древне-иранское „mazga“¹⁾). Древнѣйшая параллель для нѣмецкаго „Milch“ [молоко] осуществляется въ лат. „lac“ и греч. „γάλα“ (gála), которая, однако, вмѣстѣ съ нѣм. „melken“ (доить), лат. „mulgeo“ и греч. „ἀμέλω“ (amélō), ограничивается только предѣлами Европы. Зато общность названій для молочныхъ скоповъ распространяется и на Азію. Такъ, лат. „serum“ соотвѣтствуетъ греч. „ὀρός“ (oros)—сыворожка, древне-индійскому „sāra“ — творогъ, греческое τυρός (tyros)—сыръ древне-иранскому . tūrya“—творожистый; аллеманское „Anke“, въ смыслѣ коровье масло, древне-верхне-нѣмецкое „anko“, имѣетъ соотвѣтствующее въ лат. „unguen“ (мазь) и въ древне индійскомъ „ājya“—жертвенное масло; нѣмецкому „Salbe“ (мазь) соотвѣтствуетъ англо-саксонское „sealf“, греч. „ἔλφος“ (élphos)—въ кипрскомъ діалектѣ „коровье масло“—и древне-индійское „sarpis“ (топленое масло). Послѣднія двѣ параллели показываютъ, что коровье масло употреблялось, вѣроятно, въ древности не столько для ѣды, сколько для намащиванія тѣла, въ особенности волосъ, о чемъ имѣются документальныя свидѣтельства по отношенію ко многимъ праиндо-европейскимъ народамъ.

Одеждою служили шкуры какъ убитыхъ на охотѣ, такъ и домашнихъ животныхъ. Такъ, Цезарь, кн. VI, 31, свидѣтельствуеетъ о германцахъ: „Имѣтъ дѣло съ женщиной ранѣе достиженія 20 лѣтъ считается у нихъ позоромъ; скрыть этого они не могутъ, т. к. совмѣстнокупаются въ рѣкахъ и, вмѣсто одежды, носятъ шкуры, иногда же только кожи маленькихъ „genones“, такъ что большая часть тѣла остается обнаженной“. Вышеприведенное германское „genones“ тождественно съ греческимъ „ῥήν.“ въ словѣ „ῥήνοφορεῖς“ (rheporhogeís) — „овчиноносный“ — и одного корня съ древне-индійскимъ „úgana“ (баранъ), и греч. „ἀρήν, ἀρνός“ (arén)—„ярка“.—Слѣдовательно „genones“ ничто иное, какъ „тулупъ“. Дѣйствительно, шубы изъ овчинъ были нѣкогда

¹⁾ Сравни русское «могъ». *Пер.*

народною одеждою готовъ и теперь еще поголовно носятъ русскую деревней.

Въ употребленіи были не только самыя овчины, но и шерсть, которую умѣли пряхть. Нѣм. „Wolle“ (готск. „wulla“) соотвѣтствуетъ лат. „vellus“. древне-индѣйскому „ûṅṅā“; нѣм. „weben“ (пяхть)—древне-верхне-нѣмецкому „wēban“, греч. „ὄφραίνω“ (hupháinō), древне-индѣйскому—„vábhi“ (пяхть) въ словѣ „ûṅṅa-vábhi“—„паукъ“, собственно „шерстопрядь“.

Насколько они были искусны въ пряхть, сказать довольно трудно. Во всякомъ случаѣ кусокъ шерстяной ткани служить обычнымъ препоясаніемъ даже въ Римѣ, пока, подъ вліяніемъ семитовъ, не стали носить тунику (лат. tunica, собственно „*ctunica“, отъ еврейскаго „ketonet“—тѣлогрѣя—греч. „χιτών“—chitōn). Изъ длинной туники получились на сѣверѣ штаны. Итакъ, плащъ изъ овечьихъ или иныхъ шкуръ и препоясаніе изъ шерстяной ткани, о которомъ не будемъ болѣе распространяться, составляли, вѣроятно, древнѣйшую одежду праиндо-европейцевъ.

Упряжной скотъ былъ также извѣстенъ въ глубокой древности, доказательствомъ чему служить параллелизмъ названій для повозки и ея составныхъ частей во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ. Такъ, нѣм. „Rad - колесо“ (древне-верхне-нѣмецкое „rad“), соотвѣтствуетъ лат. „rota“ и древне-индѣйскому „rátha“—повозка; нѣм. „Achse—ось“ (древне-верхне-нѣмецкое „ahsa“) —латинскому „axis“ и древне-индѣйскому „aksha“; нѣмецкое „Nabe“ (ступица), въ древне-верхне-нѣмецкомъ звучало „naba“, въ древне-индѣйскомъ „nábhi“; нѣмецкое „Joch“ (иго, ярмо), въ древне-верхне-нѣмецкомъ „joh“, соотвѣтствовало лат. „júgum“, греч. „ζυγόν“ (zygón), древне-индѣйскому „yugá“. Вестфальскій провинціализмъ „Name“, вмѣсто „Kumpet—хомуть“, имѣетъ соотвѣтствующую параллель въ древне-индѣйскомъ „śamya“, и мн. др. Весьма вѣскимъ подтвержденіемъ большого значенія скотоводства у доисторическихъ праиндо-европейцевъ служатъ названія частей тѣла животныхъ, въ особенности же ихъ внутреннихъ органовъ: всѣ анатомическія подробности строенія находятъ откликъ въ праязыкѣ. Такъ, нѣмецкое „Galle“ (желчь) въ древне-верхне-нѣмецкомъ „galla“ идетъ рука-объ-руку съ лат. „fel“ и греч. „χολίς“ (cholós); лат. „liēn“, селезенка, вполне созвучно съ греч. „σπλήν“ (splén) и древне-индѣйскимъ „plihán“. То же относится и къ „Niēre“—почка: въ древне-верхне-нѣмецкомъ имѣемъ „niēro“, въ

лат. „pētrōnes“, въ греч. „πετρός“ (perhros); древне-скандинавское „iðrag“, и соотвѣтствуетъ греч. „ἐντερα“ (ēntera) и древне-индiйскому „āntrā“ [внутренности]; лат. „pulmo“ [легкія]—тождественно съ греч. „πλεῦμων“ (plēmōn) и съ древне-индiйскому „klōmān“. Нѣмецкое „Herz“ [сердце], повторяетъ древне-верхне-нѣмецкое „hērza“, латинское „cor“, греч. „καρδία“; латинское „jescur“ [печень] имѣетъ параллель въ греч. „ἥπαρ“ (hēpar) и въ древне-индiйскомъ „yākrī“ и мн. др. Такъ какъ невозможно предположить въ столь отдаленномъ прошломъ систематическаго изученія анатоміи человѣческаго тѣла, то обстоятельное знакомство съ внутреннимъ строеніемъ четвероногихъ было мыслимо только на трупахъ домашняго скота, обрекавшагося на закланіе при священныхъ и несвященныхъ обстоятельствахъ. Фактически мясо стадныхъ четвероногихъ частью шло въ обычную пищу людямъ (смотри выше), частью же богамъ во время и послѣ жертвоприношеній (гл. XI); отсюда, между прочимъ, весьма рано возникъ обычай предсказывать будущее по внутренностямъ и другимъ органамъ жертвенныхъ животных.

Сопоставивъ все вышесказанное и принявъ во вниманіе свидѣтельства историческихъ документовъ, указывающихъ на важное значеніе скотоводства въ жизни отдѣльныхъ народовъ индо-европейской группы, мы поймемъ, почему въ пѣсняхъ „Ригведы“ слово „gāvishti“—битва, борьба—означаетъ буквально „погоня за коровами“ или „стремленіе добыть коровъ“ (отъ „gō“—корова); присоединивъ сюда сказанія Гомеровскихъ эпосовъ о томъ, какъ царскіе сыновья сами пасли стада своихъ отцовъ, и слова Тацита въ „Germania“, V, что „стада составляютъ единственное и любимѣйшее достояніе германцевъ“, мы вправѣ будемъ утверждать, что индо-европейцы главнымъ образомъ были народомъ пастушескимъ, или, лучше говоря, „скотоводами“.

Дѣйствительно, для правильнаго сужденія объ экономическомъ бытѣ праиндо-европейцевъ, весьма важно принять во вниманіе еще одинъ фактъ изъ области сравнительнаго языкознанія: рядомъ параллелей, какъ выше указано, можетъ быть установлена довольно развитая терминологія, относящаяся къ земледѣлію, съ той только разницей, что она очень рѣдко захватываетъ языки азіатской вѣтви индо-европейцевъ. Такъ, древне-скандинавское названіе плуга „arthr“¹⁾ со-

¹⁾ „Орать“ въ значеніи „пахать“, „работать въ полѣ“. Пер.

отвѣтствуетъ лат. „aratum“ и греч. „ἀρότρον“ (árotron); лат. „arare“—греческому „ἀρόω“ (aróō) [пашу]; древне-верхне-нѣмецкое „waganso“ (сошникъ) имѣеть параллели въ лат. „vomis“ и греч. „ὄρνις“ (ornis); нѣмецкое „Egge“, древне-верхне-нѣмецкое „egida“—по латыни „осса“, а по греч. „ὄξινη“ (oxínē); нѣм. „säen“ [сѣять] тождественно съ древне-верхне-нѣмецкимъ „säen“, латинскимъ „sego“; нѣм. „Same—сѣмя“, съ древне-верхне-нѣмецкимъ „samo“, лат. „sēmen“; нѣм. „Korn“ (древне-верхне-нѣмецкое „Korn“) — съ лат. „granum“; лат. „sarpere“ [жать]—съ греч. „ἄρπη“ (hárpē)—серпъ; нѣм. „mahlen“ (древне-верхне-нѣмецкое „malan“) [молоть]—съ лат. „molere“ и греч. „μύλη“ (mylē)—мельница; нѣм. „Furche“, древне-верхне-нѣмецкое „furuh“ [борозда]—съ лат. „roca“; нѣм. „mähen“ (древне-верхне-нѣмецкое „mäen“ — косить), съ греч. „ἀμάω“; нѣм. провинциализмъ „Reiter“—въ смыслѣ рѣшето, сито (древне-верхне-нѣмецкое „ritara“), съ лат. „cribrum“; нѣм. „Aehre“—колосъ, готск. „ahs, ahana“—съ лат. „acus“, греч. „ἄχνη“ (áchnai); [мякина], нѣм. „Halm“ [былинка]—съ лат. „culmus“ и греч. „κάλαμος“ (kalamos). Вездѣ, какъ мы видимъ, отсутствуютъ древне-индійскія и древне-иранскіе параллели. Нѣмецкое „Asker“—„akrs“, лат. „ager“, греч. ἄγρος (agros), [поле, нива]—хотя имѣеть созвучное древне-индійское слово „ajra“ однако, не въ смыслѣ „пашни“, но „выпаса“—равнины или луга, поросшаго травой.

Среди европейскихъ языковъ встрѣчается также много созвучныхъ названій культурныхъ растений. Такъ нѣм. „Gerste“ (ячмень), подревне-верхне-нѣмецки, gersta“, родственно съ латинскимъ „hordeum“ [жито]; готское „barizeins“—[ячменный]—латинскимъ „far“—[полба]; литовское „пурай“ [пшеница] — греческимъ „πυρός“ (pyros); латинское „miliun“—съ греческимъ μελίμη (melíma), просо; нѣмецкое „Mohn“ (древне-верхне-нѣмецкое „mago, maño“—макъ), часто встрѣчающійся на поляхъ, какъ сорная трава съ греческимъ „μάκων“ (mákōn); нѣмецкое „Lein“, ленъ, древне-верхне-нѣмецкое „lin“ родственно съ латинскимъ „linum“ и греческимъ „λίνον, λιτί, λιτα“ (línōn, lití, lita); древне-славянское „бобъ“ съ латинскимъ „faba“; нѣмецкое „Rams“ (баварское „ramsēn“ — испанскій лукъ) съ греческимъ „κρόμμυον“ (krómmyon)—луковица; нѣм. „Rübe“ (древне-верхне-нѣмецкое „ruoba“) [рѣпа]—латинскимъ „gāra“, и т. д.

Одно время среди ученыхъ археологовъ замѣчалась

довольно странная тенденція во что бы то ни стало оберегать чистоту пастушескаго облика праиндо-европейцевъ; во имя этой идеи, всѣ земледѣльческія параллели приписывались, хотя и доисторическимъ, по все же позднѣйшимъ заимствованіямъ.

Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ скептики, можетъ быть, и правы; но культурныя растенія, могущія вызывать сомнѣнія, пока вовсе еще не упоминались. Таково, напр., нѣм. „Hauf“, древне-верхне-нѣмецкое „hauaf“ (конопля), представляетъ, по всей вѣроятности, заимствование изъ какого-либо восточно-европейскаго языка, вмѣстѣ съ греческою формою „κάνναβις“ (Kannabis) и созвучною ей латинскою „cannabis“. Нѣмецкое „Roggen“, древне-верхне-нѣмецкое „госко“ [жито] вмѣстѣ съ литовско-славянскими синонимами для даннаго вида хлѣба (напр., русское „рожь“), происходитъ отъ аракійскаго „briza“; послѣднее же, вѣроятно, восходитъ къ формѣ „*vrugja“. Нѣм. „Erbse“, древне-верхне-нѣмецкое „araweiz“ [горохъ], наравнѣ съ лат. „ervum“ и греч. „ἔρεβινθος“ (Erebinthos), очевидно, коренятся въ подобномъ же, пока еще темномъ для насъ источникѣ.

Но для бѣльшей части древне-европейскихъ земледѣльческихъ параллелей ссылка на таинственный источникъ позаимствованія была бы неумѣстна. Такъ, рѣшительно нѣтъ основанія приписывать соотношенію словъ „Gerste“, древне-верхне-нѣмецкое „gërsta“ (ячмень). лат. „hordeum“, позднѣйшее происхожденіе, нежели соотношенію нѣм. „Stier“ (быкъ, туръ) готское „stiu“, древне-иранское „staora“. Тѣмъ болѣе, что по даннымъ доисторической археологіи, земледѣле въ Европѣ отнюдь не моложе скотоводства; съ каждой новой доисторической находкой возрастаетъ увѣренность, что такія культурныя растенія, какъ ячмень, пшеница и просо, были распространены во всей средней, сѣверной и восточной Европѣ, начиная съ неолитическаго времени; область же распространенія другихъ, какъ, напр., льна, бобовъ и мака, простиралась въ то время лишь на сѣверныя предгорія Альпъ, Боснію, Венгрію и Верхнюю Италію (сравни гл. XII).

А по свидѣтельству историковъ, даже индо-европейцы крайнихъ сѣверныхъ областей Европы, и тѣ, въ моментъ вступленія въ семью историческихъ народовъ, не были уже исключительно пастухами или скотоводами. Дѣйствительно,

отважный путешественник Питеасъ¹⁾ (Pytheas) Марсельскій (Massilia), современникъ Алек андра Македонскаго (Страбонъ IV, 201), свидѣтельствуеть, что на самомъ крайнемъ сѣверѣ Европы онъ нашель воздѣлываніе проса и пшеницы.

Конечно, праевропейское земледѣліе было крайне примитивнымъ. Обычные спутники высшаго полеводства: древесные разсадники, плодовые деревья и огороды еще отсутствовали. Такъ, по крайней мѣрѣ, описано древне-германское сельское хозяйство у Тацита (Германія, 26): „они не стараются съ должнымъ рвеніемъ использовать плодородіе земли культурой огородныхъ овощей, воздѣлываніемъ луговъ, орошеніемъ садовъ“. Только „яблоко“ (Apfel), названіе котораго не заимствовано, какъ прочія, у римлянъ, представляетъ единственный, повидимому, плодъ, встрѣчающійся въ культурномъ видѣ въ неолитическихъ пластахъ приальпійской области. „Apfel“ (древне-верхне-нѣмецкое „arful“) несомнѣнно одного корня съ древне-славянскимъ „яблоко“, литовскимъ „obūlas“, старо-прусскимъ „woble“, древне-ирландскимъ „aball“; и, можетъ быть, даже итальянскій „яблокообильный“ (malifera) городъ „Abella“ названъ такъ отъ „яблока“. Остальныя же названія плодовъ, какъ „Birne“ (груша), „Pflaume“ (слива), „Kirsche“ (вишня), взяты съ латинскаго „pirus“, „prunus“ и „cerasus“.

Частная земельная собственность еще отсутствовала (Цезарь, VI, 22, о германцахъ говоритъ: „никто у нихъ не имѣеть опредѣленныхъ размѣровъ поля, а также присвоенныхъ каждому границъ“); полевое хозяйство велось первобытнымъ способомъ [залежное хозяйство]: обрабатывалась подъ яровое только небольшая часть пахотной земли, которая послѣ жатвы обращалась въ пастбище (Тацитъ, 26, о германцахъ: „поля засѣиваются что ни годъ, то на другомъ мѣстѣ“; Гораций III, 24, о гетахъ: „ни одно поле не воздѣлывается дольше года“). Только охота и война слыли почетными занятіями, а „уходъ за полями предоставляется женщинамъ, старцамъ и слабымъ сочленамъ семьи“ (Тацитъ, 15, о германцахъ). „Праздность считается почетнѣйшимъ, земледѣліе—позорнѣйшимъ занятіемъ“ (Геродотъ V, 6, о еракійцахъ).

¹⁾ Современникъ Аристотеля, отважный мореплаатель и географъ, наравнѣ съ цѣнными свидѣніями оставившій въ своихъ запискахъ много баснословныхъ рассказовъ. *Пер.*

Единственнымъ земледѣльческимъ орудіемъ была соха, донынѣ распространенная въ отсталыхъ мѣстностяхъ Европы. Вудьфила называетъ соху „hōha“—словомъ, соответствующимъ древне-индійскому „ṣakha“—сукъ. По отношенію къ сохѣ, плугъ (нѣм. „Pflug“, древне-верхне-нѣмецкое „pflug“) представляетъ позднѣйшее усовершенствованіе, первоисточникъ котораго до сихъ поръ не найденъ, также какъ и слово-производство отъ оставшагося неизвѣстнымъ корня.

Во всякомъ случаѣ невозможно отрицать хронологической совмѣстимости и одинаковой со скотоводствомъ давности нѣкоторыхъ земледѣльческихъ навыковъ у европейской вѣтви праиндо-европейцевъ; загадочной остается только общность для всѣхъ индо-европейцевъ терминологіи, относящейся къ скотоводству, и ограниченіе параллелизма земледѣльческихъ и сельско-хозяйственныхъ названій одною лишь европейской вѣтвью народа. Искать разгадку въ хронологическомъ несовпаденіи уровнейъ культуры восточной и западной вѣтвей невѣроятно; поэтому необходимо найти иное объясненіе.

Въ данномъ случаѣ, и въ отступленіе отъ неизмѣнно приводившихся доселѣ фактическихъ соображеній, приходится прибѣгнуть, вмѣсто доказательства, къ гипотезѣ. Последняя заключается въ томъ, что въ достигаемое для нашего ретроспективнаго взгляда время культурно-экономическое состояніе индо-европейцевъ было уже неоднородное: одни народы, восточные, вели почти исключительно пастушескій образъ жизни; другіе, западные, придавали наравнѣ со скотоводствомъ нѣкоторое значеніе и земледѣлію. Названная гипотеза находитъ поддержку въ цѣломъ рядѣ этнографическихъ обобщеній и поразительныхъ аналогій изъ исторіи другихъ народовъ. Нисколько не противорѣчатъ ей и тѣ немногія земледѣльческія параллели, которыя захватываютъ частью азіатскихъ индо-европейцевъ, какъ, напр., параллелизмъ литовскаго „javai“—зерновой хлѣбъ— съ греч. „ζεά“ (zeá)—полба, и древне-индійскимъ „yáya“—ячмень; также латинскаго „pinso“—греч. „πίσσω“ (ptisso)—древне-инд. „pish“—толочь зерно.

Съ вышеприведенною гипотезой вполне согласуется наблюденіе, что параллель нѣм. слово „Salz“ (соль), готск. „salt“, лат. „sal“, греч. „ἅλς“ (hals), ограничивается наравнѣ съ большей частью земледѣльческихъ параллелей одной Европой. Дѣйствительно, по причинамъ чисто фізіо-

логическаго свойства народы, питающіеся преимущественно, отъ стадъ и отъ скотоводства, гораздо менѣе ощущаютъ потребность въ соли, нежели народы земледѣльческіе, у которыхъ послѣдняя необходимо становится продуктомъ первостепенной важности. Чрезвычайно характернымъ связующимъ звеномъ въ цѣпи доказательствъ является вопросъ о свиноводствѣ; послѣднее всегда и всюду скорѣе примыкаетъ къ земледѣлію нежели къ скотоводству. И, дѣйствительно, зачатки свиноводства можно прослѣдить у европейскихъ праиндо-европейцевъ до глубочайшихъ доисторическихъ временъ, между тѣмъ какъ у индусовъ и причисляемыхъ къ иранцамъ скивовъ, на основаніи документовъ уже чисто историческихъ, домашняя свинья отсутствовала. И, наоборотъ, арійцы были первыми, пріучившими благороднѣйшее изъ нашихъ домашнихъ животныхъ, лошадь, къ ѣздѣ подъ верхъ. Они же, при вторженіяхъ своихъ въ переднюю Азію (смотри выше), познакомили съ лошадыю семитовъ. Что послѣднимъ она была раньше неизвѣстна, ясно изъ законовъ Гаммураби (1958—1916 до Р. Х.), нигдѣ не упоминающихъ о лошади.

Но разъ индо-европейскій пранародъ распался на двѣ части, изъ которыхъ одна почти исключительно занималась скотоводствомъ, другая же земледѣліемъ и скотоводствомъ, совершенно естественно предположить, что коренная причина столь рѣзкой разницы экономическаго быта лежала въ различіи почвы; ибо ни на чемъ иномъ такъ не оправдывается положеніе, что „народъ и земля—одно“, какъ на формахъ, въ которыя выливается его домашнее хозяйство.

На такое коренное различіе топографическихъ условій обѣихъ половинокъ прародины индо-европейцевъ указываетъ, между прочимъ, и сравнительное языкознаніе. Такъ, терминологія, обнимающая лѣсъ и связанная съ нимъ угодыя, гораздо полнѣе для европейской вѣтви, нежели для европейской и азіатской, взятыхъ вмѣстѣ. Весьма немногія лѣсные породы знакомы и европейцамъ, и арійцамъ. Такъ, напр., наша „береза“, нѣм. „Birke“, древне-верхне-нѣмецкое „birihha“ имѣетъ аналогію въ древне-индійскомъ „bhūrja“; нѣм. „Weide“ [ветла], древне-верхне-нѣмецкое „oīda“, соотвѣтствуетъ древне-иранскому „vaēti“.

Общевропейская номенклатура лѣсныхъ породъ представляетъ значительно больше аналогій. Таковы, напр., нѣм. „Föhre“ [сосна] созвучное съ лангобардскимъ „fereha“—дубъ,

латинскимъ „quercus“; нѣм. „Eiche“ [дубъ]—соотвѣтствуетъ греч. „αἰγί-λωψ“ (aigí-lōps); латинское „glans“ [жолудь] — греческому „βάλανος“ (bálanos); нѣмецкое „Buche“ [букъ] — древне-верхне-нѣмецкому „buohha“, латинскому „fāgus“, греч. φηγός (phēgōs) — съѣдобный желудь; нѣм. „Fichte“ [ель], древне-верхне-нѣмецкое „fiohta“ — греческому „πέυκη“ (péuke); древне-верхне-нѣмецкое „elm-boum“ [ильмъ, вязъ] — латинскому „ulmus“; нѣм. „Erle“ [ольха], древне-верхне-нѣмецкое „eliga“—латинскому „alnus“; древне-верхне-нѣмецкому „hlynr“ — старо-славянскому „клѣнь“ и македонскому „κλινό-τροχος“ (klinó-trochos); нѣмецкое „Ahorn“ [клѣнь, яворъ], древне-верхне-нѣмецкое „âhorn“ — латинскому „acer“; нѣмецкiй провинциализмъ „Ludere, Ludern“—греческому „κλήθρη“ (kléthre)—бѣлая ольха; древне-верхне-нѣмецкое „salaha“ [родъ ивы] — латинскому „salix“, греческому „ἑλίκη“ (hélíkē), нѣм. „Hasel“ (лѣсной орѣшникъ), древне-верхне-нѣмецкое „hasala“ — соотвѣтствуетъ лат. „corylus“; лат. „corynus“ [деревъ] родственно нѣмецкому „Kornelkirsche“ [дерноватая вишня] и греч. „κράνεα“ (kráneia); нѣм. „Holunder“ [бузина], древне-верхне-нѣмецкое „holuntar“, можетъ быть одного происхожденiя съ русскимъ „калина“ и т. п.

Аналогично съ древесной и лѣсной терминологiей замѣчается значительно большее число параллелей и въ названiяхъ птицъ у европейскихъ индо-европейцевъ, нежели у европейскихъ и азиатскихъ вмѣствѣ. Такъ, въ азиатскихъ языкахъ изъ числа европейскихъ птицъ мы встрѣчаемъ только гуся (нѣм. „Gans“, древне-верхне-нѣмецкое „gans“, лат. „anser“, греч. „χῆν — chén“, древне-индiйское „hamsá“), а также утку (нѣм. „Ente“, древне-верхне-нѣмецкое „anut“, лат. „anas“, греч. „νῆσσα-néssa“, древне-индiйское „âtí“); по такъ какъ историческiя данныя, наравнѣ съ доисторическими, указываютъ на сравнительно позднее возникновенiе птицеводства, надо думать, что общiе всѣмъ праиндо-европейцамъ—„гусь“ и „утка“ обозначаютъ птицу дикую, почему-либо особенно цѣнившуюся, какъ предметъ охоты.

Но исключительно на одну только Европу простираются такiя аналогiи, какъ нѣм. „Aar“ (орель), древне-верхне-нѣмецкое „ago“, старо-славянское „орль“, греч. „ὄρνις“ (órnis) — птица; нѣм. „Kranich“ (журавль), древне-верхне-нѣмецкое „chranuh“, лат. „grūs“, греч. „γέρανος“ (géranos); лат. „ardea“ [цапля], греч. „ἐρωδιός“ (erōdiós); нѣм. „Meise“

[синица], древне-верхне-нѣмецкое „meisa“, лат. „merula“; нѣм. „Drossel“ [дроздъ], древне-верхне-нѣмецкое „droskala“, лат. „turdéla“; нѣм. „Specht“ [дятель], древне-верхне-нѣмецкое „spéht“, лат. „picus“; нѣм. „Star“ [скворецъ], древне-верхне-нѣмецкое „stara“, лат. „sturnus“; древне-верхне-нѣмецкое „belihha“ (водяная курочка), лат. „fulica“ и мн. др.

Предположенный выше, въ исторіи индо-европейскаго пранарода, распадъ однороднаго во всемъ прочемъ народонаселенія на двѣ части, въ зависимости отъ условій, въ которыхъ жили отдѣльныя племенные группы — на скотоводовъ и на земледѣльцевъ — находитъ подтвержденіе во многихъ аналогичныхъ явленіяхъ изъ быта европейско-азиатскаго востока. Такъ, по свидѣтельству Геродота, гл. IV, 17, южно-русскіе скиѣи подраздѣлялись на „νομάδες“ (nomádes), т. е. „пастуховъ“ и „ἀροτῆρες“ (arotères), т. е. „пахарей“. То же говоритъ онъ и о персахъ (I, 125). Вамбери утверждаетъ, что турко-татары съ незапамятныхъ временъ распадаются на двѣ группы — „kösék“ и „somru“, т. е. кочевниковъ бродящихъ и осѣдлыхъ. Особенностями въ растительномъ покровѣ страны объясняется, почему готы, осѣвъ въ области, когда-то населенной скиѣями, распались на восточныхъ „Greutungi“, т. е. „песчанниковъ“ (по нѣм. „Griessgoten“ отъ „Griess“, англо-саксонское „gréot“ — крупный песокъ, гравій) и на западныхъ „Tervingi“, т. е. „лѣсовиковъ“ (сравни готское „triu“ — дерево, греч. „δρῦς“ (drys) — дубъ, древне-индійское „dru“ — дерево). Однимъ словомъ, повсюду, гдѣ степь встрѣчалась съ лѣсомъ, повторялось то же распаденіе однородныхъ населеній на двѣ части.

Наравнѣ со скотоводствомъ и земледѣліемъ необходимыя средства для прокормленія и жизни давали пранароду также охота и рыболовство, — если не всегда, то въ години бѣдствій. Въ языкахъ праиндо-европейцевъ нѣтъ недостатка въ параллеляхъ для обозначенія животныхъ, на которыхъ охотились, какъ на дичь, или преслѣдовали за вредъ стадамъ. Такъ, нѣм. „Wolf“ [волкъ], готское „wulfs“ соотвѣтствуютъ лат. „lupus“, греч. „λόκος“ (likos), древне-индійскому „vřka“; лат. „ursus“ (медвѣдь) — греческому „ἄρκτος“ (árktos) и древне-индійскому „řkscha“; нѣм. „Otter“ [выдра], древне-верхне-нѣмецкое „ottar“ — греческому „ὑδρος“ (hýdros) и древне-индійскому „udrá“; нѣм. „Igel“ [ежъ], древне-верхне-нѣмецкое „igil“ — греческому „ἐχῖνος“ (echinos); нѣм. „Luchs“

[рысь], древне-верхне-нѣмецкое „luhs“,—греческому „λόγξ“ (lynx); нѣм. „Hase“ [заяць], древне-верхне-нѣмецкое „haso“ — древне-индійскому „ṣaṣā“; нѣм. „Biber“ [бобръ], древне-верхне-нѣмецкое „Bibar“ — латинскому „fiber“ и древне-иранскому „bawri“; встрѣчающееся у Цезаря древне-германское обозначеніе животнаго изъ породы оленей „alces“ — древне-индійскому „ṛṣya“—самецъ антилопы, и т. п.

Для крупныхъ хищниковъ Востока, льва и тигра, нельзя, однако, подыскать соотвѣтствующихъ незаимствованныхъ названій въ языкахъ праиндо-европейцевъ. Что касается рыболовства, то отсутствіе согласной терминологіи прямо бросается въ глаза. Нѣкоторое распространеніе имѣютъ такіа названія, какъ „линь“, нѣм. „Schleic“, древне-верхне-нѣмецкое „slto“, старо-прусское „linis“ и—можетъ быть—греч. λινεός, относящееся къ точнѣе неопредѣлимой морской рыбѣ; далѣе, нѣм. „Schmerl“ [морской голецъ], средне-верхне-нѣмецкое „smērl“, греч. „σμαρίς“ (smaris), небольшая, не имѣющая промысловаго значенія рыбка, и греч. „μαίνη“ (mainē), соотвѣтствующая русскому „мень“, „менѣкъ“ (нѣм. Quarpe, Aalgaure).

Значительно болѣе созвучныхъ названій рыбъ можно отмѣтить, если ограничиться одними только сѣверно-европейскими языками. Такъ нѣм. „Lachs“, древне-верхне-нѣмецкое „lahs“, соотвѣтствуетъ литовскому „lasziszà“ и русскому „лосось“ (въ послѣднее время обнаружено тождественное названіе въ тохарскомъ яз., смотри выше); нѣм. „Wels“ [сомъ], въ средне-нѣмецкомъ „wels“, тождественъ съ прусскимъ „kalis“ (откуда нѣкоторыми лингвистами проводится параллель, восходящая до лат. „squalus“, обозначавашаго крупную морскую рыбу); ниже-нѣмецкое „Schade“ [бѣшенка] сопоставляется съ древне-ирланскимъ „skatan“—„Näring“ [сельдь]; отсюда, будто бы „Scatinavia“ [Скандинавія] въ значеніи „страны сельдей“. Параллелизмъ, относящійся къ названіямъ „угря“, отнесенъ къ гл. XII. Зависитъ ли бѣдность въ созвучныхъ названіяхъ для рыбъ отъ случая, или отъ позднѣйшей утраты существовавшихъ раньше аналогій, объяснять ли ихъ отсутствіе инымъ путемъ—достоверно лишь одно, что ни дичь, ни рыба, никогда не употреблялись въ древности въ качествѣ жертвеннаго мяса и приношенія богамъ; фактъ этотъ указываетъ на пренебрежительное отношеніе къ даннаго рода пищѣ со стороны людей—своеобразный вкусовой капризъ, или

особенность, находящую поддержку въ многочисленныхъ сказаніяхъ, относящихся къ историческому времени, преимущественно въ древне-греческихъ. Даже у Гомера (Одиссея, XII—330 и IV—368) дичь и рыба ѣдятся только во время голодовокъ.

Британскіе каледонцы (Dio Cassius Epit. LXXXIV, 12) вообще не ѣли рыбы, хотя она водилась въ ихъ моряхъ во множествѣ. Съ другой, же стороны у галльскихъ кельтовъ (Athenaeus IV, 192) подавалась за обѣдомъ рыба, маринованная съ солью, уксусомъ и тминомъ; а Цезарь (De bello Gallico IV, 10) рассказываетъ объ одномъ народѣ, жившемъ въ устьяхъ Рейна и питавшемся исключительно рыбою и яйцами.

Равнымъ образомъ нельзя оспаривать, что доисторическіе документы, въ образѣ ископаемыхъ находокъ, говорятъ о гораздо болѣшемъ значеніи у праиндо-европейцевъ дичи и рыбы въ качествѣ пищевыхъ продуктовъ, нежели можно вывести изъ устраненія обоихъ родовъ пищи изъ жертвеннаго ритуала.

Не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ вліяніемъ неиндоевропейскаго пранаселенія Европы, съ которымъ смѣшались надвигавшіеся съ востока индоевропейцы,—вліяніемъ, выразившимся, между прочимъ, въ сильнѣйшемъ развитіи земледѣльческой культуры у западныхъ праиндо-европейцевъ въ, чѣмъ у восточныхъ? Съ другой же стороны, какъ мы увидимъ въ гл. VIII, индо-европейскіе пришельцы оказали очень сильное вліяніе на семейный строй первобытнаго туземнаго населенія Европы.

Итакъ, въ результатъ всѣхъ приведенныхъ выше фактовъ, мы можемъ вывести слѣдующее заключеніе объ экономическомъ бытѣ праиндо-европейцевъ: главнѣйшимъ источникомъ ихъ богатствъ было скотоводство, затѣмъ уже слѣдовало земледѣліе; въ западныхъ, богатыхъ лѣсомъ областяхъ, оно экономически стояло выше, нежели въ восточныхъ, степныхъ пространствахъ, гдѣ играло во всякомъ случаѣ второстепенную роль. Итакъ, пищею служили преимущественно продукты скотоводства; къ нимъ въ мѣстностяхъ богатыхъ пахотной землею присоединялись полевые злаки: ячмень, пшеница, просо, мѣстами бобовыя растенія. Дичь и рыба потреблялись въ первобытномъ обиходѣ только въ безвременье нужды и голода.

IV Поселенія (селища).

Въ Одиссеѣ (I, 57) говорится, что, когда царственный скиталецъ пребывалъ на островѣ Каллипсо, онъ мечталъ лишь объ одномъ: „узрѣть еще разъ дымъ отъ очаговъ родимаго острова—и умереть“, когда же, наконецъ, онъ вступилъ на берегъ Итаки, и туманъ, заволакивавшій дали, разсѣялся, Одиссей палъ ницъ и цѣловалъ „мать-сыру-землю, кормилицу“. (Одисс. XIII, 354). Лучше нельзя выразить того, что мы называемъ „чувствомъ родины“. Возможно ли принять наличность такого чувства въ праисторическую культурную эпоху первобытнаго индо-европейца? Не думаемъ—и вотъ по какимъ причинамъ. Первымъ дѣломъ слѣдуетъ замѣтить, что понятие „отечество“, чѣмъ дальше въ глубь вѣковъ, тѣмъ болѣе отождествляется съ представленіемъ о кровномъ родствѣ съ племенемъ, въ составъ котораго входили отдѣльные его сочлены. Особенно рѣзко выступаетъ данная черта въ великорусскомъ „родина“, совершенно совпадающемъ въ звуковомъ отношеніи съ бѣлорусскимъ „родзина“ (польское „rodzina“), обозначающемъ „семью“. Ту же эволюцію понятія встрѣчаемъ въ гомеровскомъ „πατήρ“ (pátēr), отъ „πατήρ“ (patér)—отецъ, обозначавшемъ первоначально „отчую семью“, затѣмъ уже отечество. Промежуточные ступени эволюціи, очевидно, таковы: „πατρίς γαῖα“ (patris gaia) т. е. „отчая земля, вотчина“, а затѣмъ уже просто „πατρίς“ въ смыслѣ „отпamъ принадлежащая земля“. То же по латыни: „patria“ съ подразумеваемымъ „terra“ [т. е. patria terra—отчая земля]. У литовцевъ, латышей и пруссовъ вообще нѣтъ изстари унаслѣдованнаго слова для обозначенія отечества въ широкомъ смыслѣ, а Ульфила переводитъ слово „отечество“, въ извѣстномъ Евангельскомъ текстѣ о пророкѣ, пребывающемъ въ безчестіи въ домѣ своемъ (отъ Марка, VI, 4), черезъ „gabaúrth“, т. е. „рожденіе“, въ смыслѣ „мѣсторожденіе“, не включающемъ понятія объ отечествѣ, какъ о мѣстѣ [странѣ], испоконъ вѣковъ составляющимъ достояніе праотцевъ.

И не только у готовъ, но повсемѣстно, на первомъ планѣ—народъ, а затѣмъ уже страна. Такъ, въ пѣсняхъ Ригведы совсѣмъ не встрѣчается названій странъ, но только народовъ. То же явленіе повторяется въ титулованіяхъ германцевъ. Меровинги во всѣхъ документахъ называютъ себя

„reges Francorum“ (короли франковъ). но не „Franciae“. Первый англійскій король, присвоившій себѣ титулъ „короля Англїи“ былъ Іоаннъ ¹⁾: предшественники его называли себя „королями англовъ“. Поэтому названія странъ произошли, въ большинствѣ случаевъ, отъ названій народовъ. Переходною ступеню служило либо примѣненіе, собирательно, по отношенію къ цѣлой странѣ, названія народа въ единственномъ числѣ, какъ напр. въ древне-персидскихъ клинообразныхъ надписяхъ: „царь перса (вмѣсто персовъ), царь сатрапій“, либо же, и гораздо чаще, во множественномъ. Напр. древне-ирландское „Ulaid“, вмѣсто графства Ульстеръ, не что иное, какъ именительный падежъ множественнаго числа, обозначающій, приблизительно „ульстерцы“ или „граждане, мужи ульстерскіе“. Въ литовскомъ „Prūsai“ обозначаетъ и Пруссію и пруссовъ; „Lénkaĩ“ [ляхи] и поляковъ, и Польшу. Изъ такого множественнаго числа въ соединеніи съ предлогами, возникли впоследствии имена странъ; какъ напр. „Baiern“ [Баварія], „Preussen“ [Пруссія], „Sachsen“ [Саксонія]—сокращенныя изъ „König bei den Preussen“ [король у пруссовъ], „König bei den Sachsen“ [король у саксовъ]. Такъ же объясняется средневѣковое нѣмецкое названіе Бургундіи: „ze Burgonden“ (т. е. вмѣсто „Бургундія“ попросту „бургундцы“ ²⁾). Поэтому и мѣстопроисхожденіе чловѣка всегда связывалось въ древности не съ названіемъ страны, а съ названіемъ народа. Въ древне-персидскомъ говорилось: „Нѣкій чловѣкъ, по имени Фравартисъ, мидянинъ“—никогда „родомъ изъ Мидїи“; или въ греческомъ: „Ксенофонъ Аѳинянинъ“, но не „уроженецъ гор. Аѳинъ“. Наконецъ, многочисленныя названія странъ—въ греч. на—ιη (iē), ια (ia), то же и въ латинскомъ—явно не что иное, какъ собирательныя имена для цѣлаго народа. Напр. Φρυγίη (Phrygiē), Фригія, очевидно обозначаетъ множественность примѣнительно къ понятію „фригіецъ“, подобно тому, какъ въ древности говорилось и писалось „рѣка течетъ черезъ фригійцевъ“, вмѣсто „черезъ Фригію“.

Все это указываетъ съ достаточною ясностью, что въ исторической Европѣ понятіе о народной и территориальной совокупности еще отсутствовало, по той простой причи-

¹⁾ Іоаннъ Безземельный (1199—1216) Пер.

²⁾ Сравни сохранившіяся въ польскомъ яз. выраженія „въ нѣмцахъ“, „во влохахъ“, вмѣсто „въ Германїи“, „въ Италїи“. Пер.

нѣ, что въ силу низкаго уровня земледѣлія, отсутствія плодородства, садоводства и огородничества, осѣдлость народонаселенія не отличалась прочностью, — фактъ, отмѣчаемый древнѣйшими историками. Фукидидъ (I, гл. 2) повѣствуетъ, напр., о древнѣйшихъ грекахъ: „то, что нынѣ называется Элладой, въ древности, очевидно, не имѣло прочныхъ поселеній; напротивъ того, въ прежнія времена случались частыя перекочевки, и каждая община, тѣснямая другою, болѣе сильною и многочисленною, легко мѣняла насиженное мѣсто. Ибо не было тогда ни торговли, ни безопасныхъ водныхъ или сухопутныхъ сообщеній; а такъ какъ всякій обрабатывалъ свѣй клочекъ земли лишь для удовлетворенія насущныхъ потребностей, не собиралъ богатствъ и не разводилъ садовъ, то и не существовало препятствій для переселенія. Въ самомъ дѣлѣ, при отсутствіи укрѣпленныхъ мѣстъ, никто не могъ быть увѣренъ, что завтра не явится другой и не отниметъ нажитаго: насущный же хлѣбъ можно было добыть въ любомъ мѣстѣ“.

Вполнѣ согласно съ Фукидидомъ говоритъ Страбонъ (IV, 291) о положеніи вещей въ Германіи: „Всѣмъ народамъ этой страны свойственна легкость переселеній; ибо образъ жизни ихъ простъ, и они не знаютъ настоящаго искусства обрабатывать поля и не собираютъ себѣ запасовъ, но живутъ въ хижинахъ, довольствуясь насущнымъ пропитаніемъ. Наиболѣе жизненныхъ припасовъ доставляетъ имъ упряжной скотъ; поэтому они, подражая кочевымъ пастушескимъ народамъ, нагружаютъ имуществомъ повозки и идутъ вслѣдъ за стадами, куда имъ пожелается“.

То же у Прокопія ¹⁾ (Война съ готами, III, гл. 14) о славянахъ: „они живутъ въ дрянныхъ шалашахъ, далеко разбросанныхъ одинъ отъ другого, и часто мѣняютъ мѣсто жительства“. Потомки славянъ Прокопія, русскіе, сохранили почти до нашихъ дней переселенческой инстинктъ, который Страбонъ считаетъ характерной особенностью сѣверныхъ народовъ, коренящеюся въ отсталости ихъ земледѣльческихъ хозяйствъ. Зато русскимъ и была подъ силу роль завоевателей и обрусителей всего необъятнаго востока.

¹⁾ Византійскій историкъ временъ императора Юстиніана (VI стол. по Р. Х.), сподвижникъ и секретарь Велизарія. Кромѣ сочиненій историческаго содержанія, замѣчательны его памфлеты на нравы Византійскаго двора, извѣстный подъ названіемъ „Anecdota“. Пер.

Хотя мы и имѣемъ основаніе говорить о „кочевыхъ“ инстинктахъ индо-европейцевъ, въ виду обычныхъ у нихъ переселеній, однако, никоимъ образомъ не слѣдуетъ смотрѣть на нихъ, какъ на кочевниковъ: родиной настоящихъ странствующихъ скотоводовъ были необъятныя песчаныя и солончаковыя пустыни Азіи, а главнѣйшими ихъ стадными животными— баранъ и лошадь. Съ ними и ради нихъ они совершали правильныя перекочевки на громаднѣйшія разстоянія, отъ зимнихъ пастбищъ къ лѣтнимъ; весьма рѣдко случалось, чтобы они стояли въ своихъ палаткахъ на одномъ и томъ же мѣстѣ дольше нѣсколькихъ недѣль, чаще всего дней.

Эти типичныя особенности кочевого быта не могутъ быть отнесены къ индо-европейцамъ, въ особенности къ западнымъ представителямъ этого народа. Европа богата лѣсами, болотами, горами. Стада же индо-европейцевъ состояли, главнымъ образомъ, изъ крупнаго рогатаго скота. Переселенія совершались вдоль рѣкъ, горныхъ цѣпей и безлѣсныхъ степныхъ полосъ. Переселенцы, однажды оставившіе мѣсто жительства, едва-ли возвращались когда-либо на родное пепелище. Періодъ правильныхъ кочевій съ жизнью въ палаткахъ [жибиткахъ], къ началу историческаго времени индо-европейцевъ давно остался позади—если вообще когда-либо существовалъ въ жизни праиндо-европейцевъ. Все вышесказанное какъ нельзя лучше согласуется съ извѣстіями, дошедшими до насъ о поселкахъ и обиталищахъ каждаго въ отдѣльности праиндо-европейскаго народа. Черезъ всѣ индо-европейскіе языки проходитъ одна чрезвычайно важная для исторіи поселеній параллель; она состоитъ всего только изъ трехъ словъ: древне-индійскаго «*ṛiḡ*»— греч. „*πόλις*“ (*pólis*) и литовск. „*plis*“. Для того чтобы возстановить данную параллель въ первоначальномъ ея объемѣ, нельзя исходить изъ позднѣйшихъ значеній словъ, обозначающихъ впоследствии „городъ“ или „замокъ“; но слѣдуетъ разсмотрѣть ихъ примѣнительно къ тому содержанію, которое вкладывалось въ нихъ согласно древнѣйшему ихъ смыслу. Въ послѣднемъ отношеніи мы знаемъ объ индійскомъ „*ṛiḡ*“, что во времена „Ведъ“ имъ обозначался „кочекъ земли, окруженный со всѣхъ сторонъ валами, подъ защитою которыхъ во время опасности укрывалось окрестное населеніе со всѣми своими богатствами, т. е. стадами“. О греческомъ „*πόλις*“ извѣстно съ достовѣрностью, что первоначально имъ обозначался не „городъ“, а „кремль“ (Акрополиς). На одинаковомъ

культурномъ уровнѣ съ „rīg“ Ригведы возникли также литовскій „pilis“ (замокъ) и соответствующій ему латышскій „pils“: „латыши называютъ этимъ именемъ свои старинныя укрѣпленія, окруженныя рвами, валами и частоколами, помѣщавшіяся на холмикахъ съ такою маленькой площадкой, что на ней можно было помѣстить лишь очень небольшое число построекъ. Впослѣдствіи названіе „pils“ распространилось на каменные замки рыцарей, дворцы и усадебныя постройки землевладѣльцевъ“ (Биленштейнъ ¹⁾) Изъ „pils—sēta“ — т. е. окопы — возникло затѣмъ обозначеніе для „города“.

Подобныя же центральныя пункты для каждой данной поселенческой округи существовали и у прочихъ индо-европейцевъ. Такъ, отъ британскихъ кельтовъ Цезарь получилъ свѣдѣнія (De bello Gallico, V, 21), что невдалекѣ (отъ лагеря) находился защищенный лѣсами и болотами городъ (oppidum) предводителя британцевъ, Кассивелавна (Cassivelaunus), куда стекалось великое множество народа со своимъ скотомъ. „Городомъ (oppidum) — продолжаетъ Цезарь — британцы называютъ участокъ трудно проходимаго лѣса, окруженный валами и канавами, подъ защиту котораго они стекаются во время нашествій непріятелей“. Древне-кельтскій терминъ для такого рода укрѣпленій — „dūnum“ (срав. названіе города въ Галліи — „Noviodūnum“, соответствующій англійскому „town“ [городъ] и нѣмецкому „Zaun“ [тынъ, частоколъ, заборъ]). Такую же картину рисуетъ еврейско-арабскій путешественникъ Бенъ-Якусъ о древне-славянскихъ укрѣпленіяхъ: „Они удаляются въ обильную рѣками болотистую мѣстность и намѣчаютъ круглую или квадратную площадку, въ зависимости отъ размѣровъ предполагаемыхъ построекъ. Они окапываютъ намѣченное мѣсто ровомъ, а изъ вынутой земли набрасываютъ валъ, который утрамбовываютъ досками и катками, такъ что онъ становится твердымъ, какъ молотильный токъ. Когда валъ достаточно высокъ, они устраиваютъ съ которой либо стороны, гдѣ поудобнѣе, входныя ворота, а впереди ихъ деревянный мостъ черезъ выкопанный ровъ, соединяющій окопанное мѣсто съ твердою землей“. Славянское на-

¹⁾ Исслѣдователь латышскаго языка и латышскихъ древностей. Митавскій уроженецъ. Образование получилъ въ Юрьевскомъ (Дерптскомъ) университетѣ. *Иер.*

Цитата заимствована изъ сочиненія Биленштейна „Деревянныя постройки и деревянная утварь латышей“, изданіе Императорской Академіи Наукъ. Спб. *О. Шрадеръ.*

звание для такого рода укрѣпленій есть русское „городъ“ (сравни Новгородъ), соответствующее нѣмецкому „Garten“, древне-верхне-нѣмецкому „garto“, первоначальное значеніе котораго было „огороженное мѣсто“. У южныхъ славянъ — „градъ“ (сравни „Бѣлградъ“). Кремль (градъ) былъ политическимъ, а въ древности и религіознымъ центромъ цѣлой „жупы“ (т. е. всей поселенческой округи даннаго племени). Здѣсь собирались старѣйшіе представители народа для совѣщаній, отсюда же они шли на бой, сюда же возвращались въ случаѣ засилія враговъ. Итакъ, славянскіе городъ, градъ тождественны съ древне-индійскимъ „риг“, латышскимъ „riis“ и кельтскимъ „dōnum“. Раскопки на мѣстахъ доисторическихъ селищъ обнаружили множество укрѣпленныхъ поселеній описаннаго типа. Таковы, напр., доисторическіе окопы Ленгель (Lengyel) въ венгерскомъ комитатѣ Тольна: холмъ, укрѣпленный искусственными валами со многими землянками и рвами; древность его восходитъ до неолитическаго вѣка. Чрезвычайно богата подобными окопами южная Россія, гдѣ ихъ называютъ „городищами“ (отъ городъ). Давность ихъ постройки колеблется отъ неолитическаго вѣка до началковъ христіанства.

Вокругъ укрѣпленій описаннаго типа были разбросаны деревни (беззащитныя селенія) индоевропейцевъ. Готское названіе деревни — „weihis“¹⁾ соответствуетъ лат. „vicus“, древне-индійскому „vic“, древне-иранскому „vis, viθ“; причемъ, однако, арійскія слова обозначаютъ селища поселенцевъ, соединенныхъ родственными узами, въ значеніи осѣдлости одной семьи (сравни гл. IX). Поэтому въ первоначальномъ смыслѣ приведенная выше параллель обозначала, вѣроятно, не у однихъ только арійцевъ, но у всѣхъ вообще индоевропейцевъ родовыя, вотчинныя поселенія, всѣ жители которыхъ были связаны узами родства. Подобныя родовыя поселенія были широко распространены въ Европѣ. Въ Атикѣ, напр., встрѣчаются понынѣ многочисленныя деревни съ суффиксомъ—ida (Philaidai, Paionidai, Ionidai), служащимъ въ Греціи для обозначенія происхожденія по отцу [отчество], какъ ’Ατρείδης—сынъАтрида, отсюда „Атриды“—потомки Атрида. Въ Германіи мы встрѣчаемъ соответствующія словообра-

¹⁾ Сравни слав. „весь“; современное польское „wies“—село, деревня. *Пер.*

званія въ названіяхъ мѣстностей съ окончаніями на „ingen“ (Esslingen, Tuttingen, Hechingen), обозначающими первоначально принадлежность къ „роду“ (Каролинги, Вульфingi). Таково же происхождение названій мѣстностей на „ичи“ въ Россіи—„Мирядичи, Дѣдичи“—и въ Черногоріи—„Букичевичи, Болевичи“—первоначально обозначающихъ поселенія людей, связанныхъ родственными узами.

Второе, испоконъ вѣковъ родственное въ индо-европейскихъ языкахъ обозначеніе для понятія „деревня“ кроется въ нѣмецкомъ „Heim“¹⁾, гот. „haims“ (откуда „haimōthli“—отечество), древне-верхне-нѣмецкомъ „heimuoti, heimingi“ (отечество), лит. „kiēmas“ (деревня), греч. „χώμη“ (kómē), заключаая въ себѣ, можетъ быть, представленіе объ успокоеніи послѣ долгаго пути (сравни слав. „покой“—въ смыслѣ „отдыхъ, тишина“). Самое же слово „Dorf“ (деревня) вводитъ насъ въ совершенно иной кругъ представленій, источникъ которыхъ надо искать въ коренномъ готскомъ словѣ „thairp“—пашня. По русски также „деревня“ въ просторѣчьи отождествляется съ „пашней“ или „сельской общиной“, примыкая къ литовскому слову „dirvā“—пахотное поле. Очевидно, что оба понятія о „родовой деревнѣ“ и „земледѣльческой общинѣ“ вполне покрываются тѣмъ, что сообщаетъ о германцахъ Цезарь (VI, 22): „старшины и князья каждый годъ предоставляютъ въ распоряженіе родовъ и родственниковъ семей столько пахотной земли, сколько и гдѣ имъ заблагоразсудится, и ежегодно заставляютъ земледѣльческія общины переселяться съ мѣста на мѣсто“. Вотъ эти земледѣльческія, объединенныя узами родства содружества общими силами „вздираютъ“ землю (нѣм. „reuten“, средне-верхне-нѣмецкое „riuten“, англійское „rode“, древне-скандинавское „rǫfthja“; сюда же относится древне-иранское „gaothya“—обрабатывать подъ пашню дѣвственную землю; сообща же засѣваютъ и собираютъ жатву, и разверстываютъ урожай промежъ участниковъ. Нѣмецкое „Hufe“, древне-верхне-нѣмецкое „huoba“ [надѣль, отрубь], соотвѣтствующее греческому „κῆπος“ (kēpos)—„садъ“, въ смыслѣ „обработанный клочекъ земли“, въ первоначальномъ своемъ значеніи обозначало, вѣроятно, не что иное, какъ „семейный надѣль пахотной земли“. Совмѣстно съ „κῆπος“ дошедшее до насъ понятіе „ὀρόκαρος“ (homókaros), въ смыслѣ „сочлена данной

¹⁾ Домашній уютъ, родное пепелище (англійское „home“). Пер.

семьи“, въ корнѣ своемъ означало несомнѣнно участника“. Соответствующая приведенному термину чрезвычайно важная лингвистическая параллель исчерпывается созвучіями: гот. „land“ (ново-верхне-нѣмецкое „Land“), прл. „land“, древне-слав. „лендина“ [совр. новгор. „лядина“, ленинка“], латин. „lŕst“, лит. „lendù“. Все сказанное въ совокупности подтверждаетъ правильность нашей точки зрѣнія, когда въ гл. III мы особенно настаивали на томъ, что праиндо-европейцы не были кочевниками.

Въ полномъ соответствіи съ осѣдлымъ образомъ жизни находятся и свѣдѣнія о *ж. мѣщахъ* пранарода. Это не были шатры но „хаты“ (Hütten), съ дверями, столбами [стропилами] и крышами: сравни лат. „domus“, [домъ], греч. „δῶμος“ (dómos), древне-индѣйское „dáma“; нѣм. „Tür“ [дверь], готское „daúr“; лат. „fores“ [ворота], греч. „θύρα“ (thýra) и древне-иранское „dvar“; нѣм. „Stollen“ [столбъ], древне-верхне-нѣмецкое „stollo“—косыкъ, подпорка, греч. στήλη (stélē) и древне-индѣйское „sthú'ná“; нѣм. „Dach“ [крыша, кровля], древне-верхне-нѣмецкое „dah“, греч. „τέος, στέγος“ (tégos, stégos) и др. Что касается подробностей устройства хатъ, то мы найдемъ ихъ въ матеріалахъ, добытыхъ доисторической археологіей и въ данныхъ историческаго прошлаго. Тамъ мы узнаемъ, что наиболѣе распространеннымъ типомъ жилья были землянки. Основаніемъ служило углубленіе округлой или четырехугольной формы. Кругомъ вбивались столбы, и дѣлался плетень. Все сооруженіе густо обмазывалось глиною и покрывалось дерномъ, а на зиму, вѣроятно, и навозомъ. Наравнѣ съ землянками существовали, по всей видимости, также лѣтнія, надземныя жилища, въ общемъ такой же конструкціи, какъ зимнія, но крытыя соломой, подобно изображеннымъ на колоннѣ Марка ¹⁾. Праевропейское названіе полуподземныхъ жилищъ сохранил.сь въ нѣм. „Kofen“, употреблявшемся первоначально, какъ синонимъ „Hütte“ [хата] и соответствовавшемъ древне-скандинавскому „Kofi“, древне-верхне-нѣмецкому „chubisi“ [хибарка] и греч. „γύρα“ (gýra)—подземное жильѣ. Отъ корня „Kofen“ происходитъ „Kobold“ (англо-саксонское „cofgodas“—пенаты—собственно „боги (god) кофы“),

¹⁾ Колонна Марка Авредія, поставленная въ Римѣ въ память побѣды надъ германскимъ племенемъ маркоманновъ (174 по Р. X.)

т. е. „духъ покровитель кофы“ [домовой]. Характернымъ пережиткомъ, для обозначенія плетней въ доисторическихъ постройкахъ, представляется намъ современное нѣмецкое „Wand“—стѣна (древне-верхне-нѣмецкое „want“): съ одной стороны оно примыкаетъ къ готскому „wandus“—жердь, хворостина, хлысть—съ другой, къ глаголу „winden“ (древне-верхне-нѣмецкое „wintan“)—оплетать, плести. Итакъ, „Wand“ значитъ нѣчто плетеное изъ хвороста, вѣтвей. Для ближайшаго знакомства со строительствомъ въ различныхъ уголкахъ области распространенія праиндо-германцевъ приводимъ рядъ важныхъ документальныхъ данныхъ изъ древнихъ историческихъ источниковъ.

Арменія. „Жилища ихъ подъ землей; входятъ въ нихъ, какъ въ колодцы; книзу они шире. Для скота прорыты спуски; люди пользуются лѣстницами [собственно „стремянками“]. Внутри жилищъ козы, овцы, коровы, домашняя птица, со всѣмъ приплодомъ Скоть, согнанный въ жилье, прокармливаютъ сѣномъ“ (Ксенофонтъ, Анабазисъ IV, 5, 24).

Фригія. „Фригійцы, живущіе въ равнинѣ и не имѣющіе дерева за отсутствіемъ лѣсовъ для построекъ, выбираютъ естественный пригорокъ, выкапываютъ въ серединѣ его углубленіе, а въ откосахъ устраиваютъ крытые ходы и выходы, затѣмъ расширяютъ внутреннее помѣщеніе настолько, насколько позволяютъ свойства почвы. Сверху они сооружаютъ изъ жердей нѣчто въ родѣ остроконечной крыши, которую перекрываютъ тростникомъ и хворостомъ. Такимъ образомъ они возводятъ надъ своими жилищами высокія поднимающіяся надъ землей, холмообразныя надстройки. Зимой онѣ хорошо держатъ тепло, а лѣтомъ въ нихъ прохладно“ (Витрувій, De architectura II, 1, 5).

Скиѳія. „Они (скиѳы) живутъ глубоко подъ землю въ своихъ копанкахъ и проводятъ время въ безпечной лѣни. Огромными кучами волокутъ они къ жильямъ дубовыя колоды и цѣлые стволы вязовъ и валяютъ ихъ на очаги. Они проводятъ ночи за игрой и въ веселіи подражаютъ (нашимъ) ширшествованію, напиваясь пивомъ и замѣняя виноградныя дары (т. е. вино) сокомъ кислыхъ ягодъ“. (Виргилій, Георгика III, 376 и сл. Ягодное вино было въ свое время въ большомъ распространеніи во всей восточной Европѣ).

Славянскія земли. „Эти народы (т. е. славяне) должны скорѣе быть причисляемы къ германцамъ (нежели къ другимъ варварамъ), ибо строятъ крѣпкіе дома, въ противо-

положность сарматамъ, проводящимъ жизнь въ повозкахъ [кибиткахъ] и на лошадахъ“ (Тацитъ Германія, 46).

Литва. „Ихъ хаты, которыя они называютъ башнями, суживаются кверху, гдѣ имѣется отверстіе для выхода дыма и чада. Они строятъ ихъ изъ бревенъ, жердей, соломы и древесной коры [луба]. Люди живутъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ скотомъ, стоящимъ на дощатомъ настилѣ. Такимъ образомъ все достояніе на глазахъ владѣльца, и онъ оберегаетъ скоть отъ вреднаго звѣрья и холода. Хозяинъ самъ ложится спать у входа, поручая охрану очага ленату (домашнему божеству), чтобы ночью не случилось пожара, или чтобы не погасли угли. Часто при томъ случается, что свинья или собака стащить мясо, варящееся въ котлѣ надъ очагомъ, или же только обварить морду кипяткомъ“ (Ласицкій. „О самогитскихъ божествахъ“, стр. 45).

Германія. „Они не знаютъ употребленія тесаного камня и кирпичей. Чаще всего они употребляютъ на постройки не-отесаное дерево, не обращая вниманія на красоту и внѣшній видъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они обмазываютъ стѣны чистой и лоснящейся землистой массой, и выводятъ узоры, похожіе на живопись. Они устраиваютъ также подземныя пещеры, прикрывая ихъ сверху толстымъ слоемъ навоза; тамъ они живутъ зимой и берегутъ свои припасы, ибо подземелья не промерзаютъ въ холода; когда же придутъ враги, они разоряютъ все доступное глазу; припасенное же въ землянкахъ, зарытое, ускользаетъ отъ вниманія, т. к. предварительно надо разыскать [потайныя хранилища] (Тацитъ, Германія, XVI).

„Каменные и кирпичныя кладки встрѣчаются у нихъ рѣдко; за то у нихъ много строевого лѣса, а потому, при избыткѣ дерева, они искусно пользуются имъ для постройки хижинъ“ (Херодіанъ VII, 2, 3).

„Германцы и прочіе народы, ведущіе бродячій образъ жизни по берегамъ Дуная, защищаютъ жилия свои отъ дождя соломой или зелеными вѣтвями“ [древесной листвою]. „А защитою отъ суровыхъ холодовъ служатъ имъ жилия и подземелья“ (Сенека, De providentia, IV, 14).

Исландія. „Они питаются только продуктами домашняго скота и одеждою служатъ имъ шкуры. Здѣсь нѣтъ полевыхъ плодовъ и мало лѣса. Потому они живутъ въ подземныхъ копанкахъ вмѣстѣ со скотомъ“ (Адамъ Бременскій, IV, 35).

Британія. „Хаты у нихъ плетенныя и живутъ они вмѣстѣ со скотомъ“ (Юрданъ, гл. 2).

Бельгія. „Жилища у нихъ большія, куполообразныя, дощатыя и плетенныя, прикрытыя сверху тростникомъ“ (Страбонъ, IV, 197).

Галлія. „Ихъ хижины, по галльскому обыкновенію, крыты соломой“ (Цезарь, V, 43).

Весь европейскій сѣверъ. „Народы сѣвера кроютъ крыши тростникомъ, и онѣ очень долговѣчны“ (Плиній, естественная исторія, XIV, 36, 64).

Древніе и торики повѣствуютъ также о хижинахъ на высокихъ сваяхъ; напр. Геродотъ о еракійскихъ пеоникахъ. Такимъ образомъ о существованіи въ доисторическое время свайныхъ поселеній мы знали раньше, чѣмъ ископаемые остатки ихъ были обнаружены во многихъ странахъ Европы, главнымъ образомъ, въ Швейцаріи. Названный историкъ пишетъ (кн. V, 17): „На болотѣ, на высокихъ сваяхъ, устроены соединенные другъ съ другомъ дощатыя настилы, сообщающіеся съ твердою землею узкимъ мостикомъ. Сваи первоначально вбивались всею общиной. Дальнѣйшій же ростъ поселенія происходитъ такъ: каждый, берущій себѣ жену, долженъ привезти изъ горъ, называющихся Орбелось, три сваи и вбить ихъ. Но они берутъ по многу женъ. Такъ они живутъ; и у каждаго на свайномъ помостѣ свое жилье съ подъемной дверью прямо въ озеро. Маленькихъ дѣтей они привязываютъ веревкой за ногу, чтобы они ни свалились въ воду. Лошадей и упряжной скотъ они кормятъ рыбой“.

Въ южныхъ странахъ, которыя рано подпали подъ вліяніе восточнаго каменностроительства, вообще говоря, не находится слѣдовъ описаннаго выше первобытнаго, полуварварскаго типа поселеній. Тѣмъ не менѣе существуютъ соотвѣтствующіе пережитки въ языкахъ и въ ископаемыхъ предметахъ доисторической культуры. Первое мѣсто въ данномъ отношеніи занимаютъ такъ называемыя жилищныя урны—сосуды для храненія праха предковъ, находимыя въ Италіи, а также въ Германіи и въ Даніи. Въ явномъ стремленіи воспроизвести внѣшній видъ тогдашнихъ жилищъ урнамъ придавалась округлая форма, съ крышкою, напоминающею камышевую или соломенную кровлю, со стѣнками изъ глины или хвороста. На нихъ всегда имѣется подобіе замыкающей двери, но почти никогда нѣтъ оконъ. Окна замѣняетъ небольшое треугольное отверстіе, служащее выходомъ для дыма, а, можетъ быть, и душъ умирающихъ или

спящихъ обитателей. Подобныя отверстія поднесъ еще встрѣчаются въ большомъ числѣ въ жилищахъ европейскіхъ сѣверянъ, въ особенности въ Россіи. Пережитками давно забытой обстановки служатъ лингвистическіе атавизмы; лат. „atrium“, обозначавшее общее жилое помѣщеніе семьи, отъ „ater—черный“. Первоначально оно вполне соответствовало, вѣроятно, тому, что называется въ Россіи „черною“ или „курною“ избой—отъ блестящей черной копоти [сажи], которой покрывались стѣны отъ топившейся и чадившей, не имѣвшей дымохода, печи. Такимъ же пережиткомъ надо считать греч. „τεῖχος“ (teichos)—стѣнная каменная кладка; у осковъ¹⁾ „feihüss—стѣны“. Оно вполне соответствуетъ нѣм. „Teig“ [тѣсто], готскому „diigal“—лѣпить изъ глины, древне-индійскому „dih“—конопатить, мазать, и первоначально означало не каменную кладку, а мазанныя глиной по плетню стѣны сѣвернаго дома.

Отопленіе первобытнаго, не имѣвшаго, конечно, никакихъ перегородокъ жилого помѣщенія, производилось посредствомъ очага, сосредоточія домашней и семейной жизни, считавшагося священнымъ и обоготворявшагося вездѣ, гдѣ жили и селились индоевропейцы (сравни гл. XI). Надъ огнемъ въ нашемъ представленіи долженъ рисоваться развѣ только глиняный котелъ, созвучное названіе котораго проходитъ параллельно почти черезъ всѣ языки: въ древне-сѣверномъ (скандинавскомъ „hvegr“ древне-ирландскомъ „coge“ [горшокъ], древне-индійскомъ „caḡú“ [горшокъ, котелъ]. Ofen [печь]—новѣйшее изобрѣтеніе, на которое слѣдуетъ смотрѣть, какъ на дальнѣйшее развитіе висѣвшаго надъ очагомъ или стоявшаго среди горячихъугольевъ горшка. Нѣмецкому Ofen соответствуютъ въ готскомъ „aúhns“ и англосаксонскомъ „ofnet“, обозначающее „закрытый крышкою сосудъ“²⁾; въ другихъ языкахъ имѣемъ: древне-индійское „ukhâ“ лат. aulla, auxilla—печной горшокъ, и латинское „fornus, fornax“—хлѣбная печь; въ древне-славянскомъ „грѣнь“ [горнь]—очагъ, горшокъ. Всѣ первоначальныя выраженія для „печи“ не-

¹⁾ Оски—южная вѣтвь умбрскаго племени въ Италіи; греки называли ихъ „авзонами“ или „опиками“. *Пер.*

²⁾ Закрытый крышкой и наполненный раскаленными углями (жаромъ) горшокъ или чугуны и теперь еще служитъ во многихъ мѣстностяхъ примитивнымъ приборомъ для отопленія. Отъ жаръ—жаровня. Такимъ образомъ слову „Ofen“ соответствовала бы, по точному смыслу, не „печь“ а „жаровня“. *Пер.*

сомнѣнно имѣли въ виду только приспособленный для печенія хлѣбовъ очагъ. Современныя комнатныя печи представляютъ позднѣйшее культурное приобрѣтеніе, родиной котораго были пограничныя римско-германскія области, перенявшія и переработавшія согласно варварскимъ потребностямъ и нравамъ, приспособленія для топки южныхъ термъ [бань]. Нѣм. „Stube“ [комната] обозначало, вѣроятно, въ первоначальномъ примѣненіи только „печь“ (сравни англійское „stove“—комнатная печь); въ дальнѣйшемъ уже „банную печь“, „банное помѣщеніе“ и, наконецъ, „отапливаемое помѣщеніе“. Такимъ образомъ, коренящееся въ греко-римскихъ бытовыхъ условіяхъ представленіе о „теплой комнатѣ“ и „банной печи“ было занесено далеко на сѣверъ и на востокъ, гдѣ окончательно упрочилось въ названіи русскаго крестьянскаго жилья—„изба“—съ промежуточною формою „истба“. На древне-славянской, между прочимъ, почвѣ встрѣчается слово „Stube“ въ первоначальномъ его смыслѣ „отапливаемой купальни или умывальни“: такъ у арабскаго еврея Ибрагима-ибнъ-Якуба находимъ его въ написаніи „итба“ и въ значеніи „баня“.

На долю очага выпадало не только отопленіе, но и освѣщеніе жилья, поскольку послѣднее не осуществлялось съ помощью первобытной лучины, встрѣчающейся, какъ „вѣрный другъ ночей“, и въ пѣсняхъ Гомеровскаго эпоса, и въ безчисленныхъ крестьянскихъ хижинахъ современнаго востока и сѣвера Европы, оставшихъ въ культурномъ отношеніи.

Вообще, праиндо-европейское жилье мы должны представлять себѣ лишеннымъ простѣйшаго комфорта—всей той *утвари*, съ которой нынѣ соединено понятіе объ элементарнѣйшихъ удобствахъ. Не было ни кроватей, ни столовъ, ни стульевъ. Вотъ что пишетъ Страбонъ (V, 179) о кельтахъ: „Они спятъ на голой землѣ, и по сей день большинство изъ нихъ ѣсть, сидя на рогожахъ“. То же у Діодора V, 28: „Они ѣдятъ, сидя не на стульяхъ, но на землѣ, подкладывая подъ себя волчьи и собачьи шкуры.“ У Атенеуса, IV, 151: „кельты, какъ удостовѣряетъ Посидоній, подають яства на разостланномъ сѣнѣ и на столахъ, мало возвышающихся надъ землей“. Все вышесказанное—сонъ на полу, сидѣнье на землѣ, ѣда за низенькими столиками—практикуется понынѣ въ забытыхъ уголкахъ славянскаго міра, какъ напр. на сѣверѣ Балканскаго полуострова, и

нессомнѣнно входило повсемѣстно въ условія быта праиндоевропейцевъ. Древне-германское названіе стола на древне-верхне-нѣмецкомъ языкѣ „biot“, на готскомъ „biuths.“ Въ переносномъ значеніи „biot“ и „biuths“ тождественны съ происходящимъ отъ нихъ славянскимъ словомъ „блюдо“; а потому мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что тѣ отдѣльные столики, которые по словамъ Тацита (Германія XXII), ставились передъ каждымъ изъ пирующихъ, были первоначально просто глиняной посудой, изъ которой ѣли, прикурнувъ на корточкахъ. Мы, привыкшіе къ условіямъ современнаго быта, совсѣмъ не сознаемъ, какъ намъ хорошо живется. Сомнѣвающимся, пусть подумаютъ хотя бы о неимовѣрныхъ количествахъ паразитовъ, безпрепятственно плодившихся при тогдашней обстановкѣ. Одна эта подробность должна заставить замолчать панегиристовъ прошлаго.

„Недостатокъ вентиляціи, — говоритъ В. Генъ — обращаетъ жилища троглодитовъ въ нѣчто невозможное; царящая въ нихъ вонючая и спертая атмосфера выгоняетъ иногда даже ступѣвшихъ физически хозяевъ на зимній холодъ. Къ прелестямъ жилищъ надо прибавить неимовѣрное количество блохъ, на которыхъ жалуются путешественники какъ здѣсь (въ валашскихъ постоянныхъ дворахъ), такъ и въ Сибири. Насѣкомыя такъ густо облѣпляютъ углубленную въ землю часть стѣны, что она вся лоснится черноватымъ блескомъ... Правда, кожа древнихъ германцевъ была, вѣроятно, гораздо лучше закалена противъ укусовъ насѣкомыхъ — какъ домашнихъ, такъ и полевыхъ, чѣмъ кожа современнаго культурнаго обитателя Европы . . . но съ грубой кожей соединяются, обыкновенно неподвижный умъ и огрубѣлая душа“. Поэтому никакъ нельзя считать случайностью, что названія всякой домашней нечисти сохранились въ языкѣ почти въ той же неприкосновенности, какъ имена полезныхъ четвероногихъ друзей человѣка. А нѣмецкій терминъ для всѣхъ паразитирующихъ домашнихъ насѣкомыхъ „Ungeziefer“ — содержитъ въ себѣ почти анекдотически комичный элементъ. Такъ на древне-верхне-нѣмецкомъ языкѣ полезные сожители людей назывались „zēbag“, т. е. „жертвенное“; домашняя же нечисть (на средне-нѣмецкомъ), „ungezibere“ — т. е. „нежертвенное“; иначе говоря: тотъ живой домашній инвентарь, который не годится въ жертву.

Параллелизмъ въ названіяхъ для паразитовъ, какъ уже сказано, весьма полный. Такъ нѣмецкое „Niss“ — [гнида] —

яйца вшей, въ древне-верхне-нѣмецкомъ „hniz“, соотвѣтствуетъ греческому „κονίς“ (konis)—вошь; нѣм. „Floh“ [блоха]—лат. „pulex“, греч. „ψύλλα“ (psylla); лат. „pêdis“—[вошь] — древне-иранскому „razdu“ (маленкій вредный жу-чокъ); древне-скандинавское „maurr“ [муравей]—древне-иранскому „maoiri“; лат. „musca“ [муха] — греческому „μυῖα“ (myia) и т. д.

Вышеприведенный обзоръ праиндо-европейской жилищной обстановки показываетъ, что послѣдняя не могла служить серьезнымъ препятствіемъ для частыхъ перекочевокъ, характерныхъ для быта нашихъ предковъ. Было даже очень просто нагрузить весь домашній скарбъ, въ томъ числѣ и болѣе прочныя составныя части прежняго жилища—двери, брусья и т. п.—на подводы, запряженныя волами, а тако-выя были, какъ мы выше видѣли, основнымъ достояніемъ всѣхъ индо-европейцевъ—и перебраться на другое мѣсто.

Въ праиндо-европейскомъ языкѣ не было также недоста-тка въ терминахъ для обозначенія пути, дороги, хотя вопросъ объ искусственныхъ дорогахъ долженъ считаться пока открытымъ. Одну изъ широко распространенныхъ параллелей можно начать хотя бы съ греческаго „πάτος“ (pátos)—[путь, тропа], отношеніе къ которому (пути заимствования) нѣ-мецкаго „Pfad“ пока еще не выяснено. Затѣмъ лат. „pons“ [мостъ, путь], соотвѣтствующее древне-индійскому „pnathás“. Значеніе обоихъ терминовъ колеблющееся; они обознача-ютъ то бревенчатый настиль, то настоящій мостъ, то бродъ (нѣм. „Furt“, армянское „հւր“), что вполнѣ естественно, такъ какъ направленіе первобытныхъ путей непременно должно было принаравливаться къ рѣчнымъ бродамъ.

Праисторическія данныя также указываютъ на суще-ствование въ первобытныя времена въ Европѣ, хотя бы даже весьма несовершенныхъ, но все же установившихся путей, проторенныхъ съ незапамятныхъ временъ для нужды тор-говли (гл. VI). Когда вереницы передвигавшихся обозовъ натыкались на рѣки и проливы, послѣдніе не являлись для нихъ непреодолимыми затрудненіями. Уже пранароду былъ знакомъ „корабль“: конечно, въ образѣ выжженной огнемъ однодеревки. На это указываетъ лат. „navis“ (ср. заимство-ванное отсюда нѣм. слово „Naue“); далѣе греч. „ναῦς“ (naûs), древне-скандинавское „nóg“, древне-индійское „nâûs“. Та-кая же параллель намѣчается и для „весла“: нѣм. „Ruder“ соотвѣтствуетъ древне-верхне-нѣмецкому „ruodar“, греч.

„*eretmá*“ (*eretmá*), древне-индйскому „*aritra*“. Однако, праиндо-европейцы едва ли были въ массѣ народомъ отважныхъ мореплывателей, въ родѣ позднѣйшихъ скандинавскихъ викинговъ.

V. Опьяняющій напитокъ.

Несправедливо было бы, конечно, считать нашихъ германскихъ предковъ горчайшими пьяницами доисторической Европы. Однако, древнѣйшія свидѣтельства съ достаточной опредѣленностью подчеркиваютъ упорное пристрастіе германцевъ ко всему хмельному. Уже Тацитъ (Германія 22) пишетъ: „Денно и ночью пьянствовать не считается у нихъ позоромъ. Ссоры часты, какъ обычно среди пьяныхъ. Столкновения рѣдко ограничиваются бранью; чаще кончаются убійствомъ или ранами“; а въ главѣ 23 онъ продолжаетъ: „если погворствовать ихъ пьянству и давать имъ все, чего они ни пожелаютъ, то порочныя наклонности ведутъ ихъ къ гибели точно такъ же, какъ оружіе“. Послѣдствія отмѣченной Тацитомъ тактики испытали на себѣ марсы ¹⁾, когда въ лунную ночь 14-го года они были уничтожены когортами Цецины (Тацитъ, Анналы, I, 50). Прекращеніе кровавыхъ распрей, заключеніе брачныхъ союзовъ, избраніе князей (Тац. Герм. 22)—все совершалось за пивомъ. Но и позднѣйшіе свидѣтели, говоря о готахъ, франкахъ, лангобардахъ, аллеманнахъ, герулахъ, англосаксахъ, ужасаются ихъ пристрастію къ хмельному. Одинъ изъ поэтовъ римской антологіи такъ жалуется на попойки варваровъ:

Средь неистовыхъ „*hails*“ ²⁾ и криковъ о пирѣ и мясѣ ³⁾
 Кому же на умъ придетъ писать разумныя строфы?
 Въ пару съ разнузданнымъ Ваххомъ боится идти Калліопа,
 Чтобъ ея мѣрная пѣснь не смѣнилась пьянымъ шатапьемъ.

¹⁾ Марсы — германское племя, жившее на сѣверо-западѣ, между Рейномъ и Везеромъ. Принимали участіе въ разгромѣ Арминіемъ легионовъ Вара. Стерты съ лица земли Германникомъ. *Пер.*

²⁾ Въ лат. подлинникѣ сохранено готское „*hails*“, соответствующее нѣмецкому „*heil*“ — „за здоровье, за здравіе“. *Пер.*

³⁾ Въ нѣм. подлинникѣ слова приведены на готскомъ языкѣ: „*Jah matjan, jah drigkan*“. *Пер.*

То же и Венантий Фортуна¹⁾: въ предисловіи къ собранію своихъ стиховъ онъ жалуется на неистовства варваровъ за „кленовыми кубками“ [ковшами]. „Что разумное можно сказать въ обстановкѣ, когда приходится поздравлять всякаго, кто остался въ живыхъ послѣ такой попойки?“

Итакъ, пьянство древнихъ германцевъ стоитъ внѣ сомнѣній. Не надо только забывать, что въ томъ же не менѣе повинны и всѣ другіе индо-европейцы, за исключеніемъ грековъ и римлянъ, у которыхъ сказалось вліяніе высшей культуры. У кельтовъ напр., соблюдавшихъ, между прочимъ, на своихъ пирушкахъ воспѣтое Гомеромъ обыкновеніе „читать лучшаго лучшими кусками“, вино обносилось въ большомъ сосудѣ, изъ котораго пили всѣ по очереди, такъ что жидкость сочилась сквозь ихъ длинныя бороды, какъ черезъ сито (Атенеи²⁾ IV, 154; Діодоръ Сицилійскій³⁾ V, 28). Но всѣхъ перещеголяли еракійцы, пившіе чистое вино: „всему же свѣту извѣстно — пишетъ Эліанъ⁴⁾ въ „Var. hist.“ III, 15—что они (еракійцы) первѣйшіе пьяницы“. Они пили изъ турьихъ роговъ, подобно германцамъ, македонцамъ, пеонійцамъ, скивамъ — обычай, приписываемый Плиніемъ всѣмъ сѣвернымъ народамъ (Естественная исторія XI, 126). У иллирійцевъ жены вводили мужей съ попоекъ. „Когда пьютъ, то стягиваютъ чресла широкими кушаками, и тѣмъ туже, чѣмъ больше пьютъ“, — говоритъ Атенеи (X, 443). Цѣль описанной процедуры непонятна. Петръ Дусбургскій⁵⁾, сообщаетъ о древнихъ пруссахъ: „Предполагается, что гость недостаточно ублагодворенъ, если не напился допьяна. При этомъ въ обычаѣ тягаться неимовѣрными количествами

1) Venantius Fortunatus около 592 г. по Р. Х. былъ епископомъ въ Пуатье, въ Галліи. Хорошо владѣлъ латинскою стихотворной рѣчью. Цитата приведена изъ его путешествія вдоль Мозеля (De itinere suo), въ которомъ онъ описываетъ нравы варваровъ. *Пер.*

2) Атенеи — грамматикъ и софистъ III ст. по Р. Х. Жилъ сначала въ Александріи, потомъ въ Римѣ. Благодаря его сочиненіямъ, сохранились многія цѣнныя указанія изъ исторіи наукъ и искусства, обычаевъ и промышленности. *Пер.*

3) Современникъ Юлія Цезаря и Августа. Въ продолженіе 30 лѣтъ путешествовалъ по Европѣ и Азій. Изъ его сочиненій сохранилось много цѣнныхъ отрывковъ. *Пер.*

4) Эліанъ—Aelianus, софистъ, учитель краснорѣчія въ Римѣ. при Северахъ. *Пер.*

5) Прусскій историкъ конца XIII, начала XIV вѣка. Написалъ „Chronicon terrae Prussiae“. *Пер.*

выпитаго, много пить считается обязательнымъ. Каждый изъ хозяевъ подходитъ къ гостю съ чаркой вина и самъ выпиваетъ ее, съ тѣмъ, чтобы гость выпилъ столько же; поэтому къ концу пира, послѣ всѣхъ подношеній, пьяны и хозяинъ и гость, мужья и жены, дочери и сыновья“. Совершенно схожіе обычаи застали западно-европейскіе путешественники, напр. Адамъ Олеарій—въ Москвѣ XVI и XVII вѣка. Владимиръ (креститель Руси) сказалъ будто бы: „Руси веселіе есть пити: не можемъ безъ того быти“, а въ былинахъ молодечество богатырей измѣряется способностью ихъ пить. То же у азіатскихъ индо-европейцевъ, напр. индусовъ: въ Ригведахъ выводится наиболѣе чтимый богъ индусовъ, Индра, въ состояніи опьяненія, подобно германскому Тору или греческому Гераклу:

Точно неистовыми порывами вѣтра
Потрясалъ меня напитокъ,
Не сомы ли я выпилъ?

При оцѣнкѣ праисторическихъ сказаній не надо, однако, забывать, что богатырски вѣсть, а тѣмъ болѣе богатырски пить, считалось повсюду признакомъ добраго молодца-богатыря.

Самые напитки были даже въ историческое время у различныхъ народовъ разные. У арійцевъ — сокъ священной сомы (древне-индійское „soma“=древне-ир. „haoma“), у грековъ и римлянъ вино, на сѣверѣ пиво, у пруссовъ, скифовъ и иранцевъ наравнѣ съ другими напитками—жумысь. На фонѣ же всей картины, какъ опьяняющій напитокъ праисторическаго времени, стоитъ „медъ“. Названіе его лежитъ въ основѣ нѣм. слова „Met“, древне-верхне-нѣмецкаго „metu“, древне-ирландскаго „mid“, древне-славянскаго „медъ“ [сотовый и питьевой], лит. „midus“ [медъ, какъ питье] и „medus“ [сотовый медъ], греч. „μέθυ“ (méthy) —питье и „μέθυ“ (méthē)—опьянѣніе; древне-индійское „mádhu“ —сладость, сладкое питье—то же древне-пранское „maḍu“ —сладкое питье. Параллель показываетъ, что опьяняющій напитокъ приготовлялся изъ пчелинаго [сотоваго] меда; другія названія для него были: готское „milith“ = лат. „mel“ = греч. „μέλι“ (méli). Отсюда слѣдуетъ, что прародину индо-европейцевъ надо искать въ странѣ, уже въ доисторическое время бывшей областью распространенія пчелы. Послѣдняя встрѣчается въ дикомъ состояніи во всей Европѣ, притомъ не только въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, но и въ юго-восточномъ степномъ

Таблица I. Слезь съ турьянь роговъ, изображенный на серебряномъ кубкѣ. Изъ коллекціи С. Петербургскаго Императорскаго Эрмитажа (новѣйшая находка).

районѣ. Къ востоку отъ средняго теченія Волги, между Оренбургомъ и Пермью, находится такъ называемая „медовая область“ современныхъ башкиръ, имѣющая преимущественно степной характеръ.

Гезихіусъ¹⁾ называетъ медь (μελίτιον—melition) специально скиѣскимъ напиткомъ, а по словамъ Геродота (V, 10), области къ сѣверу отъ Дуная такъ кишать пчелами, что движеніе въ глубь страны грозитъ опасностью. Въ Азіи же медовая пчела водилась искони на сравнительно небольшомъ пространствѣ, тянущемся узкой полосой съ запада на востокъ, черезъ Малую Азію, Сирію, сѣверную Аравію, Персію, Афганистанъ, Гималаи, Тибетъ, Китай. Въ Туркестанѣ, по Сырь и Аму-Дарьѣ, она ввезена въ историческое время; то же къ востоку отъ Урала, въ Сибирь. Для освѣщенія факта знакомства праиндо-европейцевъ съ медомъ и медоносною пчелой, необходимо еще добавить, что отъ того-же корня „*médhu“ происходятъ также всѣ связанныя съ представленіемъ о „медѣ“ термины на угро-финскихъ языкахъ,—притомъ въ таковой формѣ, что, по мнѣнію одного изъ лучшихъ знатоковъ названныхъ нарѣчій (В. Томсона), нельзя предполагать въ нихъ заимствованій изъ какого-либо опредѣленнаго индо-европейскаго языка. По-фински имѣемъ „mesi“ (корень „mete“), по-мордовски „медъ“, по черемисски „мы“, по-зырянски „ма“; у остяковъ встрѣчаемъ форму „магъ“, у вогуловъ „мау“, у венгровъ „мѣз“. Въ связи съ вышеприведенными зоогеографическими справками, необходимо заключить, что финны, наравнѣ съ индо-европейцами, познакомились съ пчелой въ лѣсныхъ и степныхъ предѣлахъ къ западу отъ Урала. Къ этому вопросу мы еще вернемся въ главѣ XII. Итакъ, природнымъ индо-европейскимъ опьяняющимъ напиткомъ былъ медъ. Въ наибольшей неприкосновенности сохранился онъ въ обиходѣ литовцевъ и славянъ. Достаточно, напр., прислушаться къ русской народной рѣчи, къ ея пословицамъ, поговоркамъ и загадкамъ, чтобы понять, какое важное значеніе имѣлъ и теперь имѣетъ медъ, какъ напитокъ, въ жизни русскаго простонародья. Прочія отрасли индо-европейскаго народа натолкнулись за время расселенія на другіе опьяня-

¹⁾ Hesychius (Ἡσύχιος), родомъ изъ Александріи, языческой философа конца IV вѣка по Р. Х., составилъ толковый словарь (сборникъ глоссъ) греческаго языка и вошедшихъ въ него словъ негреческаго происхожденія. *Пер.*

ющіе напитки, ограничившіе, а частью и вовсе устранившіе пользование медомъ. Прослѣдить историческій ходъ культуры именно въ данномъ направленіи представляетъ громаднѣйшій интересъ.

Начнемъ съ арійцевъ.

Мы видѣли выше, что они переселились на Иранъ, слѣдуя, вѣроятно, теченію рѣкъ Сыръ-Дарья и Аму-Дарья. Послѣ того, что было выше сказано о распространеніи пчелы, совершенно ясно, почему арійцамъ пришлось распоститься съ медомъ и замѣнить его пресловутой и прославляемой въ Ригведахъ „сомой“ (древне-инд. „sô'ma“, древне-иранское „haoma“). Много было приложено стараній, чтобы найти въ долинахъ Оксуса [Аму-Дарья] и Гиндукуша земного представителя божественной травы, такъ тѣсно связанной съ религіознымъ культомъ арійцевъ, однако, безуспѣшно. Самое слово „sô'ma=haoma“ (отъ „su“—отпѣживать) стоитъ, повидимому, совершенно одиноко, внѣ связи съ другими языками. А все же лицомъ къ лицу съ его иранскою звуковою формою „haoma“, чрезвычайно трудно отрѣшиться отъ такихъ созвучій, какъ „humulus“ средневѣковой латыни, древне-сѣверо-германскій „humall“ [хмѣль], наравнѣ съ длиннымъ рядомъ восточно-европейскихъ терминовъ: чувашскимъ „хумла“, татарскимъ „хомлякъ“, наконецъ, русскимъ „хмель“, наводящихъ на родственную связь „haoma“ съ хмелемъ.

Но если это такъ, то вѣдь послужившая предметомъ столькихъ споровъ „сома“—не что иное, какъ нашъ „Humulus lupulus Linnei“, встрѣчающійся во всей умѣренной полосѣ Азіи, и лишь южнѣе замѣненный другими суррогатами. Уже въ глубокой древности въ Индіи не знали, откуда происходитъ „сома“: „знаютъ про то жрецы“. Совершенно иначе и значительно яснѣе сложились обстоятельства на Западѣ. Здѣсь, какъ мы уже говорили выше, въ праисторическое время ясно опредѣлилось производство ячменя, пшеницы и проса. Поэтому медъ на Западѣ сталъ рано вытѣсняться новымъ опьяняющимъ напиткомъ—пивомъ. Не ясно только одно: изобрѣтено ли пиво самими индо-европейцами, или же перенято отъ неиндо-европейскихъ обитателей юго-западной Европы? Ибо пиво одинаково первобытно и въ Испаніи, и въ Африкѣ. Испанцамъ преимущественно приписывается Плиніемъ (Естественная исторія XIV, 149) изобрѣтеніе способа заготовлять пиво впрокъ, между тѣмъ какъ въ сѣверныхъ странахъ, напр. у литовцевъ, о

которыхъ говорить Ласицкій (О самогитскихъ божествахъ, 44), сегодня сваренное пиво должно было выпиваться завтра. Трудно рѣшить, конечно, были ли западные индо-европейцы ко времени ознакомленія съ употребленіемъ пива этнически обособлены отъ прочихъ. Противъ обособленія говорить то обстоятельство, что нѣмецкій терминъ для варки пива „bräu“ [варить пиво], древне-верхне-нѣмецкое „brūwan“, лежитъ въ основѣ еракійско-фригійскаго названія напитка— „βρυτον“ (bryton)—дошедшаго до насъ, благодаря греческому поэту Архилоху. Несомнѣнно, что древнѣйшее пиво было нѣчто среднее между теперешнимъ и медомъ, такъ какъ варено изъ ячменя или пшеницы подслащалось медомъ, за неумѣніемъ солодовать напитки. Такъ дѣлалось, по крайней мѣрѣ, по словамъ Питеаса (Страбонъ IV, 201), въ сѣверной Туле: „у нихъ есть и зерновой хлѣбъ, и медъ. И они варятъ себѣ изъ нихъ напитки“. То же говоритъ Посидоній¹⁾ о кельтахъ (Атений, IV, 52): „Бѣднѣйшіе пьютъ пшеничное пиво, которое приготавливаютъ съ медомъ“. Хмель появился въ Европѣ только въ средніе вѣка. Литовцы и славяне приправляютъ имъ также медъ.

Больше всего выиграли отъ замѣны меда другими напитками тѣ племена, которые поселились на Балканскомъ и Аппенинскомъ полуостровахъ. Во всѣхъ историческихъ свидѣтельствахъ мы встрѣчаемся еще, однако, съ указаніями на употребленіе прародительскаго меда. Византійскій посолъ Прискъ уже въ Панноніи засталъ напитокъ, который жители называли „μέδος“ (médos). Объ иллирійскихъ таулантіяхъ²⁾ рассказываетъ у Аристотеля (Удивительные слухи, 22), что они умѣютъ приготавливать медовое вино, не отличающееся вкусомъ отъ стараго винограднаго. И, дѣйствительно, лежалый медъ очень напоминаетъ старую марсалу. Но и въ Греціи воспоминаніе о давнишнемъ „μέδο—медъ“, далеко еще не угасло, и когда древніе писатели хотѣли изобразить первобытный пиръ и опьяненіе, они прибѣгали къ картинамъ давнишняго веселья съ напиткомъ добраго стараго времени въ кубкахъ пирующихъ.

Но воспоминаніе о прошломъ стерлось передъ лицомъ

¹⁾ Софистъ и историкъ II вѣка по Р. Х. Его историческія и географическія сочиненія утеряны и извѣстны лишь по ссылкамъ у Атенея. *Пер.*

²⁾ Эракійское племя, жившее въ окрестностяхъ гор. Эпидамна. *Пер.*

настоящаго, передъ несравненнымъ даромъ божественнаго Діониса, виномъ. Первичная исторія вина еще покрыта мракомъ неизвѣстности. Мы знаемъ только, что *Vitis vinifera* L, [виноградная лоза], дико растущая, между прочимъ, и въ нѣкоторыхъ областяхъ южной и средней Европы, необыкновенной силой и роскошью своихъ первобытныхъ зарослей вдоль южныхъ береговъ Чернаго и Каспійскаго морей какъ бы сама идетъ навстрѣчу культурнымъ усиліямъ челоуѣка. На языкахъ четырехъ сосѣднихъ народовъ, принадлежащихъ къ индо-европейскому языковому единству — армянскомъ (gin изъ „*voipio“ родъ коньяка), албанско-иллирійскомъ („vëne“ изъ „*vainā“), греческомъ (οἶνος, φοῖνος — οἶνος, वोῖνος), и латинскомъ (vinum)—названіе напитка изъ винограда сводится къ общему созвучному слову „*voipio—вино“. Путемъ заимствованія оно же перешло въ западно-семитическіе языки (арабско-эіопское „wain“, еврейское „jajin“ отъ „*wain“). Составляютъ ли, однако, приведенные выше четыре индо-европейскіе термина праисторическое достояніе нѣкоторой группы индо-европейскихъ народовъ, представляютъ ли они позаимствованныя другъ у друга или занесенныя со стороны слова,—до сихъ поръ еще не выяснено съ полною достовѣрностью. Нѣм. „Wein“ [вино]—во всякомъ случаѣ, слово заимствованное и перешло въ Германію вмѣстѣ съ римской виноградной культурой и латинскимъ названіемъ „vinum“.

Когда вино впервые появилось на сѣверѣ, свевы¹⁾, въ припадкѣ анти-алкоголизма, попытались наложить запретъ на новый напитокъ: „Они не пропускаютъ въ свои предѣлы вина, такъ какъ думаютъ, что оно изнѣживаетъ и ослабляетъ людей въ перенесеніи невзгодъ и трудовъ“ (Цезарь, Галльская война, IV, 2). Тѣмъ не менѣе, торговавшій имъ римскій „сауро“ [корчмарь] скоро проложилъ себѣ путь къ сердцу германскихъ народовъ. Вино было, вѣроятно, прескверное: не даромъ латинскіе глоссаріи поясняютъ, что „сауро“—тотъ, кто „примѣшиваетъ воду къ вину“, или „превращаетъ вино въ воду“, или „мошенически ведетъ торговлю“, и т. л.; но рядомъ съ первобытными напитками, медомъ и пивомъ, оно казалось, вѣроятно, божественнымъ нектаромъ. Отъ „сауро“ произошло и нѣмецкое „kaufen“ [покупать] и „Kaufmann“ [купецъ].

¹⁾ Германское полукочевое племя По Тациту—въ предѣлахъ между Дунаемъ и Балтикой. По Цезарю—ближе къ Рейну. *Пер.*

VI. Торговля и промыслы.

Индоевропейцы, подобно всѣмъ первобытнымъ народамъ, видѣли первоначально во всякомъ чужестранцѣ существо совершенно безправное, которое можно безнаказанно ограбить, даже убить. Отголоски такого отношенія сохранились въ нѣмецкомъ „elend“ [несчастный], отъ древне-верхне-нѣмецкаго „elilento“ т. е. „чужеземецъ“, а также въ англійскомъ „wretch“ [оборванецъ, бродяга, бездомный] отъ англосаксонскаго „wrecca“, соотвѣтствующаго древне-индійскому „para-vrj“, обозначающему „отверженца“, „изгоя“: „Онъ бродитъ, какъ волкъ (древне-сѣверное „vargr“, средневѣковое лат. „vargus“ — изнанникъ); по словамъ Гомера, онъ „ἀτιμῆτος μετανάστης“ (atimētos metanástēs), т. е. лишенный почета [непочитаемый] чужакъ, у котораго отняли виру“ (ср. гл. X.¹)

Наоборотъ, древне-верхне-нѣмецкое „wippi“, (отъ древне-иранскаго „fipe“ — родовое сообщество, кланъ) равнозначуще „другу“; а насколько тѣсно сплетались въ давнишнія времена представленія о кровномъ родствѣ и о дружбѣ — вплоть до полной неотдѣлимости ихъ одно отъ другого — видно изъ того, что когда братались чужіе, они выполняли извѣстный обрядъ смѣшенія крови. „Помнишь-ли ты, Гунтаръ — говорится въ одной изъ пѣсенъ Эдды — какъ вы оба (Сигурдъ и ты, когда давали другъ другу братскій обѣтъ) смѣшали кровь въ отпечаткѣ ноги?“

Въ непримиримомъ, повидимому, противорѣчьи съ вышеуказаннымъ отношеніемъ къ чужаку, — отношеніемъ, послѣдніе звуки котораго смолкли лишь передъ новымъ міровоззрѣніемъ, внесеннымъ въ жизнь христіанствомъ, — стоитъ культъ гостепріимства, наивысшій расцвѣтъ котораго у индоевропейскихъ народовъ теряется въ глубочайшей древности. Уже Гомеръ упоминаетъ о „Зевсѣ гостепріимцѣ“ (Ζεὺς ξένιος = Zeus ksénios), напоминающемъ латышскаго языческаго бога, извѣстнаго подъ малопонятнымъ, темнымъ для насъ именемъ „Ceroklis“ („богъ гостепріимства, которому глупый народъ предлагалъ первые куски отъ каждой яствы и первые глотки отъ каждаго напитка“). Кромѣ упомянутыхъ, есть и другія непосредственныя указанія на глубокую древность законовъ госте-

¹) „Отняли виру“, т. е. каждый могъ безнаказанно убить его, не уплативъ виру. *Пер.*

примства. Объ испанскихъ кельтахъ Діодоръ Сицилійскій (V, 34) свидѣтельствуеъ, „что они предупредительны и чело-вѣчны въ отношеніи къ чужестранцамъ. Всѣ жители стре-мятся залучить ихъ къ себѣ и соперничаютъ въ томъ, кто лучше приметъ и угоститъ“. То же говоритъ Цезарь, VI, 23 о германцахъ: „оскорбить гостя считается у нихъ нару-шеніемъ божественныхъ законовъ. Прибывшихъ почему-либо издалека они защищаютъ отъ насилія и свято чтутъ; всѣ двери для нихъ открыты, и хозяева дѣлятся съ гостемъ всѣмъ, что имѣютъ“. Дальнѣйшія выдержки будутъ приведены ниже.

Индо-европейскіе термины для „гость“ и для „чужакъ“ сходятся въ параллели: ново-верхне-нѣмецкое „Gast“, гот-ское „gasts“, славянское „гость“, лат. hostis - въ первоначальномъ значеніи „чужестранца“, а затѣмъ ужъ „врага“. Если чужестранецъ входилъ въ чей-либо домъ, то онъ могъ рассчитывать на гостепріимную встрѣчу лишь при условіи фактивнаго признанія за нимъ правъ сочленства въ домѣ или въ семьѣ. Понятіе о такомъ сочленствѣ входитъ въ составъ лат. „hospes—гость“, обозначавашаго первично „гостепріимца“, „хозяина“, но не пришельца. Получилось „hospes“ изъ „hosti-pets“, равносильнаго славянскому „господь“ [го-сподинъ], сокращенному изъ „гости-поті“, словъ въ которыхъ „pets“ и „poti“ соотвѣтствуютъ древне-индійскому „pāti“ и греч. „πῶσις“ (pósis), обозначававшимъ въ праиндо-европейскомъ коренномъ языкѣ (см. гл. VIII, 2) главу дома, главу семьи. Такое словообразование рельефно сохранилось въ древне-индійскомъ языкѣ, гдѣ „átithi“ значитъ „гость“, а „átithi-pati“—хозяинъ, т. е. временно ставшій главой семьи, отцомъ для даннаго чужака, чужестранца. Такимъ образомъ „átithipati“ вполне соотвѣтствуетъ лат. „hospes“ въ начальномъ его значеніи.

Естественнымъ послѣдствіемъ сложившагося взгляда на вещи была кровавая месть (см. гл. X), ложившаяся нрав-ственнымъ долгомъ на главу дома, принявшаго гостя, за всякую обиду и смерть, причиненныя чужестранцу, совер-шенно, какъ если бы онъ былъ сыномъ или былъ соединенъ съ принявшей его семьей иными кровными узами. На это намекаетъ Цезарь, и совершенно опредѣленно говоритъ о славянахъ императоръ Маврикій ¹⁾ (Стратег. XI, 5): „Къ

¹⁾ Византійскій императоръ (539—603 по Р. Х.). Велъ удач- ные войны съ придунайскими славянами. Погибъ отъ руки взбунтовавшихся солдатъ. *Пер.*

чужестранцамъ они относятся благожелательно и провожаютъ отъ мѣста до мѣста, куда тѣ пожелають. Если же по винѣ тѣхъ, которые приняли гостя, съ нимъ приключится худое, приведшій становится мстителемъ за причиненную чужестранцу обиду: ибо кровавая месть за поправленіе обычая гостепріимства считается у нихъ божескимъ установленіемъ“.

То, что императоръ Маврикій говоритъ о славянскихъ обычаяхъ за 1000 лѣтъ до нашего времени, до сихъ поръ примѣнимо къ дикимъ албанцамъ, какъ пишетъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей (Карль Штейнмецъ Путешествіе по горной Албаніи 1904): „Безпримѣрное гостепріимство составляетъ одно изъ благороднѣйшихъ свойствъ сѣверо-албанскаго народнаго духа. Достаточно съѣсть у кого-либо въ домѣ кусокъ хлѣба или выпить чашку кофе, даже только стаканъ воды, чтобы сдѣлаться „другомъ“ („микъ“—отъ „amicus“—какъ говорятъ албанцы). И если на дальнѣйшемъ пути, раньше, чѣмъ „микъ“ завернетъ на отдыхъ къ кому-либо другому, съ нимъ приключится бѣда, т. е. онъ будетъ ограбленъ или убитъ, вся семья лица, принявшаго его какъ гостя не успокоится, пока не отомститъ: иными словами, не убьетъ обидчика“.

„Потому-то—продолжаетъ рассказчикъ—я всегда въ сопровожденіи одного только спутника безнаказанно проникалъ въ нѣдра самыхъ дикихъ племенъ; ибо всякій насильникъ, который, быть можетъ, былъ бы очень не прочь убить и ограбить меня, поневолѣ считался съ послѣдствіями упорнѣйшаго преслѣдованія со стороны того дома, въ которомъ я былъ въ послѣдній разъ гостемъ. Съ этой точки зрѣнія обычай кровавой мести представляется менѣе предосудительнымъ, нежели мы обычно склонны думать, ибо служить нешуточной острасткой для разбойничьихъ инстинктовъ населенія. Во что обратилась бы жизнь въ странѣ, гдѣ всѣ носятъ оружіе, гдѣ не знаютъ правосудія въ западно-европейскомъ смыслѣ, гдѣ нѣтъ полиціи, гдѣ каждый самъ себѣ господинъ—если бы не страхъ передъ кровавою местью“!

Такое же пониманіе обязанностей гостепріимца по отношенію къ гостю лежитъ въ основѣ гелстически мало еще уясненнаго слова „Wirt“ [хозяинъ] готск.—„wairdus“ (домохозяинъ, супругъ, пристанодатель). „Wirt“ относится къ группѣ словъ, берущихъ начало отъ одного корня съ древневерхне-нѣмецкимъ „giwëren“ — „представлять поручитель-

ство, ручаться—соотвѣтствующимъ нѣмецкому „ge-währen“ (откуда фр. „garantir“, нѣм. „garantieren“); первоначальный смыслъ его чисто отвлеченный: „*wertu“—гарантія; затѣмъ конкретно: „ручающійся, дающій гарантію“ (какъ за своихъ, такъ и за чужихъ) т. е. „Wirt“. (Сравни готское „hliftus“, лат. „clerege“, въ значеніи первоначально „воровство“, а затѣмъ уже и „воръ“).

Теперь возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ было возможно относиться къ одному и тому же лицу, какъ къ столпцу внѣ закона, и въ то же время обезпечивать ему не только радушный пріемъ у своего очага, но и охрану въ пути до ближайшаго поселенія? Отвѣтъ находимъ въ повсемѣстно распространенномъ и тѣсно связанномъ съ гостепріимствомъ обычаѣ „обмѣна подарками“. Существованіе его вполнѣ очевидно не только изъ языковыхъ пережитковъ—сравни древне-русскія: „гость“—купецъ“, „гостить“—„торговать“, „гостьба—торговля“—но еще гораздо явственнѣе подчеркивается въ сказаніяхъ и преданіяхъ древности. Уже Гомеръ считаетъ не только „приличествующимъ“, но и „согласнымъ съ долгомъ божественной справедливости“ (Θеμίδυ) подносить гостепріимцу подарки и принимать отъ него отвѣтные дары. При томъ строго соблюдается принципъ равноцѣнности предметовъ обмѣна; напомнимъ о Глаукосѣ [Глаукѣ] въ Иліадѣ, который отдаетъ гостю золотые доспѣхи въ обмѣнъ на мѣдные, „потому что Зевсъ отуманилъ ему голову“ [лишилъ его разума]. Иногда въ перечнѣ подарковъ встрѣчаются длинные списки товаровъ—таланты серебра, тазы, верхнее платье, ковры, плащи, бѣлье, опытные въ рукодѣльяхъ рабыни и пр.: все это преподносится сразу хозяину-гостепріимцу. У Тацита (Germania XXI) находимъ согласныя съ вышеуказаннымъ данныя: „Нѣтъ народа болѣе склоннаго къ гостепріимству и пиршествамъ“—говоритъ онъ. „Уклониться отъ пріема пришельца считается грѣхомъ. Каждый, по мѣрѣ достатка, принимаетъ чужестранца за накрытымъ столомъ. Когда же съѣдобное истощится, недавній хозяинъ самъ провожаетъ гостя и указываетъ ему путь къ ближайшему гостепріимцу. Безъ приглашенія идутъ они къ сосѣду. Различія не дѣлается: пріемъ повсюду одинаково радушенъ. Во всемъ, что касается гостепріимства,

1) Союзникъ Пріама подѣ Троей сынъ Ливійскаго царя Гипполоха. Пер.

не разбираютъ между знакомыми и незнакомыми. Если уходящій что-либо попросить, обычай требуетъ дать ему просящее; одинаково приличнымъ считается немедленно просить, чтобы его отдали. Обмѣнъ подарками радуется даящихъ; однако, даримое не ставится на счетъ, и пріемъ даровъ ни къ чему не обязываетъ. Взаимоотношенія обѣихъ сторонъ остаются вполне дружескими“.

Въ словахъ Тацита сквозитъ присущее ему стремленіе къ идеализации. Гораздо неприкрашеннѣе говорится въ Эддѣ: „Никто не бываетъ столь гостепріименъ и щедръ въ дарахъ, чтобы пренебрегать отдариваніемъ или столь безкорыстенъ, чтобы возненавидѣть взаимный даръ“.

Товарообмѣнъ подарками подтверждается также современными этнографическими данными. О племени Ангами-Нагасъ въ горахъ Ассама (въ Британской Индіи) сообщается, что оно состоитъ изъ множества самостоятельныхъ родовыхъ общинъ, живущихъ въ непримиримой враждѣ. „Всѣ они отчаянные головорѣзы. Однако, торговцы—ангами, живущіе въ извѣстной деревнѣ, непременно знаютъ въ сосѣднихъ деревняхъ, по крайней мѣрѣ, по одному дому, въ которомъ имъ обезпечены ночлеги, пища и личная неприкосновенность“. Подобныя же свѣдѣнія имѣются о южно-океанскихъ островитянахъ: взаимныя привѣтствія сопровождаются подарками въ знакъ гостепріимства. „Подарки состоятъ изъ плодовъ, цыновокъ и тому подобныхъ предметовъ и составляютъ основу взаимоотношеній на почвѣ торговаго товарообмѣна“.

Поэтому я склоненъ думать, что первоначальная ненависть къ чужаку и иностранцу уступила болѣе дружелюбнымъ взглядамъ подъ давленіемъ настоятельныхъ торговыхъ нуждъ страны, притомъ, первично, лишь по отношенію къ пришельцамъ, являвшимся не съ пустыми руками. Въ сущности говоря, это было вполне естественно. Съ какими цѣлями въ былыя времена забирались люди на чужбину? Совсѣмъ не для того, чтобы, какъ мы, полюбоваться красивыми видами или навѣсти въ далекую родню, вообще въ тѣ времена не существовавшую внѣ предѣловъ родоваго клана. „Сноситься“ [водиться] съ кѣмъ-либо было въ старину синонимомъ „вести торговлю“. Такъ, нѣм. „Wandeln“ [бродить, слоняться] и „Wandel“ [общеніе, обдѣльваніе дѣлишекъ, [соотвѣтствующее древне-верхне-нѣмецкому „wandlunga“,] стождествляются обыкновенно съ лат. „negotiarі“ (торгаше-

ствовать, торговать), „vendere“ [продавать], „commercium“ [торговля]. Чрезвычайно часто чужого торгаша при этомъ грабили и убивали. Однако, понемногу возоблададо убѣжденіе, что чужака, приносящаго много полезнаго и новаго, не мѣшаетъ побережь, чтобы онъ вернулся. При этомъ, конечно, нельзя отрицать, что къ чисто меркантильнымъ соображеніямъ присоединились весьма рано соображенія альтруистическія, такъ что насиліе надъ чужеземцемъ стали и правнивать къ оскорбленію боговъ (сравни выше „Ζεὺς ξένιος“ у грековъ и „Seroklis“ латышей).

Что уже въ неолитической Европѣ торговали, доказывается какъ доисторической археологіей, такъ и лингвистикой. Такъ, на знаменитомъ неолитическомъ кладбищѣ близъ Вормса ¹⁾ найдены ожерелья и запястья изъ Средиземныхъ раковинъ. Тюрингенскими предметами вывоза были тогда граненые каменные молотки, плоскія каменные мотыки и колодкообразныя каменные орудія. Съ сѣвера, особенно съ острова Рюгена, ввозились кремневые кинжалы, остроконечные шведскіе молотки и пр. О важныхъ торговыхъ оборотахъ съ разною посудой будетъ говорено ниже.

Терминологія простѣйшаго товаробмѣна можетъ быть также прослѣжена вплоть до древнѣйшихъ историческихъ временъ.

Индоевропейскою глагольной формою для „покупать“ было греческое „ἐπιβάμην“ (epiāmēn), соотвѣтствующее древнеиндійскому „krīnā'mi“; то же для „стоимости“ — лат. „*vēnum“ (отъ „vēnīre“, „vēnumdare“ — продавать), греч. „ἄνος“ (ānos), „ἄνεομαι“ (покупаю) и древнеиндійское „vasnā“. Древнѣйшею единицею цѣнности была корова. А что въ сѣверной Европѣ вплоть до начала римскаго вліянія не знали иной, кромѣ мѣнковой торговли, доказывается нѣмецкимъ „kaufen“ (древневерхне-нѣм. „koufan“), которое наравнѣ съ слав. „купити“ происходитъ отъ лат. „caupo“ — трактирщикъ, торговецъ съѣстными, напитками: „kaufen“ же обозначало въ старину и „покупать“ и „продавать“, какъ оно и быть должно: ибо при мѣнковой торговлѣ эти понятія не различимы (сравни созвучныя греч. ἄνε μαι — покупаю, съ лат. „vēnumdo“ — продаю). Итакъ, въ первоначальномъ смыслѣ слово „kaufen“ обозначало „вести мѣнковой торгъ съ римскимъ caupo“.

1) Въ Вел. Герц. Гессенскомъ. Пер.

Названія для чиселъ и мѣръ, необходимыхъ при торговыхъ оборотахъ, также уже существовали въ праязыкѣ. Что касается счисления, то оно было, въ общемъ, десятичное. Индо-европейскія названія для чиселъ отъ 1 до 10, а также для 100, которыхъ придерживается и новѣйшій изъ открытыхъ языковъ, тохарскій, слѣдующія: „eins“ [одинъ, единъ], гот. „ains“, лат. „unus“, греч. „οἷνῆ“ [oĩnē], [въ смыслѣ одно очко на кости]; (что касается тохарскаго названія, то оно примыкаетъ къ лат. „simplex“—единичный); далѣе, „zwei“ [два], гот. „twai“, лат. „duo“, гр. „δύο“ (dýo), древне-индѣйское „dvāu“ (тохарское „we“ соотвѣтствуетъ лат. „vi“ въ „vi—ginti“ „двѣ—десятки“, т. е. „[отсчитанныя] на рукахъ и на ногахъ“); „drei“ [три], готское „threis“, лат. „trēs“, греч. „τρεῖς“ (treis) и древне-индѣйское „trāyas“ (тохарское „tri“); „vier“ [четыре], готское „fidwōr“, лат. „quattuor“, греч. „τέσσαρες“ (téssares), древне-индѣйское „catvāras“ (тохарское „stwar“); „fünf“ [пять], готское „fimf“, лат. „quinque“, греч. „πέντε“ (pente), древне-индѣйское „pañca“, (тохарское „pañā“); „sechs“ [шесть], готское „saihs“, лат. „sex“, гр. „ἕξ“ (hex) и древне-инд. „shash“ (тохарск. „sak“); „sieben“, (семь), готск. „sibun“ лат. „septem“, греч. „ἑπτὰ“ (heptá) и древне-инд. „saptá“ (тох. „spadh“); „acht“ [восемь], готск. „ahtau“, лат. „octo“, греч. „ὀκτώ“ (octó), древне-инд. „ashtāu“, тохарск. „okadh“; „neun“ [девять], гот. „niun“, лат. „novem“, греч. „ἐννέα“ (ennéa), древне-инд. „náva“, тох. „ñu“; „zehn“ [десять], гот. „taihun“, лат. „decem“, греч. „δέκα“ (déka), древне-инд. „dáśa“, тох. „säk“. Нѣмецкое „hundert“ [сто], гот. „hund“, соотвѣтствуетъ лат. „centum“, греч. „ἑκατόν“ (hecatón), древне-инд. „śatām“, тох. „kandh“. О томъ же см. выше. Существовало ли въ праязыкѣ слово для обозначенія 1000, достовѣрно неизвѣстно; во всякомъ случаѣ греч. „χίλιοι“ (chilioi) соотвѣтствуетъ древне-индѣйскому „śahasra“ [тысяча], а нѣмецкое „tausend“, гот. „thūsundi“ [тысяча] древне-славянскому „тысяшта“. Въ высшей степени замѣчательно, что бокъ-о-бокъ съ совершенно явной десятичной системой существуютъ слѣды шестидесятичной. Таковы употребленіе въ старину германскаго „hund—сто“, въ значеніи „большой сотни“, т. е. 120=2.60; неоднократно встрѣчающееся въ лат. „sexcenti—600“ въ смыслѣ числовой неопредѣленности, равносильной современному „тысячу разъ“; ¹⁾ начало

¹⁾ „Тысячу разъ говорилось, повторялось“, и т. п. Пер.

какъ бы новаго класса или разряда чиселъ, начиная съ 70 по иному принципу, нежели раньше—особенность, присущая многимъ языкамъ. Такъ, напр., въ готскомъ „sahstigjus=60“; но 70=„sibuntéhand“; въ греческомъ 60=„ἑξήκοντα“ (hexékonta), но 70—„ἑβδομήκοντα“ (hebdomékonta); то же въ тохарскомъ: „saksak“=60, и „saptuk“=70. Въ указанныхъ отступленіяхъ первоначально предполагалось вліяніе древне-вавилонской системы счисления съ основаніемъ 60—вавилонскимъ „šuššu“ (нѣм. „Schock—копа“), греческимъ „σῶσσοσ“ (sóssos), несомнѣнно заимствованнымъ изъ Вавилона. Однако, пока еще нѣтъ ясныхъ указаній на то, какимъ образомъ Вавилонъ могъ вліять на словообразование въ индо-европейскомъ праязыкѣ, тѣмъ болѣе, что пришлось бы допустить, въ такомъ случаѣ, распространеніе вавилонской культурной волны и на народности финскаго происхожденія.

Нѣмецкое „messen“ [мѣрить], готск. „mitan“, повторяется въ лат. „modius“¹⁾ и греч. „μέδιμνος“ (médimnos). Для измѣренія протяженій пользовались естественными мѣрами: ногою, пальцемъ, ладонью, локтемъ [нѣм. Elle, гот. aleina], т. е. разстояніемъ отъ концевъ пальцевъ до локтя; соответствующія римская и греческая мѣры были „ulna“ и „ὠλένη“ (olénē) [локоть]. Сверхъ того встрѣчается „пядь“ (нѣм. „Spanne“). „Пяди“ были „малая“ (нѣм. „Fingerspanne“—„длань“) и великая“ (нѣм. „Armspanne“—обхватъ); также „Klafter“, отъ англо-саксонскаго „clurran“—обхватывать, обнимать. Что касается параллелей для вѣса и гирь, то онѣ совершенно отсутствуютъ—обстоятельство, служащее еще однимъ доказательствомъ того, что въ періодъ образованія индо-европейскихъ культурныхъ понятій значеніе металловъ въ торговомъ обмѣнѣ сводилось къ нулю, или, во всякомъ случаѣ, было ничтожно.

Разъ мы признали, что у индо-европейскихъ народовъ уже въ каменномъ вѣкѣ имѣлись довольно значительная торговля и торговыя отношенія съ иноземцами, естественно предположить, что названія предметовъ обмѣна переходили отъ племени къ племени. Одинъ изъ примѣровъ заимствованія восходитъ, повидимому, до праиндо-европейской доисторической давности: таково, одно изъ названій топора,

¹⁾ Римскій „modius“ равенъ приблизительно, 14¹/₂ бут., шесть модіевъ составляли „medimnus“, т. е. 262 литра, около 2 четвериковъ. *Пер*

греч. „πέλεκυς“ (pelekys), древне-инд. „pakaṣṭi“, заимствованное изъ суверо-вавилонской культуры (сувер. „balag“, ассирийск. „pilakku“). А такъ какъ подобное же заимствование можно прослѣдить для одного изъ названій мѣди: лат. „gaudus“, древне-индѣйское „lôhá“, пранское „rôd“,—то само собою напрашивается заключеніе, что индо-европейцы впервые познакомились съ мѣдью посредствомъ торговыхъ сношеній съ суверо-вавилонскими странами, и притомъ въ формѣ топоровъ. И дѣйствительно, праисторическія находки доказываютъ, что мѣдь поступала на рынокъ именно въ указанномъ видѣ. Отъ позднѣйшихъ, но все-таки до-историческихъ временъ, дошло до насъ нѣсколько параллелей культурныхъ словъ, связь между отдѣльными членами которыхъ не можетъ быть объяснена—если строго придерживаться общепринятыхъ законовъ фонетики и словособоразованія—ни праисторической общностью корней, ни позднѣйшими позаимствованиями; тѣмъ не менѣе, съ точки зрѣнія лингвистической археологіи термины эти представляютъ часть нѣкотораго нераздѣльнаго цѣлага. Возможно, что въ образованіи ихъ принимали участіе неизвѣстные намъ звуковыя законы, сопровождавшіеся утратою промежуточныхъ формъ, мѣстно-этимологическими искаженіями и т. п. Въ области названій металловъ достаточно привести нѣмецкое названіе для „серебра“—„Silber“; въ готскомъ имѣетъ „silubr“, въ литовскомъ „sidãbras“, въ старо-славянскомъ „сѣребро“ [сребро]; также лат. „plumbum“ въ значеніи „свинець“ или „олово“ стоящее въ нѣкоторой загадочной связи съ греч. „μόλιβος“ (mólibos). Изъ названій культурныхъ растений принадлежатъ къ категоріи невыясненныхъ отношеній нѣм. „Erbse“ [горохъ], древне-верхне-нѣмецкое „araweiz“, греч. „ἐρέβινθος“ (erébinthos), или нѣм. „Hanf“ [конопля], древне-верхне-нѣмецкое „hanaf“, греч. „χάνναβις“. Изъ названій животныхъ не выяснены слѣдующія повсемѣстно распространенныя въ древне-германскомъ и древне-славянскомъ мѣрѣ названія: для современнаго нѣм. „Kamel“ [Camelus—верблюдъ] находимъ у готовъ „ulbandus“, а у древнихъ славянъ „вельбондъ [вельбудъ]; для „Affe“ [обезьяна], съ соотвѣтствующей древне-верхне-нѣмецкой формой „affo“, встрѣчаемъ созвучныя названія не только во всѣхъ языкахъ германскаго корня, но и въ древне-славянскомъ „опица“.

Приведенныя параллели такъ или иначе ставятъ вступникъ языковѣдовъ, но краснорѣчиво говорятъ о пра-истори-

ческихъ связяхъ народовъ, о торговлѣ и странничествѣ былыхъ временъ.

Такимъ-то образомъ предки индо-европейскихъ народовъ—тогда ли, когда они составляли еще одно нераздѣльное цѣлое, или позже, въ эпоху неполнаго распаденія на отдѣльныя племенные группы,—включили въ сокровищницу своего языка много словъ, занесенныхъ изъ далекихъ и близкихъ земель путемъ товарообмѣна.

Что же дали они сами?

Въ предыдущихъ отдѣлахъ мы узнали, что индо-европейцы владѣли цѣлымъ рядомъ культурныхъ навыковъ. Они умѣли подымать новъ подъ пашню, доить скоть, воздѣлывать поля, готовить пищу, варить пиво, прясть, ткать, и шить (сравни готск. „siujan“, лат. „suo“, древне-инд. „siv“ — термины, относящіяся, преимущественно, къ шитью по кожѣ); умѣли дѣлать лукъ (греч. βίος [bíos], древне-инд. „jyá“) и стрѣлы (греч. ἴος [íos], древне-инд. „ishu“), обтачивать камень на ножи (греч. „ξύρον“ [ksyrón], древне-инд. „kshurá“), кинжалы (лат. „ensis“, древне-инд. „así“), топоры [сѣкиры] (нѣм. „Axt“, готск. „aqizi“, лат. „ascia“, греч. „ἄξινη“, [aksínē]), частью же отливать ихъ изъ мѣди.—Умѣли мять глину для посуды (готск. „diigan“ — лѣпить изъ глины; лат. „figulus“ — горшечникъ; древне-инд. „dih“ — мазать, конопатить), и др. На послѣднемъ изъ названныхъ искусствъ,—горшечномъ,—остановимся подольше. Мы знаемъ, что на значительномъ протяженіи палеолитической Европы, преимущественно въ средней и южной Франціи, жилъ народъ, хотя и находившійся на низкомъ культурномъ уровнѣ охотниковъ и рыболововъ, однако, обладавшій удивительными художественными инстинктами. Выразителями ихъ являются замѣчательныя рѣзныя изваянія изъ слоновой кости, представляющія женскіе торсы съ сильно развитою сѣдалищною частью (стеатопигія), рельефная и контурная рѣзба на оленьемъ рогѣ, кости и камнѣ, съ изображеніями современныхъ палеолитическому дикарю животныхъ: мамонта, дикой лошади, и др.—въ особенности же сохранившіяся въ пещерахъ цвѣтныя и однотонныя картины съ рисунками изъ охотничьяго быта и фигурами отдѣльныхъ животныхъ.

Ничего подобнаго не сохранилось отъ неолитической эпохи, если не считать грубо слѣпленныхъ изъ глины примитивныхъ изображеній женщинъ и скота, находимыхъ въ

юго-восточной части нашего материка. Если не считать присутствующаго неолитическому человѣку умѣнья шлифовать каменные орудія, артистическіе вкусы его проявились только въ отрасли глиняно-горшечнаго производства, совершенно неизвѣстнаго древне-каменному человѣку. Что индо-европейцамъ искусство обжигать посуду было хорошо извѣстно, явствуетъ изъ выше уже приведенныхъ параллелей, каковы древне-сѣверное „hvert“, древне-ирландское „coge“, древне-индійское „cagū“—горшокъ, котель; далѣе лат. „aula, auxilla“, древне-индійское „ukhā“—сотейникъ, сковорода; лат. „testa“—всякая вообще каменная посуда,—древне-иранск. „tašta“—чашка, тазъ, и мн. др. Повятно, что лингвистическія данныя ничего не говорятъ о внѣшнемъ видѣ и орнаментикѣ доисторической посуды. На помощь здѣсь приходятъ данныя пра-исторической археологіи, керамическій отдѣлъ которой поставленъ нынѣ наиболѣе блестяще и составляетъ гордость специалистовъ археологовъ. Благодаря ихъ стараніямъ, удалось установить для неолитической Европы совершенно опредѣленные и географически рѣзко очерченныя области керамическаго производства, издѣліямъ котораго присвоена специальная, характеризующая ихъ терминологія, заимствованная частью отъ названій мѣстностей, гдѣ сдѣланы находки, частью отъ особенностей орнаментики. Такъ, различаются сѣверная, свайная, Рессенская (Рессенъ въ Мерзебургскомъ округѣ), Бернбургская (Бернбургъ въ герцогствѣ Ангальтъ) керамики; или же говорятъ (въ зависимости отъ формы) о круглыхъ амфорахъ и (по характеру рисунка) о ленточной и бороздчатой керамикѣ. Особенно замѣчательна недавно найденная, относящаяся къ неолитической эпохѣ, разновидность раскрашенныхъ гончарныхъ вазъ, встрѣчающихся въ юго-восточной Европѣ, между прочимъ также въ южной Россіи и Бессарабіи. Но доисторическіе археологи не удовольствовались установленіемъ тѣхъ или иныхъ фактовъ; напротивъ они старались найти имъ объясненіе, и — какъ казалось — нашли его въ гипотетическихъ передвиженіяхъ племенъ, носителей опредѣленныхъ типовъ керамическаго производства.

Нашли и пошли далѣе.

Вмѣстѣ съ предметами гончарнаго искусства встрѣчались, конечно, и скелеты. Эти находки привели въ непосредственную связь съ остатками глиняной посуды и, признавъ извѣстные присутствіе имъ признаки за характерныя расовыя

особенности, стали говорить объ антропологическомъ типѣ ленточной керамики, о Рессенскомъ человѣкѣ, о расахъ шаровыхъ (круглыхъ) амфоръ или бороздчатой керамики. Подробнѣе поговоримъ о томъ же въ гл. XI (въ вопросѣ о прародинѣ).

Въ приведенныхъ сопоставленіяхъ наиболѣе поражаетъ лингвистовъ и историковъ пренебреженіе важнѣйшимъ факторомъ, могущимъ объяснить географическое распростра-неніе тѣхъ или иныхъ видовъ гончарнаго производства—торговлею и международными сношеніями. Между тѣмъ лингвистическія данныя, основанныя на многочисленныхъ названіяхъ посуды, перекочевавшихъ изъ одной страны въ другую путемъ заимствованія, показываютъ насколько важную роль играли въ доисторическое время тѣ или иные пред-меты гончарнаго производства, либо какъ вмѣстилища то-варовъ, либо же какъ единицы мѣры при торговыхъ оборо-тахъ. Источникъ заимствованій во многихъ случаяхъ на-столько же неясенъ, насколько его не удастся выяснитъ и въ названіяхъ металловъ, растений и животныхъ; таковы, напр., нѣмецкое „Krug“ или „Kruke“ [кружка], древне-верхне-нѣмецкое „Kruog“, и греческое „κρῶσσός“ (krōssós), отъ „*κρωκίος“ (krokjos) [кувшинъ, урна]; также ново-верхне-нѣмецкое „Nimren“ и древне-иранское „Xumb“. Зато совер-шенно ясенъ и неоспоримъ процессъ заимствованія въ соответ-ствіяхъ греч. „ἀμφορέυς“ (amphoreús), лат. „amphoga“, древне-верхне-нѣмецкое „ambar“, нѣм. „Eimer“ [ведро], старосла-вянское „омборъ“ древне-прусское „wumbaris“; греч. „δίσκος“ (dískos)—блюдо, тарелка, дискъ, лат. „discus“, древне-верхне-нѣмецкое ¹⁾ „tisc“ (нѣм. Tisch — столъ), англосаксонское „disc“—блюдо; лат. „catinus“ [котель], нѣм. „Kessel“, готск. „Katils“, древне-славянское „котль“; лат. „urceus“, готск. „aurkeis“ [кружка]; лат. „calix“, нѣм. „Kelch“, древне-верхне-нѣмецкое „Kelich“ [кубокъ]; древне-верхне-нѣмец-кое „beot, piot“ и древне-славянское „блюдо“ и мн. др. Не-сомнѣнно, что во всѣхъ поименованныхъ случаяхъ заимство-ваніе слова совпадало съ заимствованіемъ предмета; и пока будетъ въ силѣ правило: судить о неизвѣстномъ на осно-ваніи извѣстныхъ аналогій, до тѣхъ поръ мнѣніе большинства ученыхъ будетъ склоняться къ объясненію вышеприведен-

¹⁾ Сюда же относятъ праславянское *дъска* изъ болѣе ранняго *дъска*. *Ред.*

ныхъ керамическихъ совпаденій не переселеніями народныхъ массъ, а заимствованіями на почвѣ торговли и дружескихъ сношеній.

При относительно высокомъ развитіи индо-европейской керамики въ неолитическій вѣкъ представляется страннымъ незнакомство доисторическихъ гончаровъ съ крутильнымъ (гончарнымъ) станкомъ. Примѣненіе послѣдняго становится несомнѣннымъ, лишь начиная со второго слоя Гиссарлыкскихъ ¹⁾ раскопокъ; въ Греціи онъ появляется во Птысячелѣтіи до Р. Х., въ Италиі—въ I-омъ. Что касается сѣверной Европы, то здѣсь онъ остается неизвѣстнымъ не только въ неолитическій и бронзовый вѣкъ, но и въ позднѣйшій, такъ наз. Галльштатскій періодъ. При религіозныхъ обрядахъ, свято придерживающихся традицій былого, употребленіе сосудовъ, изготовленныхъ отъ руки, сохранилось еще дольше. Такъ, находимые въ Римѣ, въ священной рошѣ богини Ди ²⁾ глиняные сосуды, употреблявшіеся жрецами-арвалами для жертвоприношеній, въ большинствѣ носятъ явные признаки ручной лѣпки [безъ помощи станка]; въ древней же Индіи существовалъ совершенно опредѣленный ритуальный уставъ, на основаніи котораго горшки („Ukhâ“), необходимые при обрядѣ переслойной насыпки жертвенника всесожженія, должны были формироваться безъ помощи гончарнаго станка.

Неразрѣшеннымъ остается вопросъ, было-ли гончарное производство у индо-европейскихъ народовъ женскимъ дѣломъ, подобно тому, какъ у многихъ внѣевропейскихъ народовъ. За разрѣшеніе въ утвердительномъ смыслѣ говорятъ замѣченные будто бы на многихъ доисторическихъ гончарныхъ сосудахъ отпечатки женскихъ пальцевъ; а также толкованія одного изъ знатоковъ индійскихъ священныхъ обычаевъ, въ силу которыхъ жертвенные „Ukhâ“ должны были изготовляться женою жертвователя. Что же касается мнѣнія, будто бы изображаемыя на одной разновидности доисторической посуды женскія груди служатъ неопровержимымъ доказательствомъ женской лѣпки, то психологически-правильнѣе было бы именно обратное заключеніе. Другой же толкователь индійскихъ древностей совер-

¹⁾ Доказанное мѣстонахожденіе древней Трои. *Ред.*

²⁾ „Dea—Dia“— римская богиня земледѣлія, жрецы которой назывались „fratres arvales“, т. е. „братья-пахари“. *Пер.*

шенно недвусмысленно утверждаетъ, что женскія груди формируются на сосудахъ именно „гончарь“, но отнюдь не „гончарка“.

Такъ или иначе, на плечахъ индо-европейской женщины лежало тяжелое рабочее бремя. Она должна была ткать, прясть, шить, красить (греч. „ῥέζω“ [rézō], древне-индiйское „гај“). Тацитъ, Германiя, гл. 17, говоритъ уже „женщины одѣваются такъ же, какъ мужчины, однако, носятъ полотняное платье, которое окрашиваютъ въ красный цвѣтъ“. Обязанностью женщины было готовить пищу, печь хлѣбы (сравни англ. „lady“ [лэди] изъ англо-саксонскаго „hlæfdige“ — дословно „мѣсильщица тѣста“), варить пиво (сравни гл. V). Женщины же мололи зерно на тяжелой ручной мельницѣ, праевропейское названiе которой у готовъ „qairnus“, у литовцевъ „girna“, „girnos“, въ древне-славянскомъ „жрънѣвъ“, въ древне-ирландскомъ „bró“.

„Въ тѣ времена“—говоритъ Ферекрать [Pherekrates] у Атеней (VI, 263)—„не было ни рабовъ, ни рабынь, но хозяйки сами исполняли всѣ работы по дому. Рано утромъ онѣ должны были молоть хлѣбъ, такъ что по всей деревнѣ стоялъ лязгъ отъ мельницъ“. Но первѣйшей обязанностью женщинъ было земледѣлiе, какъ свидѣтельствуемъ Тацитъ о древнихъ германцахъ (смотри выше); другiе же источники подтверждаютъ то же по отношенiю всей остальной Европы.

Объяснялось лежавшее на женщинѣ бремя тѣмъ, что первоначально будто бы не только у индо-европейцевъ, но во всѣмъ мiрѣ раздѣленiе труда между мужчиной и женщиной опиралось на различiе между животнымъ и растительнымъ мiромъ. Первымъ вѣдалъ мужчина: ему подлежало все, касавшееся животныхъ, т. е. охота, рыболовство, уходъ за скотомъ; женщина вѣдала вторымъ: по этому на ея долю выпадало собиранiе растительныхъ продуктовъ, полеводство и садоводство. Такъ ли это, и дѣйствительно ли подобный законъ раздѣленiя труда можетъ быть подтвержденъ этнографически-обоснованными фактами, подлежитъ большому сомнѣнiю. Вѣрно лишь одно: что въ первобытныхъ условiяхъ жизни индо-европейскихъ народовъ, въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, главною работницею въ хозяйствѣ была женщина; это вполне согласуется съ тѣмъ приниженымъ положенiемъ, которое она занимала въ семьѣ (ср. ниже, гл. VIII, 2).

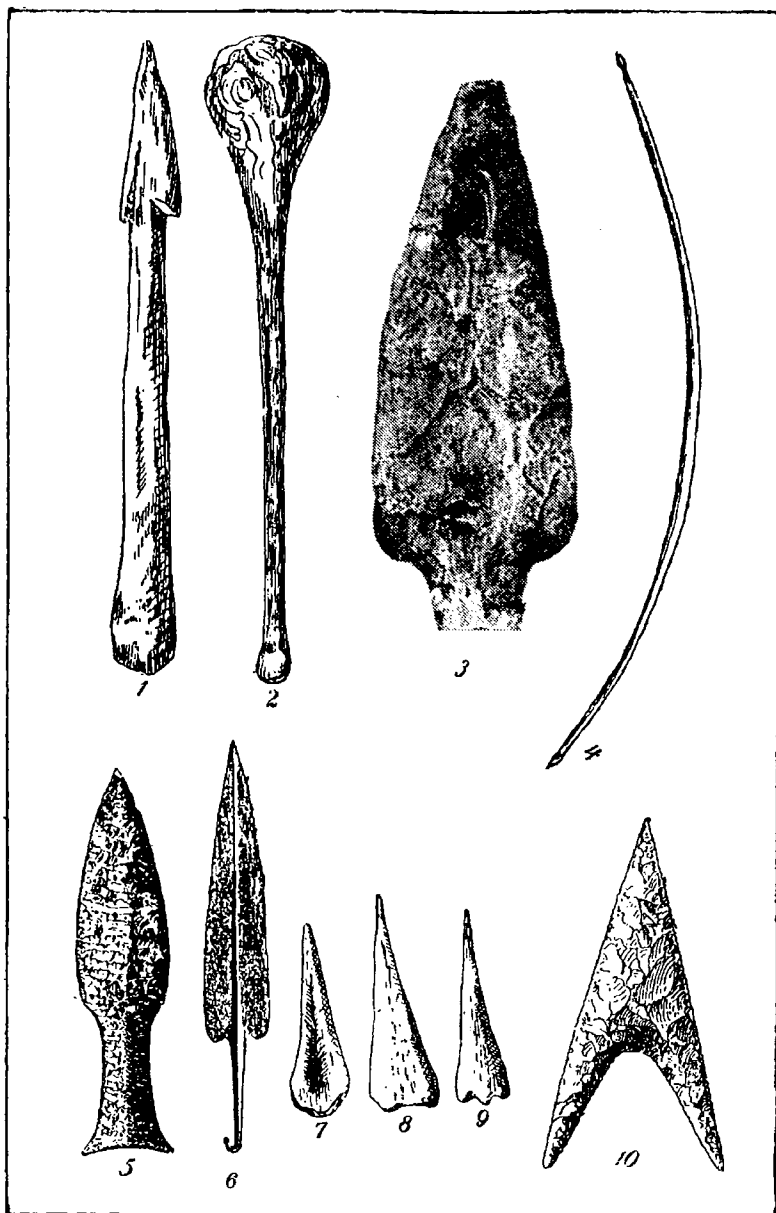
Что при указанныхъ обстоятельствахъ въ праиндо-европейское время не было спеціализаціи по ремесламъ, ясно само собой. Ремесленниковъ не было еще даже въ начальный періодъ знакомства съ римской культурой. Лишь гораздо позднѣе появляются, подъ вліяніемъ Рима, при дворахъ германскихъ народныхъ вождей обученные ремесламъ рабы: золотыхъ дѣлъ мастера, портные, сапожники и др. Но при Тацитѣ все еще было по старому. Такъ (Германія, гл. 25) онъ пишетъ: „остальные рабы не приставлены у нихъ, какъ у насъ, къ опредѣленнымъ работамъ по дому, каждый по своей спеціальности.“ Въ названіяхъ древне-германскихъ ремесленниковъ всюду видно вліяніе Рима (напр., древне-верхне-нѣмецкое „sūtāri“ — отъ лат. „sutor“, нѣм. „Schuster“ [сапожникъ]; англо-саксонское „fullere“ отъ лат. „fullo“ [шерстобитъ, валяльщикъ], нѣм. „Walker“). Имѣется только одно прагерманское названіе ремесла: нѣмецкое „Schmied“ [кузнецъ]; готское „smitha“, древне-скандинавское „smiðhr“, англо-саксонское „smith“, древне-верхне-нѣмецкое „smid“. Но значеніе слова было гораздо шире: подъ „кузнецомъ“ подразумѣвался вообще всякій „искусникъ“, работавшій по дереву, металлу или др. Индо-европейская параллель: греч. „τέκτων“ (téktōn)—въ смыслѣ „каменотесъ, плотникъ, корабельщикъ, вѣсовщикъ, токарь, рѣзчикъ“,—и древне-инд. „tākshān“, плотникъ, отъ „taksh“ „обтесывать, вырѣзать, обрабатывать, формовать, производить“—содержитъ въ себѣ прообразъ многоопытной въ разнообразныхъ искусствахъ личности, соответствующей древне-нѣмецкому „smid“. Поэтому мы смѣло можемъ признать, что въ составѣ нѣкоторыхъ родовыхъ индо-европейскихъ поселенческихъ общинъ уже въ праисторическое время встрѣчались отдѣльныя личности, обладавшія бѣльшимъ, нежели остальные сочлены, умѣньемъ, отшлифовать ли каменный ножъ или сколотить хижину, или отлить бронзовый топоръ.

VII. Годичный кругъ. (Исчисленіе времени).

Времяисчисленіе праиндо-европейскаго народа опиралось на три основныя единицы: зиму, мѣсяцъ и ночь.

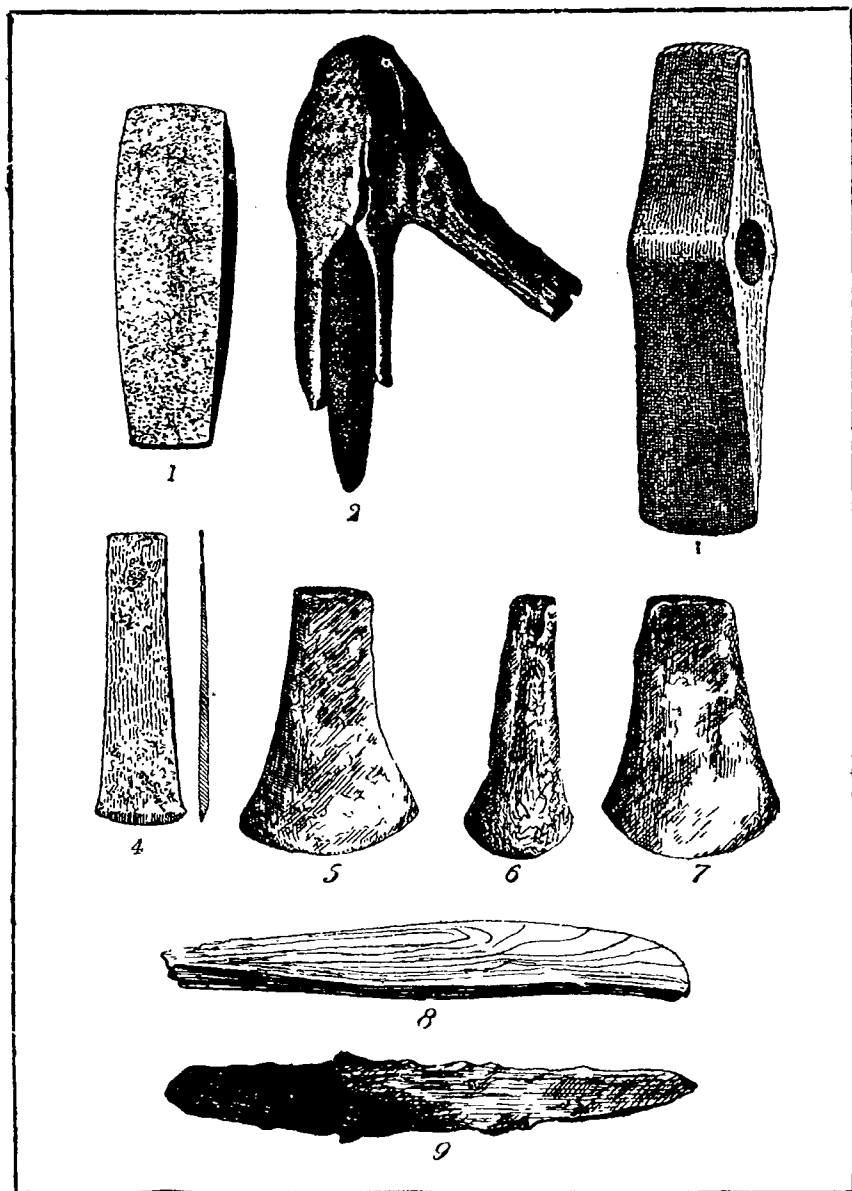
Древнѣйшее названіе для зимы даетъ параллель: лат. „hiems“, греч. „χειμών“ (cheimōn) и древне-индійское „hēmantā, hīmā“. Что зима была сѣверная, явствуетъ изъ общности названій для снѣга и снѣгопада: нѣм. „Schnee“,

Таблица II. — Оружіе.

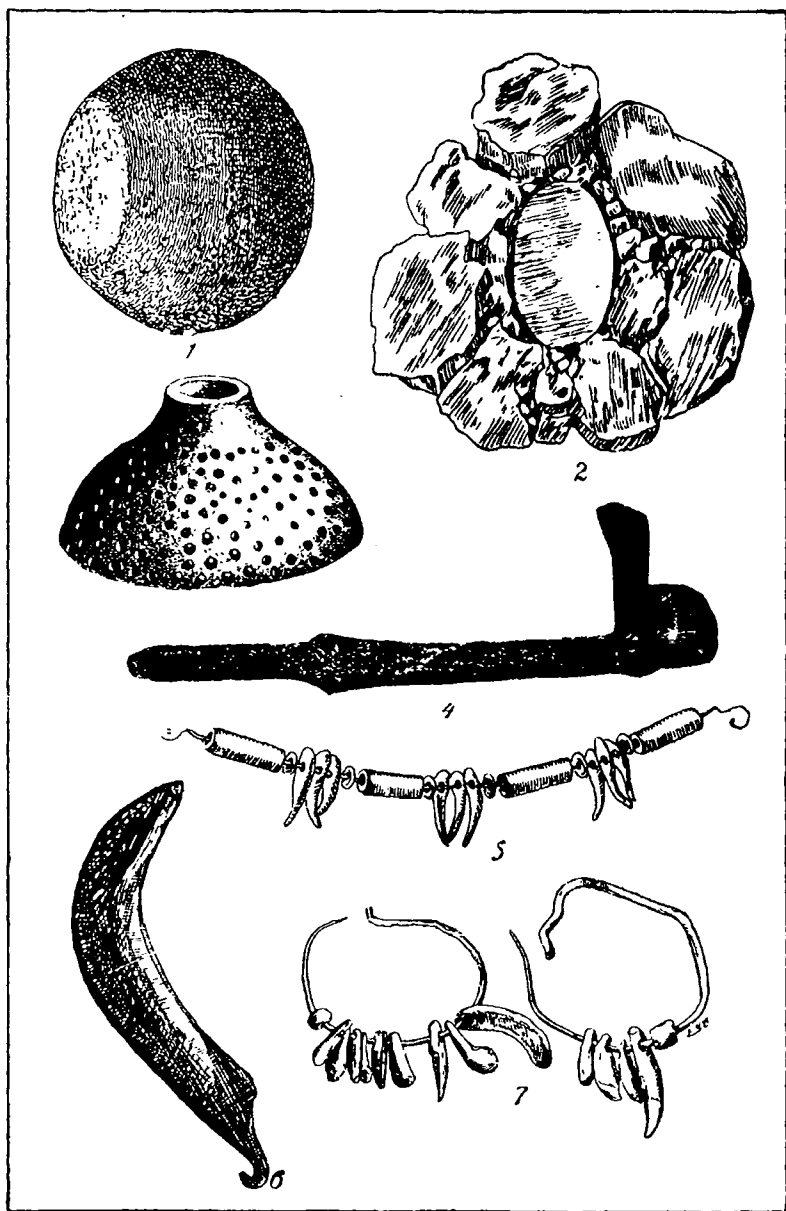
- 1) Наконечник копья из оленьего рога. 2) Палица из тиссового дерева. 3) Кремневый наконечник копья. 4) Лук из тисса. 5) Кремневый кинжалъ. 6) Ивдный внажалъ. 7—9) Наконечники стрѣлы изъ кости и рога. 10) Кремневый наконечникъ стрѣлы.

Таблица III. — Оружіе и орудія.

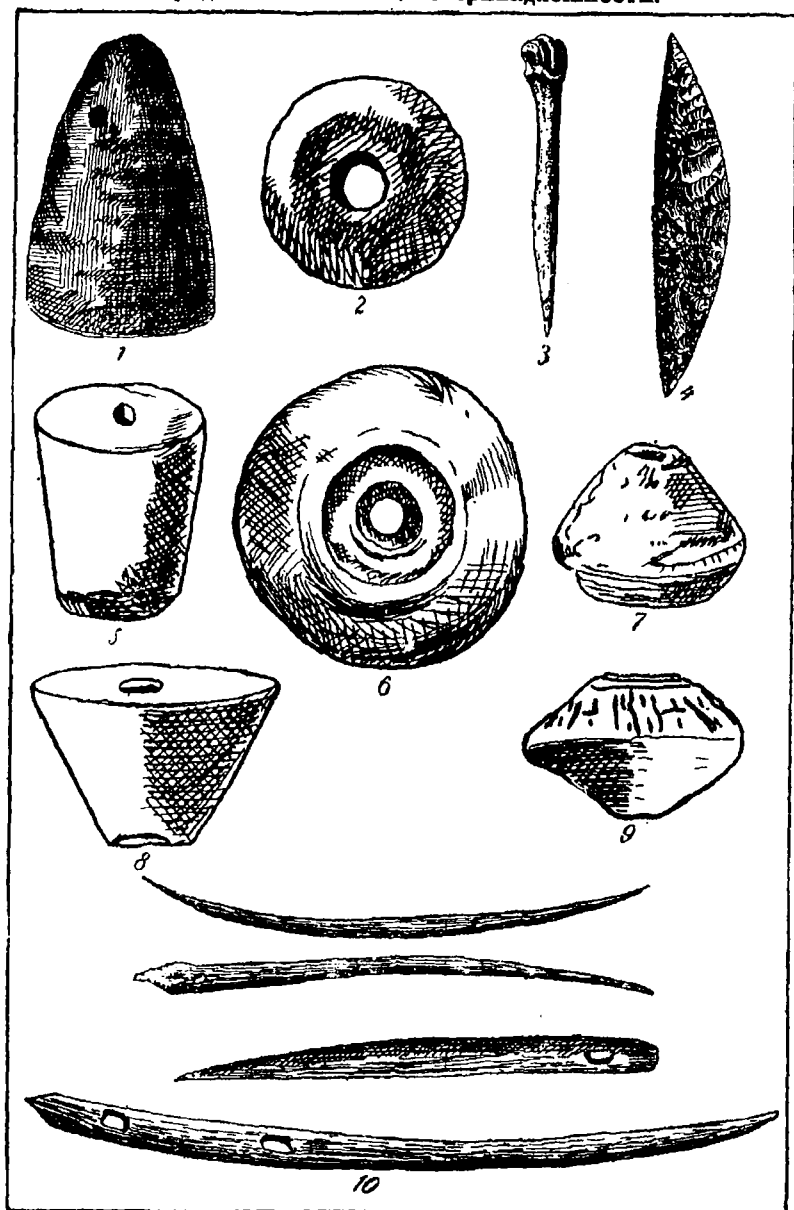
1) Полированный топоръ изъ обсидіана. 2) Каменный топоръ со сломанною рукояткой. 3) Каменный боевой топоръ. 4) Мѣдный топоръ. 5—7) Мѣдные топоры неолитическаго вѣка, со средняго теченія Днѣпра. 8) Ножъ изъ тиссоваго дерева. 9) Кремневый ножъ.

Таблица IV. — Домашняя утварь и украшения.

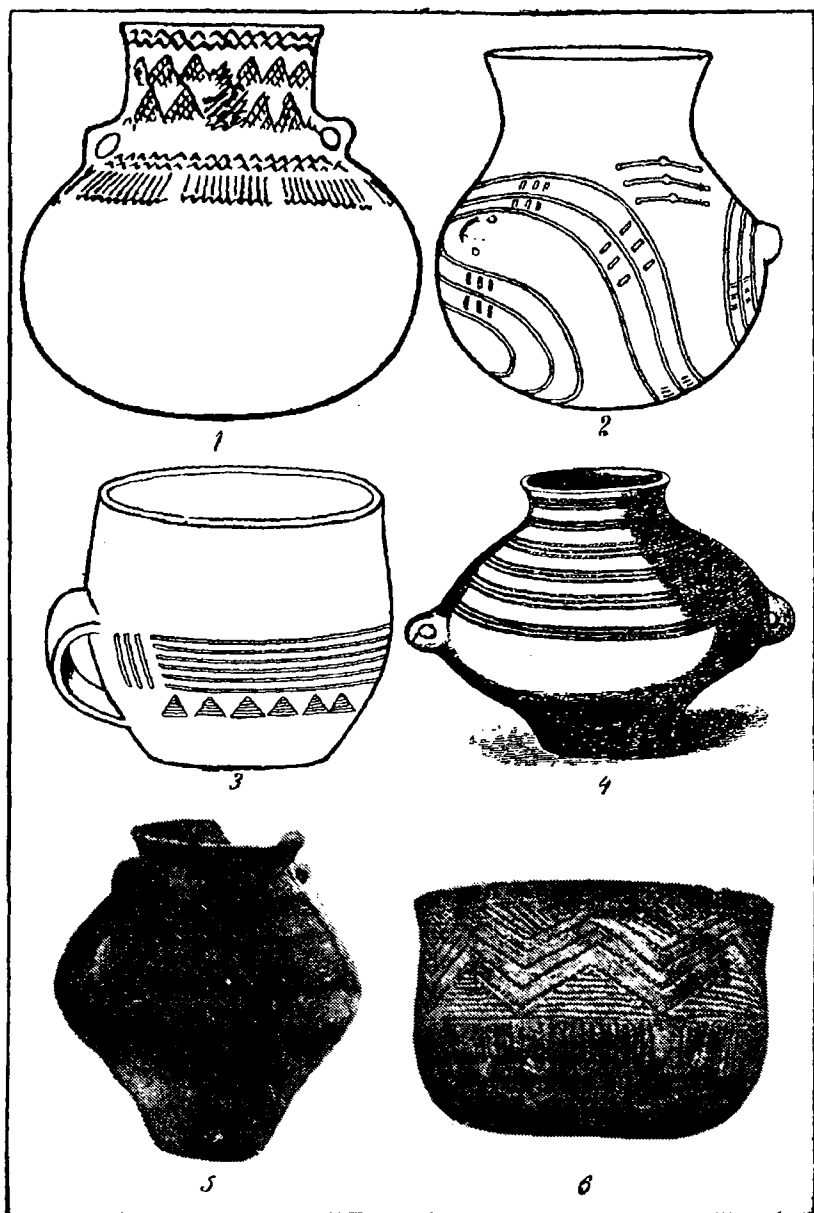
- 1) Ручной зернодробитель. 2) Нижний жерновъ ручной мельницы, укрѣпленный въ камень. 3) Глиняное сито. 4) Кремневый серпъ съ деревянной рукоятю. 5) Ожерелье изъ зубовъ, мраморныхъ шариковъ и трубчатыхъ бусъ. 6) Серпъ изъ красной мѣди. 7) Нанизанные на мѣдной проволоцѣ собачьи зубы.

Таблица V. — Различные орудія для домашняго обихода, прядильныя и ткацкія принадлежности.

- 1) Ткацкія подвѣскокъ изъ обожженной глины. 2) Катужка для намотки пряжи. 3) Костяное шило. 4) Длинная игла неолитическаго вѣка. 5—9) Наборъ катушекъ для намотки пряжи. 10) Костяныя иглы.

Таблица VI. Посуда.

- 1) Шаровидная амфора. 2) Ленточная керамика (спирально-меандровый орнаментъ).
 3) Бердбургскій типъ. 4) Глиняный сосудъ съ настоящимъ шнуровымъ орнаментомъ изъ каменнаго гроба. 5) Раскрашенный сосудъ. 6) Ресенскій типъ.

Мѣстонахожденія предметовъ и источники позаимствованія рисунковъ.

Таблица II. Рис. 1—Франконская Швейцарія (Ранке, Человѣкъ). Рис. 2—Робенхаузенъ (F. Keller, Pfahlbautenberichte VI). Рис. 3—Волынская губернія (изъ собранія Романченки, Петербургъ). Рис. 4—Робенхаузенъ (F. Keller, Pfahlbautenberichte V). Рис. 5—Данія (S. Müller, Urgeschichte Europas). Рис. 6—Венгрія (O. Montelius, въ «Archiv für Anthropologie» 1899—1900, по рис. Пульскаго). Рис. 7, 8 и 9—Франконская Швейцарія (Ранке, Человѣкъ). Рис. 10 — Данія. (S. Müller, Nordische Altertumskunde).

Таблица III. Рис. 1—I. Mestorf, Vorgesch. Altertumes aus Schleswig-Holstein. Рис. 2 — Штедтенъ въ пров. Саксонія (H. Grössler—Jahresschrift für die Vorgeschichte Sachsens. 1902). Рис. 3—Ютландія (S. Müller, «Nordische Altertumskunde I»). Рис. 4 — Познань (O. Montelius, «Archiv für Anthropologie» 1889—1900). Рис. 5, 6 и 7—Труды XI арх. съѣзда въ Киевѣ I). Рис. 8 — Робенхаузенъ (F. Keller, Pfahlbautenberichte VI). Рис. 9—Кіевская губернія (Собраніе Ханенко I).

Таблица IV. Рис. 1—(S. Müller, Nordische Altertumskunde I). Рис. 2—Глейхоерги у Рёмхильда (Vorgeschichtl. Altertümer der Provinz Sachsen. Heft VII и VIII). Рис. 3—(Die neolitische Station von Butmir II von Fiala und Hoernes). Рис. 4—Данія (S. Müller, Urgeschichte Europas). Рис. 5—(Fundtafel Sachsen). Рис. 6—Кіевская губернія (Собраніе Ханенко I). Рис. 7—Сѣверо-западная Богемія (Zeitschrift für Ethnologie, 1895).

Таблица V. Рис. 1—(Fundtafel der Provinz Sachsen). Рис. 2—(J. Schramm, Wörterbuch der Vorgeschichte). Рис. 3—Данія (Müller, Nordische Altertumskunde I). Рис. 4 — (Müller, Nordische Altertumskunde I). Рис. 5, 8 и 9—(Schramm, Wörterbuch der Vorgeschichte). Рис. 10 — Франконская Швейцарія (Ранке, Человѣкъ).

Таблица VI. Рис. 1—Гроссъ-Крейцъ, окр. Цаухъ-Бельцигъ (Zeitschr. f. Ethnologie. 1900). Рис. 2—Фломборнъ, могильники (Festschrift des Wormser Altertumsvereins). Рис. 3 — Кальбе въ пров. Саксоніи. Рис. 4—Провинція Саксонія (Kloppfleisch, Vorgeschichtl. Altertümer von Provinz Sachsen). Рис. 5—(Фонъ-Штернъ, До-микенская культура въ южной Рo.сіи. Труды XIII археол. съѣзда въ Екатеринославлѣ, I). Рис. 6 — Чауендорфъ у Апольда (Германскій музей, Іена).

готск. „*snaiws*“, лат. „*nix*“, „*pinguere*“, греч. „*νίψαι*“ (*niphai*) [идеть снѣгъ, снѣжить], древне-иранское „*snæg*“, слав. *снѣгъ*; то-же для льда: нѣм. „*Eis*“, древне-верхне-нѣмецкое „*is*“, древне-иранское „*isu*“ [морозный, ледяной].

Весьма часто слово „зима“ употреблялось для обозначенія „года“. Ульфила, напр., переводитъ Библейское сказаніе о женѣ кровоточивой въ продолженіе 12 лѣтъ, такимъ образомъ: „*qinō blōthrinnañdei twalib vintruns*“, т. е. „которая кровоточила двѣнадцать зимъ“. Древніе индусы также вели счетъ „зимами“, и лишь въ послѣдствіи, по мѣрѣ движенія дальше къ югу, стали считать по „осенямъ“, а затѣмъ уже по „лѣтнимъ дождямъ“ (*varshāni*).

Латинскіе „*bimus*“ и „*trimus*“—двухъ и трехгодовалый—составлены изъ „*bis*“, „*ter*“ и „*hiems*“; то же въ греческомъ „*χιμαρος*“ (*chimaros*), „козликъ“, происходитъ отъ „*χιμαρών*“ и дословно значить „годовалый“. Германская „*Lex Sālica*“ сохранила, какъ пережитокъ индо-европейскаго „*gimus hiems*“ [зима], въ смыслѣ „годъ“, выраженіе „*en-gimus*“—ежегодно. Сравни также древне-сѣверныя „*gumagr*—баранъ“ и „*gamall*—старый“, употреблявшіяся въ смыслѣ „имѣющій отъ роду болѣе года“.

Общему индо-европейскому названію для зимы противоплагаются два или три выраженія, соотвѣтствующія теплымъ временамъ года. Таковы, на первомъ планѣ, нѣмецкое „*Sommer*“ [лѣто], древне-верхне-нѣмецкое „*sumar*“, ирландское „*sam, samrad*“, армянское „*amaḡn*“ и древне-иранское „*ham*“ (древне-индійское „*sāmā*“—полугодіе, годъ, и армянское „*am*“—годъ). Далѣе, надо отмѣтить нѣм. „*Jahr*“ [годъ], готск. „*jēr*“, древне-славянское „яръ—весна“, греч. „*ἄρα*“ (*hōra*)—„благопріятное время года“ и „*ὀπώρα*“ (*opōrē*)—„позднее лѣто“; также древне-иранское „*uār*“ [годъ]. Основной смыслъ послѣдняго ряда выраженій сводится, вѣроятно, къ обозначенію теплаго благопріятнаго людямъ времени года, въ теченіе котораго сѣютъ и собираютъ въ житницы. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ сопоставленія славянскихъ названій (у сербовъ „яръ, яри“—лѣто, „ярица“—яровая пшеница; въ Россіи „яровое“), съ древне-сѣвернымъ „*ār*“ въ значеніи „урожай“. И „лѣто“ и „годъ“ („*Sommer*“ „*Jahr*“), постоянно употреблялись одно вмѣсто другого („срав. между прочимъ, лат. „*hōgnus*“ [нынѣшній], въ основѣ котораго лежитъ тотъ же „яръ“).

Но никогда не употребляются въ значеніи года слова, обозначающія только „весну“: древне-сѣв. „vág“, лат. „vêr“, греч. „ἔαρ“ (éar), созвучныя съ „*vesar“ и древне-индійскими „vasantá, vasar“ [весна]. Слова эти всѣ имѣютъ коренное сродство съ древне-индійскимъ „vas“—„возсіять, возблистать“ и первоначально едва ли обозначали длительное время года: скорѣе, начало, наступленіе лучшей погоды, приходъ весны, возвращеніе длинныхъ дней. Такъ нѣм. „Lenz“ [весна], древне-верхне-нѣмецкое „lengizin“ (сопоставьте нѣм. „lang“—длинный), обозначаетъ, вѣроятно, не болѣе какъ „длинные дни“. Обозначеніе осени также отсутствуетъ въ праязыкѣ. Поэтому лучше всего согласуется съ данными лингвистической археологіи объ индо-европейскомъ раздѣленіи года то, что говоритъ Тацитъ (Germania 26) о древнихъ германцахъ: „они не подраздѣляютъ года на столько частей, какъ мы: имъ извѣстны зима, весна, лѣто; но осени съ ея дарами они не знаютъ даже по имени“.

Бэда - Проповѣдникъ¹⁾ говоритъ даже о подраздѣленіи года на полугодія (семестры; англо-сакс. „missere“); смотрите его „О счисленіи времени, гл. 15“; „Они дѣлятъ годъ на двѣ части, на зиму и на лѣто“. Подтвержденіе можно найти въ древне-германскихъ рѣченіяхъ, сохранившихся въ Хеліандѣ²⁾: „the habda sô filu vintro, endi sumaro gilibd [онъ прожилъ столько зимъ и лѣтъ].

И въ пѣснѣ о Гильдебрандѣ³⁾: „ic wallôta sumaro enti vintro sehstic“ [я пережилъ шестьдесятъ лѣтъ и зимъ].

Весьма замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ индо-европейскихъ языкахъ встрѣчаемъ только по одной парѣ ритмически противопоставленныхъ названій для временъ года: нѣм. „wintar: sumar“; ирландское „gam: sam“; армянск. „jmejn: amarn“; древне-иранск. „zuam: ham“. Потому наиболѣе вѣроятнымъ представляется существованіе у первобытныхъ индо-европейцевъ только двухъ временъ года, съ названіями, созвучными съ одной стороны латинскому „hiems“, а съ дру-

¹⁾ Просвѣтитель и апостолъ Англіи. Извѣстенъ своей миссіонерскою дѣятельностью. *Пер.*

²⁾ Хеліандъ—Спаситель. Древне-саксонскій литературный памятникъ IX вѣка по Р. Х, неизвѣстнаго автора. *Пер.*

³⁾ Отрывокъ безъ начала и конца, найденный на заглавномъ листѣ одной старинной книги. Фабула: поединокъ отца съ сыномъ, не повѣрившимъ, что таинственный пришлецъ приходится ему отцомъ. *Пер.*

гой—нѣмецкому „sommer“. Въ составъ послѣдняго входила, какъ часть, созвучная параллель для „Jahr“, въ значеніи времени урожая и жатвы. Переходомъ отъ зимы къ лѣту было короткое весеннее время (параллель къ лат. „vēr“).

Для совокупности зимы и лѣта, или зимы, весны и лѣта, существовалъ въ праязыкѣ особый терминъ: греч. „Fétos“ (vétos), алб. „viét“, древне-инд. „vatsarā“ [годъ], сравни также греч. „πέρυσι“ (pérysi) и древне-инд. „ragút“—[въ истекшемъ году]—гдѣ „ut“ образовалось изъ „vet“. Къ этой же категоріи принадлежатъ также лат. „vetus“ [старый], дословно „обремененный годами“, и нѣм. „Widder“ (древне-верхне-нѣмецкое „widaŕ“) [баранъ, овенъ] въ смыслѣ „годовалый самецъ“. Ниже увидимъ, какія ближайшія понятія связывались первоначально съ индо-европейскимъ годомъ.

Краеугольнымъ камнемъ древнѣйшаго индо-европейскаго лѣтосчисления былъ мѣсяцъ. Нѣм. „Monat“, готск. „mēnōths“ [мѣсяцъ], и нѣмецкое же „Mond“, готск. „mēna“ [луна], соотвѣтствуютъ латинскому „mensis“ [мѣсяцъ] и греческимъ „μήν“ (mēn) [мѣсяцъ] и „μήνη“ (mēnē) [луна]. Въ древне-индійскомъ для луны и для мѣсяца имѣлось общее названіе „mās“. Основное значеніе приведенной категоріи родственныхъ словъ есть „мѣра“, „измѣритель“ (сравни древне-инд. „māmi“—мѣрю). Такимъ образомъ, уже въ періодъ образования основнаго индо-европейскаго праязыка, значеніе мѣсяца (луны) для измѣренія времени опредѣлилось уже съ достаточной ясностью.

Продолжительность естественнаго (синодическаго) мѣсяца равна приблизительно $29\frac{1}{2}$ суткамъ. Если же принять во вниманіе время видимости луны на небесномъ сводѣ, или же, такъ называемый, „свѣтовой мѣсяцъ“, то длительность его будетъ около $27\frac{1}{3}$ дней. На что бы ни множить приведенныя числа, никогда не получится длительность года, т. е. $365\frac{1}{4}$ дней. Поэтому человечество, въ своемъ стремленіи согласовать мѣсяцъ съ годомъ, испоконъ вѣковъ прибѣгало къ искусственному округленію чиселъ, такъ или иначе связанныхъ съ лунными фазами.

Возникаетъ вопросъ: возможно ли допустить уже въ праиндо-европейское время наличность попытокъ согласовать солнечный годъ съ луннымъ?

Едва-ли. Ибо, разъ то или иное округленіе естественныхъ лунныхъ мѣсяцевъ становится совершившимся фактомъ, и солнечный годъ приравнивается къ опредѣленному ихъ

числу, то эти новые, искусственные мѣсяцы неизбѣжно получаютъ индивидуальный, правильно повторяющійся изъ года въ годъ характеръ, становятся такими же возрождающимися элементами года, какъ зима, весна и лѣто, а, слѣдовательно, неукоснительно требуютъ отдѣльныхъ названій. Между тѣмъ ни въ одной области древнѣйшихъ культурныхъ пережитковъ индо-европейскаго прошлаго, не только въ отдѣльныхъ языкахъ, но даже въ нарѣчійхъ, входящихъ въ составъ однихъ и тѣхъ же самостоятельныхъ языковъ, не встрѣчается такого разногласія, такого отсутствія слѣда руководящей мысли, какъ въ названіяхъ мѣсяцевъ.

Поэтому приходится видѣть въ нихъ сравнительно очень недавнія культурныя приобрѣтенія, вслѣдствіе чего нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ праиндо-европейское время мѣсяцы имѣли перемѣнный, непостоянный характеръ. Гораздо древнѣе названій для мѣсяцевъ—терминологія годичнаго круга, заимствованная изъ обиходной жизни и преобладающихъ, по времени года, занятій большинства населенія въ индо-европейскихъ земляхъ; въ этой терминологіи слѣдуетъ искать какъ бы прообразы двѣнадцати мѣсяцевъ.

Такъ въ Авестѣ¹⁾ упоминается „ауадріма“—время возвращенія скота съ горныхъ пастбищъ; у грековъ „ἀρότος“ (arotos)—время пахоты; „σπορητός“ (sporētós)—время сѣва; „φυτᾶλιά“ (phytaliá)—время посадки деревьевъ; въ древне-нѣмецкомъ „in dem snite“ [въ жатву], „im brâchet“ [въ пару], „im hoïwet“ [въ сѣнокосъ], впоследствии обратившіяся въ „schnitmonat“, „brâch и hoïmonat“ [мѣсяць жатвы, парвого поля и сѣнокоса]. Такое же происхожденіе имѣетъ, вѣроятно, и упоминаемый Бэдой, въ числѣ англійскихъ мѣсяцевъ „Giuli“, соответствующій теперешнимъ ноябрю и декабрю; возможно, что „Giuli“ значило „темное время“ (сравни готское „jiuleis“—іюль, но „fruma jiuleis“—ноябрь; древне-сѣверное „jól“—„Julfest“, „ÿlir“—названіе одного изъ мѣсяцевъ и англо-саксонское „géol, geohhol“—рождественскія святки; и, параллельно, сопоставленіе „geohhol“ съ греческимъ „ζέφος, ζόφος“ [zerphos, zophos] въ значеніе „западъ, закатъ, наступленіе тьмы“. Тамъ же, у Бэды, въ его трактатѣ о мѣсяцахъ англовъ, встрѣчаемъ „Lida“ для обозначенія современныхъ іюня и іюля (сравни слав. „лѣто“).

¹⁾ Священныя книги персовъ, болѣе извѣстныя подъ названіемъ Зендъ-Авеста. Пер.

Такова только и могла быть терминологія для годичнаго круга въ индо-европейскомъ праязыкѣ, т. е. соотвѣтствовавшая плодობмѣну. Соотвѣтствіе готскаго „asans“ [лѣто], др-врх.--нѣм. „aran“—„Ernte“ [жатва] и др-слав. „есень“ [осень] цѣликомъ входятъ въ ту же категорію терминовъ.

Правда, въ пользу существованія въ праиндо-европейское время годичнаго круга, состоявшаго изъ опредѣленнаго, неизмѣннаго числа мѣсяцевъ, приводятся 12 священныхъ ночей (съ 25 декабря по 6 января), окруженныхъ ореоломъ таинственныхъ легендъ и сказаній; дни эти [ночи] прекрасно дополняли якобы 354-дневный лунный годъ ($29\frac{1}{2} \times 12$) до 366—дневнаго солнечнаго. Древность упомянутыхъ двѣнадцати ночей можно прослѣдить вплоть до эпохи индійскихъ Ведъ, значеніе же свое въ качествѣ дополнительныхъ дней въ праиндо-европейскомъ календарномъ годѣ онѣ получили будто бы подъ вліяніемъ вавилонской культуры. При этомъ, однако, забыли, что вавилонскій годъ имѣлъ не 366, а только 360 дней: его 12 мѣсяцевъ, по 30 дней въ каждомъ, приводились въ согласіе съ солнечнымъ годомъ помощью особыхъ вставочныхъ дней. Съ другой же стороны новѣйшія изслѣдованія сдѣлали весьма вѣроятнымъ, что 12 священныхъ ночей представляютъ культурное заимствованіе, относящееся ко временамъ христіанства; что онѣ не что иное, какъ своеобразное приспособленіе къ языческимъ нравамъ христіанскаго додекахемерона ¹⁾, т. е. празднуемаго Церковью времени между Рождествомъ и Крещеніемъ, между прежнею и новою годовщиною празднованія тайны вочеловѣченія Иисуса Христа.

Поэтому наиболѣе вѣроятно, что въ праиндо-европейское время лунный календарь—синодическій или сидерическій существовалъ совершенно независимо отъ солнечнаго; а соотвѣтствовавшая послѣднему единица времени, праиндо-европейскій годъ, или „vetos“, была естественнымъ, климатическимъ или термическимъ годомъ. Что у древнѣйшихъ индо-европейскихъ народовъ счетъ на лунные мѣсяцы дожилъ до историческаго времени, явствуетъ изъ сроковъ беременности, повсемѣстно принимавшихся не въ 9, а 10 мѣсяцевъ: у индусовъ, иранцевъ, грековъ и римлянъ, доношеннымъ считался только 10 мѣсячный плодъ. Замѣчательно что 10-мѣсячный годъ беременности [плодоношенія]

1) Двѣнадцатидневію. Пер.

примѣнялся, повидимому, также и въ качествѣ календарнаго года. Такъ у Овидія (*Fasti* ¹⁾ I, 27), читаемъ о Ромулѣ: „время, необходимое для созрѣванія плода въ лонѣ матери, онъ счелъ достаточнымъ для законной длительности года. И столько же мѣсяцевъ со дня смерти мужа должна жена носить печальный нарядъ въ стѣнахъ овдовѣвшаго дома“. (Сравни также, какъ пережитокъ, § 1313 нѣмецкихъ гражданскихъ законовъ: „Женщина можетъ вступить въ новый бракъ не ранѣе 10 мѣсяцевъ со дня расторженія или объявленія недѣйствительнымъ прежняго брака, если только не родила до истеченія срока“). Дѣленіе мѣсяца на двѣ части приурочивалось къ луннымъ фазамъ. Фактически оно доказано для индусовъ („свѣтлая“ и „темная“ половина мѣсяца), для иранцевъ и для грековъ; у послѣднихъ, впрочемъ, естественное дѣленіе было вытѣснено впоследствии расчлененіемъ мѣсяца на три декады. Въ древне-галльскомъ календарѣ Колиныи ²⁾ каждый мѣсяць явственно подраздѣленъ на двѣ рѣзко отличающіяся одна отъ другой части, при чемъ надъ второю имѣется надпись „atenoux“, т. е. „великая ночь или ночь полнолунія“. Подобнымъ же образомъ отсчетъ мѣсяцевъ долженъ бы въ римскомъ календарѣ начинаться отъ „Idus“—ночей полнолунія (сравни ирландское „ésce“—луна и древне-индійское „indu“—въ томъ же, значеніи), которымъ противопоставались, первоначально, только „calendae“—название, производимое съ одной стороны отъ „calage“—звать, выкликать („выкликать молодую луну“), съ другой же стороны отъ „osculere“—скрывать, утаивать („скрывающій ликъ свой мѣсяць“). И то и другое словопроизводство сомнительны.

Какъ новолуніе, такъ и полнолуніе считаются особенно благоприятными для всякаго начинанія. Спартанцы не пришли на помощь аеинянамъ въ битвѣ при Марафонѣ, потому что могли выйти въ поле только при полной лунѣ (Геродотъ VI, 106); а германскія прорицательницы сулили германцамъ побѣду лишь въ такомъ случаѣ, если они сразятся съ врагомъ до новолунія (Цезарь, *De bello Gallico* I, 50). „Безъ крайней надобности или неожиданной случайности—говорить

¹⁾ „Fasti“ Овидія представляютъ стихотворный праздничный календарь, съ перечисленіемъ праздниковъ, игръ, жертвоприношеній, и съ присовокупленіемъ замѣтокъ объ историческихъ событіяхъ. *Пер.*

²⁾ Мѣстечко въ Бургундіи, въ департаментъ Энъ (Ain). *Пер.*

Тацитъ, (Германія II)—они собираются только въ опредѣленные дни, въ новолунія или полнолунія; ибо считаютъ ихъ наиболѣе благоприятными для всякаго рода совѣщаній и дѣлъ“. Поэтому и всякія празднованія пріурочиваются къ полнолуніямъ.

Возможно, что съ лунными фазами связаны также многообразные 9-ти и 7-ми дневные сроки и комбинаціи ($3 \times 9 = 27$ и $4 \times 7 = 28$), наблюдаемые у индо-европейскихъ народовъ. Сюда относятся римскія „nōnae“ (девятый день передъ „idus“), хотя неясно, какимъ образомъ онѣ могли войти въ календарь параллельно съ идами и календами. Далѣе римскія же „nundinae“ (базарные дни черезъ каждыя девять сутокъ), ирландская „nōnad“—девятый день; также „седмица“ и многіе др. Особенно часто повторяется 9 въ культѣ поминовенія усопшихъ (гл. XI).

Семилѣтніе и семидневные сроки соблюдались и почитались въ Европѣ задолго до побѣдоноснаго пришествія въ міръ семидневной римской недѣли позднѣйшаго времени. Начатки „семидневія“ встрѣчаются уже у Гомера; въ Афинахъ же существовало законоположеніе, воспрещавшее выступать въ походъ ранѣе седьмого дня мѣсяца. У германцевъ въ доисторическое время уже встрѣчалось обозначеніе срока, схожаго съ семидневной недѣлей (Woche); обозначалъ онъ, вѣроятно, приблизительно то же, что „Woche“, и послужилъ ей прообразомъ во всемъ, начиная съ названія.

Основное значеніе „Woche“ (готское *wikō*“, древне-сѣверн. „vika“, англо-саксонск. „wucu“, „wicu“, англ. „week“), по существу, тождественно съ англо-саксонскимъ „wice“ и обозначаетъ, наравнѣ съ вышеприведеннымъ готскимъ названіемъ, нѣчто въ родѣ „служебной смѣны“, причемъ подъ „смѣной“ естественнѣе всего понимать „смѣну фазъ луны“ (новолуніе, молодой мѣсяцъ, полнолуніе, послѣдняя четверть). Возможно, что германскія племена, осѣвши по берегамъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей, обратившись мало по малу въ завзятыхъ и опытныхъ мореплавателей [поморовъ], впервые замѣтили вліяніе лунныхъ фазъ на приливы. Ибо, какъ общеизвѣстно, съ сизигіями (т. е. ново- и полнолуніями) совпадаютъ наивысшіе, а съ квадратурами (первой и послѣднею четвертью)—наинизшіе уровни приливной волны.

При столь преобладающемъ значеніи лунныхъ фазъ для древнѣйшаго подраздѣленія времени совершенно естественно, что въ основѣ индо-европейскаго времясчисленія лежала ночь, и что начало сутокъ считалось съ вечера (соотвѣтствующая параллель для „ночи“: нѣм. „Nacht“, готск. „nahts“, лат. „nox“, греч. „νύξ“ [núx], древне-инд. „nákti“; для „вечера“: лат. „vesper“, греч. „ἑσπέρα“ [hespéra]). Изъ большого числа литературныхъ и лингвистическихъ данныхъ достаточно привести свидѣтельство Тацита о германцахъ и Цезаря о кельтахъ. Первый (Тацитъ, Германія II) говоритъ: „Они не считаютъ время днями, какъ мы, но ночами; числомъ ночей обуславливаются договоры и даются обязательства; ночь повсюду какъ бы имѣетъ первенство передъ днемъ“. А второй (Цезарь, de bello Gallico VI, 18): „Всѣ сроки считаются ими не по днямъ, а по ночамъ; дни рожденія, начало мѣсяцевъ и годовъ приурочены такъ, какъ если бы день не предшествовалъ ночи, а за ней слѣдовалъ [какъ если бы сутки начинались съ вечера]“. Слѣдовательно, пережитками прошлаго объясняются такіе старинные юридическіе термины, какъ „sieben nehte“ (семь ночей) и „ze vierzehn nechten“ (четырнадцать ночей) [въ смыслѣ „одна“ или двѣ недѣли“]; также нѣмецкое „Weihnachten“ (ze wihen nahten), въ значеніи „освященная, святая ночь, Рождество Христово“; англійскія „fortnight“ (двухнедѣльный) и „sennight“ (недѣльный срокъ); англо-саксонское „frige-aefen“ — „въ вечеръ на пятницу“, вмѣсто „въ четвергъ вечеромъ“, и ми. др.

Естественно, что въ первобытное время не могло быть надобности въ точномъ подраздѣленіи дня (лат. „dies“, ирландск. „dia“, древне-индійское „div“ — день“ и „dyávi-dyavi—день за днемъ“, въ смыслѣ свѣтлой половины сутокъ). Довольствовались болѣе или менѣе неопредѣленными указаніями, вродѣ древне-индійскаго „samgavá“, соотвѣтствовавшего предполуденному времени и обозначававшего дословно „когда загоняются коровы“; или греч. βου-λοτό-δε“ (búlytón-de) — „время, когда отвязываютъ коровъ“; также ирландскаго „imbíagach“, въ значеніи „утромъ“ и буквальнономъ „когда привязываютъ коровъ“.

Къ значительно высшему культурному уровню относятся такія опредѣленія времени дня, какъ греч. „ἀγορῆς πλῆθους“ (agorês plêthúsēs), т. е. „въ часъ наполненія рынковъ [толпой]“ или „περὶ λύχνων ἄφας“ (peri lýchnon haphás) — „когда зажигаютъ свѣчи“ [возжигаютъ свѣтильники]. Це-

сомнѣнно, что считали время также по солнцу и по длинѣ бросаемой тѣни. Къ первобытнымъ германскимъ опредѣленіямъ времени принадлежатъ, между прочимъ: готск. *undairni* — рано; древне-скандинавское „*undern*“ — промежутокъ между обѣдомъ и вечеромъ; англо-саксонское „*undern*“ — до полудня, и древне-верхне-нѣмецкое „*untorn*“ — полдень. Во всѣхъ приведенныхъ словахъ имѣется корень общій съ лат. „*inter*“ и древне-индійскимъ „*intar*“ — между — въ смыслѣ промежутка отъ ѣды до ѣды, отъ отдыха до отдыха.

На такіе промежутки понинѣ еще дѣлитъ свой день русскій крестьянинъ, — и то, что у германцевъ называлось „*untorn*“, у русскихъ называется „уповодъ“: „первый, второй, третій уповодъ“, подобно тому, какъ въ Германіи говорили когда-то „1, 2, 3 untorn“. Ночью считали по пѣтухамъ, съ тѣхъ поръ какъ куры были ввезены въ Европу черезъ переднюю Азію. Во времена Гомера пѣтухъ былъ еще неизвѣстенъ въ Европѣ. Въ Авестѣ же онъ упоминается подъ именемъ „*parôderes*“, т. е. пророкъ, за чудесное умѣнье предвѣщать утро. Впослѣдствіе стали употребительны такія обозначенія, какъ „*περὶ ἀλεκτρούωνων ὠδὰς*“ (*peri alektrouónon ödás*), т. е. „во время пѣнія пѣтуховъ“ [въ самые пѣтухи] или лат. „*gallicinium*“ (отъ „*gallus*“ — пѣтухъ и „*canere*“ — пѣть) въ значеніи „на разсвѣтѣ“; то же у русскихъ: просто народныя выраженія „первые, вторые, третьи пѣтухи“, „съ вечера до пѣтуховъ“ и др. На безчисленномъ множествѣ языковъ „пѣтухъ“ синонимъ „пѣвца“: нѣм. „*Hahn*“, готск. „*hana*“ имѣетъ общій корень съ лат. „*canere*“ — пѣть; то же въ славянскомъ „пѣтль“ (пѣтель, пѣтухъ) — отъ „пѣти“. До знакомства съ пѣтушьимъ родомъ теченіе времени ночью угадывалось при безоблачномъ небѣ по звѣздамъ (нѣм. „*Stern*“, готск. „*stairno*“, лат. „*stella*“, греч. „*ἀστήρ*“ [*astér*], древне-индійск. „*star*“ ¹⁾). Ночь была преисполнена ужасами и страхами, и намъ понятенъ восторгъ робкаго человѣчества, съ которымъ оно привѣтствовало утреннюю зарю (ср. ниже гл. XI).

¹⁾ Праисторически извѣстнымъ по очертаніямъ и по названію было созвѣздіе «Медвѣдя» [Большая Медвѣдица], именовавшееся у индусовъ „*rksha*“, а у грековъ „*ἄρκτος*“ о позаимствованіи у вавилонянъ не можетъ быть рѣчи, такъ какъ въ Вавилонѣ оно называлось исключительно „большой ломовою телъгой“ [Большой Воя].

Всѣ описанныя выше попытки осуществить подраздѣленіе дня всецѣло ступшевались въ послѣдствіи передъ „часомъ“. Часъ, какъ извѣстно, представляетъ измышленіе вавилонскаго генія, и составлялъ первоначально $\frac{1}{12}$ долю сутокъ, т. е. время, потребное для передвиженія по эклиптикѣ одного изъ зодіакальныхъ созвѣздій. Такимъ образомъ, вавилонскій часъ былъ вдвое длиннѣй теперешняго, хотя устройство современныхъ ему солнечныхъ часовъ показываетъ, что параллельно существовало также подраздѣленіе на 12 часовъ не только сутокъ, но и свѣтового дня (т. е. отъ восхода до захода солнца).

Что греки заимствовали понятіе о „часѣ“ изъ Вавилона, весьма опредѣленно говоритъ Геродотъ (гл. II, 109): „12 подраздѣленій дня греки получили отъ вавилонянъ“. Для обозначенія „часа“ греки стали пользоваться словомъ „ῥα“ (hōra), имѣвшемъ первоначально совершенно иное значеніе ¹⁾. Отъ грековъ оно перешло въ Римъ (hōra) и, наконецъ, въ Германію, подъ видомъ „Uhr“ [часы] отъ „horologium“ — приборъ для счета часовъ. Самую же мѣру времени [т. е. „часъ“] нѣмцы стали называть обще-германскимъ словомъ „Stunde“, древне-верхне-нѣм. „stunta“, первоначально обозначавшимъ просто „срокъ“.

Такимъ же путемъ пріобрѣла право гражданства у индо-европейскихъ народовъ „седмица“ [седмидневная недѣля, Woche]; водвореніе ея въ Римъ опоздало сравнительно съ „часомъ“; зато на сѣверъ она проникла значительно раньше, чѣмъ „часъ“, тогда, когда еще были живы древніе германскіе боги, имена которыхъ пригодились для обозначенія дней недѣли, носившихъ у римлянъ названія семи тогдашнихъ планетъ ²⁾. Процессъ перевоплощенія вавилонской недѣли въ индо-европейскую пока еще въ подробностяхъ не обследованъ (напр. связь между римскимъ „dies Martis“ [вторникъ] и англо-саксонскимъ „tīwesdæg“—Ziu - Tag“; или римскимъ „dies Mercurii“ [среда] и англо-саксонскимъ „wōdnesdæg“—„Wodenstag“).

Относящіеся къ данному вопросу лингвистически - бытовые матеріалы не входятъ въ рамки настоящей работы.

¹⁾ ἵερα (hōrai) — первоначально три, въ послѣдствіи четыре, были богини временъ года. Пер.

²⁾ Солнца, Луны, Марса, Меркурія, Юпитера, Венеры и Сатурна. Пер.

УШ С е м ь я .

Изъ свидѣтельствъ греческихъ и римскихъ писателей извѣстно, что на протяженіи всей, искони занятой индо-европейскими народами территоріи, наравнѣ съ семейнымъ укладомъ, дожившимъ до настоящаго времени, существовалъ также др,гой, рѣзко отличавшійся отъ современнаго по взаимоотношеніямъ женщины и мужчины. Доминирующей нотой взаимоотношеній было такъ называемое „материнское право“, т. е. семейный укладъ, донинѣ сохранившійся у нѣкоторыхъ племенъ, въ силу котораго мужчинѣ принадлежитъ право „супруга“ (на болѣе или менѣе ограниченный срокъ), но не право „отца“; дѣти считаются принадлежащими матери и наслѣдуютъ не отцу и не кому-либо иному въ восходящемъ мужскомъ колѣнѣ, а матери, ея брату, отцу, дѣлу или ихъ братьямъ. Древніе писатели единогласно приписываютъ, напр., материнское право малоазіатскимъ ликійцамъ. Слѣды его встрѣчаются, между прочимъ, на прибрежномъ островѣ Косъ, въ самой Греціи у эпицефирскихъ локровъ, а также въ средней и верхней Италіи среди загадочнаго народа этрусковъ ¹⁾. Объ одномъ изъ племенъ, жившемъ на крайнемъ сѣверѣ Европы и входившемъ въ составъ доиндо-европейскаго населенія нашего материка, о пиктахъ, извѣстно съ достовѣрностью, что престоль переходилъ у нихъ не къ сыну, а къ сыну сестры предыдущаго владѣльца. Весьма часто, хотя и не всегда, институту материнскаго права сопутствуютъ два другихъ бытовыхъ явленія, констатированныхъ, между прочимъ, и для упомянутыхъ выше странъ: частью въ связи съ материнскимъ правомъ, частью внѣ всякой съ нимъ связи повѣствуется, съ одной стороны, о необычайно высокомъ занимаемомъ женщиной положеніи, граничащемъ съ матриархатомъ, съ другой же стороны—о чрезвычайной свободѣ половыхъ отношеній.

О названныхъ уже однажды ликійцахъ Николай Дамаскинъ говоритъ (см. его сочиненіе „О нравахъ народныхъ“), что они чтутъ женщинъ выше мужчинъ. У древне-испанскихъ кантабровъ (Страбонъ III, 4, 18), имущество переходило къ дочерямъ, которыя отъ себя давали приданое братьямъ. Въ

¹⁾ Не принадлежавшихъ къ семьѣ индо-европейскихъ народовъ. *Пер.*

древне-греческомъ героическомъ эпосѣ чрезвычайно часто упоминаются случаи не покупки жены, а приобрѣтенія ея службой у тестя—обычай, приведшій къ переходу имущества по наслѣдству къ зятьямъ, впоследствии, однако, угасшій. На Балеарскихъ островахъ выкупная стоимость женщины приравнивалась, при обмѣнѣ, троимъ или четверымъ мужчинамъ (Диодоръ Сицилійскій, V, 17). Женщина господствовала у массагетовъ (Геродотъ I, 205); аналогичный фактъ отмѣчается Тацитомъ (Германія XLV) у ситоновъ, жившихъ на крайнемъ сѣверѣ, въ предѣлахъ нынѣшней Швеции.

Полная общность женъ въ соединеніи съ матриархатомъ, практиковалась будто бы у либурновъ, жившихъ въ Иллиріи (Николай Дамаскинъ), а среди моссинеконъ, обитавшихъ на берегахъ Понта, Ксенофонъ встрѣтилъ будто-бы племя, не стѣснявшееся публично предаваться утѣхамъ любви (Анабазисъ V, 4, 33). Среди уже упомянутыхъ выше массагетовъ одновременно уживались, по свидѣтельству Геродота (I, 216), и бракъ и полная общность женъ: у каждаго мужчины была своя опредѣленная жена, но къ ней могъ во всякое время войти любой соплеменникъ: стоило только въ знакъ осуществленія права повѣситъ свой колчанъ на повозкѣ приглянувшейся женщины.

Сохранились также свѣдѣнія о народахъ, у которыхъ общность женъ распространялась только на кругъ опредѣленной родни. Такъ, Цезарь (*De bello Gallico* V, 14) пишетъ о бриттахъ (вѣроятно о которомъ-нибудь одномъ изъ племенъ): „человѣкъ по 10 и по 12 имѣютъ общихъ женъ; особенно братья съ братьями и отцы съ сыновьями; дѣти же считаются принадлежащими тому изъ сочленовъ семьи, кто первый позналъ дѣвушку“. Приблизительно то же рассказываетъ Геродотъ объ агаеирсахъ (IV, 104), племени, жившемъ въ нынѣшней Семиградіи.

Въ высшей степени своеобразенъ обычай, въ силу котораго мужъ родильницы ложился въ постель и за нимъ ухаживали, какъ за родившимъ (Кувада, мужская симуляція родовыхъ мукъ). Свѣдѣнія о немъ имѣются изъ прошлаго древней Испаніи, Балеарскихъ острововъ, а также Черноморскихъ тибареновъ.

Все вышеописанное находится въ рѣзкомъ противорѣчьи съ тѣмъ, что мы знаемъ о семейномъ укладѣ индо-европейцевъ, жившихъ уже въ праисторическое первобытное время

въ условіяхъ, близкихъ къ современной семьѣ, подначальной отцовской власти (патріархатъ). Доказательствомъ служить полнѣйшее соотвѣтствіе патріархальному строю семьи обще-индо-европской терминологіи для всѣхъ степеней родства. Такъ, нѣм. „Vater“ [отець], готск. „fadar“, соотвѣтствуетъ лат. „pater“, греческому „πατήρ“ (patér), древнеиндійскому „pítár“, тохарскому „páсар“; нѣм. „Mutter“ [мать, матеръ], древне-верхне-нѣмецкое „muoter“ — латинскому „mater“, греч. „μήτηρ“ (mēter), древне-инд. „mátár“, тохарскому „máсар“, слав. *мати*; нѣм. „Sohn“ [сынъ] — древнеинд. „sūnú“, тох. „se“; нѣм. „Tochter“ [дочь, дочеръ], готск. „daūhtár“ — греческому „θυγάτηρ“ (thygátēr), древнеинд. „duhitár“, тохарск. „skāсар“; нѣм. „Bruder“ [братъ], готск. „brōthar“ — латинскому „frater“, древнеинд. „bhrá'tar“, тох. „pрасар“; нѣм. „Schwester“ [сестра], готск. „svistar“ — лат. „soror“, древнеинд. „sváсар“; нѣм. „Vetter“ [двоюродный братъ], не первоначально употреблявшееся въ значеніи „братъ отца“ [дядя по отцу] — древне-верхне-нѣмецкое „fatureo — дядя“ — соотвѣтствуетъ латинскому „patruus“, греч. „πάτρις“ (pátros) и древнеинд. „pítvya“; нѣм. „Neffe“ [племянникъ], обозначавшее прежде, даже еще въ писаніяхъ Лютера, „внука“, соотвѣтствуетъ лат. „nepos“ [потомокъ]; готское „awô“ [бабка] — латинскому „avus“ [дѣдъ]; нѣм. „Schnur“ [сноха], древне-верхне-нѣм. „snur“ — латинскому „nurus“, греч. „νόος“ (núos), древнеиндійск. „snushá“; нѣм. „Schwäher“ [свекоръ, свекръ], древне-верхне-нѣм. „swēhur“ — латинскому „socer“, греч. „ἐχυρός“ (hekyrós) и древнеинд. „çváçura“; нѣм. „Schwieger“ [свекровь], древне-верхне-нѣм. „swigar“ — латинскому „socrus“, греч. „ἐχυρά“ (hekyrá) и древнеинд. „çvaçrû“; древне-верхне-нѣмецкое „zeihhur“ [мужнинъ братъ, деверь] — латинскому „lévir“, греч. „δαίρ“ (daér), древнеиндійскому „dévár“; латинское „złós“ [золовка] — греческому „γάλος“ (gálös); латинское „janitricēs“ [жены мужнинныхъ братьевъ, жены деверей, невѣстки] — греческому „εἰνάτερες“ (eináteres) и древнеиндійскому „yátaras“¹⁾.

Выше приведенныя названія для степеней родства показываютъ, что въ праиндо-европейской общинѣ намѣчалась

¹⁾ Изъ славянскихъ названій родства такими пережитками индоевропейскихъ отношеній являются слѣдующія: *мать, братъ, дочь, сестра, нетій* (племянникъ), *деверь, свекръ, свекровь, сноха, золовка, ятрови*. Ред.

уже въ основныхъ чертахъ современная семья; но именно „только намѣчалась“ Для возможно близкаго ознакомленія съ интересующимъ насъ вопросомъ начнемъ съ момента основанія семьи, т. е. со вступленія въ бракъ, со свадьбы; затѣмъ перейдемъ къ главнымъ дѣйствующимъ лицамъ, мужу и женѣ, и ихъ взаимоотношеніямъ; а потомъ уже поговоримъ о прочихъ членахъ семьи, которые въ силу стародавняго обычая жили съ мужемъ и женой вокругъ общаго для всѣхъ домашняго очага.

1. Вступленіе въ бракъ и свадьба.

Индо-европейская семья въ историческое время знала двѣ формы заключенія брака, браченія: покупку и умыканіе, похищеніе. Что древніе индо-европейцы покупали женъ, подтверждается такимъ обиліемъ историческихъ данныхъ, касающихся разнообразнѣйшихъ племенъ, что мы можемъ ограничиться немногими цитатами. Такъ, Страбонъ XVI, 709 говоритъ объ индусахъ: „они берутъ многихъ женъ, покупая ихъ у родителей, и за каждую платятъ двухъ быковъ“; сообщеніе Страбона находитъ подтвержденіе въ туземныхъ источникахъ, относящихся ко времени Ведъ.

„Древніе законы были очень просты“—пишетъ Аристотель о Греціи (Полит. II, 5 и II): „все населеніе было вооружено, а жены покупались“. Гомеровскій эпитетъ для дѣвушки-невѣсты,—„пріобрѣтательница скота“, былъ уже приведенъ выше. Онъ вполне соответствуетъ древне-русскому „кунка“¹⁾ въ значеніи „дѣвушка, дѣвица“—отъ „куна“, хорекъ или куница, потому что въ доисторической Россіи денежной единицей была „кунья шкурка“.

О древнихъ пруссахъ читаемъ у Петра Дусбургскаго (Прусскіе историки, I, 54); „По древнему обычаю, пруссы покупаютъ женъ за деньги“, у литовцевъ уплачиваемая сумма называлась „кгіепо“ [вѣно], т. е. попросту „стоимость жены“, отъ древне-инд. „krīnāmī“.—покупаю.

Въ Германіи даже еще въ Хеліандѣ встрѣчаемъ выраженія: „онъ купилъ себѣ дѣвушку въ жены“.

¹⁾ Это слово не приведено въ словарь древне-русскаго языка И. И. Срезневскаго. Нѣтъ его также въ этимологическихъ словаряхъ славянскихъ языковъ Миклошича и Бернекера. *Ред.*

Встрѣчается въ „Домострой“ Сильвестра (Изд. Глазунова 1902, стр. 137). *О. Шрадеръ.*

Индоевропейскій терминъ для покупной стоимости жены скрывается въ нѣмецкомъ „Wittum“, которое, хотя и обозначаетъ нынѣ „вдовій фондъ“ [фондъ для вдовъ], однако, не имѣетъ ничего общаго съ „Wittwe“ [вдова]. Дѣйствительно, въ основѣ его лежитъ древне-верхне-нѣмецкое „widumo“, англо-саксонское „weotuma“ [вѣно], обозначавшя „продажную стоимость дѣвушки“, подобно тому какъ гомеровское „ἕδνα“ (hédna) употреблялось въ значеніи „подарковъ родителямъ невесты“.

Рядомъ съ покупкою существовало умыканіе. Рѣзче всего сохранилась память о немъ на европейскомъ востокѣ. Согласно лѣтописцу Нестору, изъ древне-славянскихъ племенъ только у полянъ существовалъ настоящій бракъ. У прочихъ же, напр., древлянъ и радимичей, брака не было. но были „игрища“, расположенныя на подорогѣ между деревнями, и къ этимъ игрищамъ и плясамъ и другимъ „бѣсовскимъ“ забавамъ собиралась окрестная молодежь, и каждый уводилъ себѣ жену по уговору. И были у нихъ по двѣ и по три жены.

О древнихъ пруссахъ Маттеусъ Преторіусъ (Matthaeus Praetorius, Deliciae Prussiae, 69) рассказываетъ, что дѣвушки-невесты обвѣшивали себя колокольчиками „дабы женихи знали, что плодъ созрѣлъ. Но онѣ не отдавались добровольно, а заставляли силою и уводомъ похищать себя для брачнаго ложа. И похищали ихъ не женихи, а двое изъ его друзей“.

Въ крестьянской Россіи обѣ формы брака уживаются бокъ о бокъ: собственно бракъ, или супружество, представляющій, въ сущности, видоизмѣненіе купли-продажи женъ, и „воровской бракъ“ или „бракъ уводомъ, уходомъ или бѣгствомъ изъ родительскаго дома“; типичная „воровская свадьба“ удаляется, однако, все глубже и глубже въ непроходимыя дебри заволжскихъ лѣсовъ.

Но не только европейскій востокъ—древнѣйшіе очаги индоевропейской культуры—Индія, Греція, Италія—сохраняютъ не мало пережитковъ, напоминающихъ о давнишнемъ учрежденіи „воровскаго брака“. Поэтому, какъ правило, въ доисторическое время индоевропейскіе народы повсюду являли, вѣроятно, типичныя черты уцѣлѣвшихъ въ древне-славянскомъ мѣрѣ формъ брака: одни племена практиковали бракъ покупкой, другіе—уводомъ женщинъ. Обострявшіяся послѣ увода отношенія между двумя племенами или родами

часто впоследствии улаживались уплатой стоимости; но одинаково часто—какъ, напр., на Литвѣ и у южныхъ славянъ—разгорались затяжныя родовыя распри.

Однимъ изъ получившихъ историческую извѣстность примѣровъ воровскаго брака было похищеніе Арминіемъ, въ сообщничествѣ со своимъ отцомъ, дочери Сегеста ¹⁾, обрученной уже другому (Тацитъ, *Анналы*, I, 55).

Другой вопросъ: было ли когда-либо въ индо-европейскомъ прошломъ время, не знавшее иныхъ браковъ, кромѣ воровскихъ, въ противоположность которымъ покупка жень являлась уже крупнымъ культурно-бытовымъ прогрессомъ? Къ этому вопросу мы будемъ еще неоднократно возвращаться, особенно по поводу различнаго рода свадебныхъ обрядовъ, къ разсмогрѣнію которыхъ переходимъ. Увидимъ, что, чѣмъ дальше въ глубь прошедшаго, тѣмъ крѣпче связаны поступки и образъ дѣйствія отдѣльныхъ единицъ силою традицій, передающихся изъ рода въ родъ. Естественно, что рѣзче всего гнѣть традиционныхъ формъ проявляется въ главнѣйшіе моменты семейной жизни, намѣчающейся уже съ незапамятныхъ временъ: таковы свадебныя и похоронныя обрядности. Какъ похороны (гл. XI), такъ и свадьба, окружены у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ настолько согласно въ подробностяхъ и торжественною по обилію обрядовъ обстановкой, что, повидимому, есть полная возможность реконструировать до мелочей всѣ частности праиндо-европейскихъ брачныхъ церемоній. И, дѣйствительно, краугольные черты индо-европейскаго свадебнаго ритуала могутъ быть установлены безъ затрудненія.

Такъ какъ праиндо-европейскій бракъ сводился къ торговой сдѣлкѣ, то естественно, что для оцѣнки и окончательнаго уговора необходимо было предварительное соглашеніе сторонъ. Въ чемъ состоялъ этотъ предварительный процессъ, видно изъ перваго акта русской деревенской свадьбы, такъ называемаго „свѣтланья“. Отецъ жениха, обыкновенно въ сопровожденіи кого-либо изъ родственниковъ, является къ родителямъ невесты: „У насъ купецъ, у васъ товаръ. Не продадите ли?“. Слѣдуетъ настоящій торгъ; по словамъ очевид-

¹⁾ Вождь херусковъ, перешедшій изъ личныхъ счетовъ съ Арминіемъ (смотри текстъ) на сторону римлянъ, послѣ гибели легионовъ Вара, продолжалъ войну за собственный страхъ. Былъ разбитъ и окруженъ войсками Арминія. Освобожденъ послѣ побѣдоносныхъ походовъ Германика *іер.*

цевъ, надбавляютъ и сбиваютъ цѣну, какъ за корову. Торговка оканчивается рукобитьемъ и выпивкой („пропили невѣсту“). То же видимъ при старо-германскомъ обрученіи: участіе родныхъ при запродажѣ дѣвушки (Тацитъ, Germania, XVIII: „присутствуютъ родители и родственники и одобряютъ [одѣниваютъ] дары“, т. е. предлагаемый за невѣсту выкупъ), рукобитье, узаконяющее, согласно древнему германскому обычаю, фактъ обрученья, и „сырыски“ состоявшейся помолвки виномъ (Germania, XXII: „заключеніе браковъ они обсуждаютъ за попойкой“).

Такова прозаическая подкладка заключенія брачнаго союза у индо-европейцевъ. На первомъ планѣ родительская, или, лучше сказать, отцовская выгода. О взаимной склонности брачующихся нигдѣ нѣтъ рѣчи: ни въ Россіи, ни у нѣмецкихъ крестьянъ, ни въ Иліадѣ, когда Агамемнонъ предлагаетъ разъяренному Ахиллу въ жены любую изъ своихъ трехъ дочерей. Нѣмецкое „freien“, которое толковые словари ставятъ въ связь съ готскимъ „frījon“ — любить — вовсе не древне-германское слово. Въ тѣсной связи съ наивнымъ эгоизмомъ родителей стоятъ также бывшія въ большомъ ходу у индо-европейскихъ народовъ дѣтскія помолвки и даже свадьбы. Если представлялся удобный случай заключить выгодную сдѣлку или завязать вліятельныя родственныя отношенія, никому не приходило въ голову подумать о счастья или несчастья дѣтей. Прекрасный способъ подыскать для сына подходящую невѣсту представляли также „ярмарки невѣстъ“, свѣдѣнія о которыхъ имѣются почти со всѣхъ концовъ Европы, между прочимъ, и изъ Россіи.

Если сватанье было первымъ шагомъ индо-европейскаго вступленья въ бракъ, то его кульминаціоннымъ пунктомъ должны считаться торжественные проводы невѣсты изъ родительскаго дома въ жилище мужа или же его родителей. Важность послѣдняго акта запечатлѣна въ древнѣйшихъ рѣченіяхъ, связанныхъ со свадьбой: у литовцевъ „wedù“, въ древней Руси „водить“—выраженія особенно характерныя, если сопоставить ихъ съ древне-индійскимъ „vadhu“—молодица и древне-иранскимъ „vadū“—женщина, жена, а также „vadgva“—бракоспособный.

Въ другихъ языкахъ имѣемъ тѣ же аналогіи. Такъ, описательное выраженіе въ нѣмецкомъ языкѣ для „жениться“— „ein Weib heimführen“ — значитъ дословно: „привести домой женщину“ (жену). Ст. нѣм. „Brautlauf“ [погоня, бѣгъ за же-

ной], древне-верхне-нѣмецкое „brütluft“, древне-сѣверное „brudhlaur“—все искони германскія слова). Соотвѣтствующія выраженія въ лат. яз.: „uxorem ducere“, въ греч. „γυναῖκα ἄγεσθαι“ (gynaika ágesthai), въ древне-индѣйскомъ „vah“ (vahaú—свадьба), въ древне-иранскомъ „vaz“—все обозначаютъ „привести къ себѣ жену“.

Все вышеизложенное доказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ—а ниже это еще неоднократно подтвердится,—что при нормальномъ ходѣ обстоятельствъ будущее мѣстожителство молодыхъ супруговъ всегда предполагалось въ родительскомъ домѣ жениха; а потому вступленіе жениха въ домъ невесты могло явиться лишь значительно болѣе позднимъ обыкновениемъ.

Между сватаньемъ и проводами, пока невеста находилась еще у своихъ родителей, а также послѣ проводовъ, въ жилищѣ жениха выполнялись нѣкоторыя брачныя обряды, дающіе основаніе предполагать наличность четырехъ фазъ свадебнаго ритуала у древнихъ индо-европейцевъ: сватанья, обрядовъ въ домѣ невесты, проводовъ въ домъ жениха и обрядовъ въ домѣ жениха. Однако, строго провести подобное подраздѣленія было бы невозможно, такъ какъ у отдѣльныхъ народовъ многочисленныхъ, въ общемъ и цѣломъ совершенно тождественныя подрбности обрядовъ, оказываются перемѣщенными изъ однихъ фазъ въ другія. Поэтому мы стараемся прослѣдить не внѣшній распорядокъ, а внутреннее содержаніе разыгрывающагося передъ нашими глазами дѣйствія, какъ ни трудно въ нѣкоторыхъ случаяхъ добратся до возможнаго и вѣроятнаго смысла церемоній. Ибо, хотя многія изъ нихъ выродились за давностью времени въ забаву и игру (порусски говорится „сыграть свадьбу“) или въ совершенно бессмысленную внѣшнюю обрядность, тѣмъ не менѣе едва-ли можно отрицать, что въ первоначальномъ видѣ онѣ имѣли весьма серьезное значеніе. Путемъ изученія ихъ внутренняго содержанія мы легче всего можемъ уяснить себѣ подкладку и истинную суть индо-европейскаго предбрачнаго обряда.

Исхожу изъ важнѣйшаго акта индо-европейскаго бракозаключенія, уже упоминаемаго въ Ведахъ: „рукожатія“ или „овладѣнія рукой невесты“ (древне-индѣйск. „rānigrahaṇa“). Юноша беретъ или хватаетъ руку дѣвушки въ присутствіи первоначальнаго ея хозяина [предшествовавшаго собственника], въ знакъ того, что отнынѣ она переходитъ въ его собственность. Подобно тому, какъ въ древнемъ Римѣ мать

семейства считалась „in manu mancipioque“ [подъ высокою рукою и въ десницѣ] главы дома; нѣмецкое же Mund [опека], повторяющееся въ словахъ Vormund [опекунъ] и „Mündel“ [опекаемый], и тождественное съ „mundium“ римско-германскаго юридическаго словаря, обозначающимъ безконтрольную власть надъ дѣвушкой, перешедшую путемъ купли-продажи отъ предыдущаго ея властителя къ супругу, первоначально отождествлялось по смыслу съ „Hand“ [рука], и вѣроятно, этимологически родственно лат. manus [рука]. Въ одной древней англо-саксонской рукописи имѣется рисунокъ, изображающій актъ „овладѣнiя рукой“ [хватанья за руку]: мужчина, вѣроятно же всего отецъ, братъ или опекунъ, обнявъ дѣвушку, стоитъ съ ней лицомъ къ юношѣ, который схватываетъ [NB *лвою* рукой] правую руку дѣвушки, что равносильно заявленiю своихъ на нее правъ.

Во всѣхъ названныхъ выше случаяхъ „рука“, „завладѣванiе рукой“, не болѣе, какъ своего рода правовая символика. Если же перенестись мыслью въ тѣ времена и состоянiя, когда дѣвушку хватали за руку, чтобы силою похитить и увлечь ее въ насильственный бракъ, то мы невольно сдѣлаемъ шагъ назадъ, изъ эпохи заключенiя брака съ помощью покупки невѣсты, въ эпоху брака воровскаго, соединеннаго съ уводомъ и разбоемъ. Это объясненiе могло бы показаться маловѣроятнымъ, если бы не цѣлый рядъ другихъ свадебныхъ обычаевъ, находящихъ себѣ оправданiе лишь въ предположенiи, что въ обычаи, соединенные съ покупкою жены, вторглись отклики древнѣйшаго воровскаго брака, замашкамъ котораго продолжали подражать по старинѣ. Къ подобнымъ пережиткамъ принадлежитъ обычай, традиционнo соблюдавшiйся у многихъ индо-европейскихъ народовъ и, несомнѣнно, доказанный для индусовъ, римлянъ, германцевъ и славянъ, въ силу котораго новобрачную переносили черезъ порогъ мужняго дома и сажали на звѣриную кожу или шкуру, какъ бы въ воспоминанье о томъ времени, когда въ жилищахъ человѣка не было вообще иныхъ сидѣнiй, кромѣ шкуръ. Широко распространенное обыкновенiе окутывать невѣсту покрываломъ (фатою) лучше всего объясняется приѣмами (техникою) воровскаго брака, ибо, какъ извѣстно изъ практики всякихъ похищенiй, набрасыванiе на голову платка или плаща облегчаетъ работу похитителей. Повсемѣстно, въ особенности у индусовъ, грековъ, славянъ и нѣмцевъ, свадебный поѣздъ бываетъ окруженъ друзьями и пособниками

жениха (друзками), являющимися, по большей части, вооруженными. Замѣчательно, что общее для германскихъ и славянскихъ языковъ слово „другъ“ совмѣщаетъ въ себѣ понятія о „воинѣ“, „пріятелѣ“ и „тѣлохранителѣ невѣсты“ (дружки). Сравни готское „driugan“ — нести военную службу, древне-верхне-нѣмецкое „truht“ — воинскій отрядъ, охрана, англосаксонское „druhtguma“ — воитель и невѣстинъ дружка; древне-славянскія и русскія „дружина“, „другъ“ и „дружка“. Одна англо-саксонская глосса называетъ даже перваго „дружку“ словомъ „tácn-bora“, т. е. знаменосецъ. Вооруженная охрана была необходима новобрачнымъ даже въ вѣкъ купли - продажи женъ, что видно изъ повсемѣстно распространеннаго обычая всячески мѣшать и препятствовать свадебному поѣзду фиктивными нападеніями и разбоями, принимавшими иногда крайне грубый и необузданный характеръ. Въ лангобардскихъ законахъ Агистульфа читаемъ: „до слуха нашего дошло, что нѣкоторые люди отправляются на встрѣчу жениху, вѣдущему съ невѣстой, съ „паранимфою“ („paranympha“ — женщина, дававшаяся въ помощь новобрачной, смотри ниже) и съ „троктингами“ („troctingi“ — дружки, древне-саксонское „druhting“, смотри выше); и что эти люди, по извращенности своей, обливаютъ поѣзжанъ воиючею водою [навозной жижей] и забрасываютъ навозомъ. Чтобы вслѣдствіе такихъ дѣяній не приключилось смуты и смертоубійства, повелѣваемъ“, и т. д.

Во время русскихъ „воровскихъ уводовъ“ и понынѣ еще свалка между преслѣдуемыми и преслѣдователями нерѣдко кончается рѣзней и убійствомъ, такъ что обычаи воровскаго брака, постоянно колеблясь между шуткою и суровою дѣйствительностью, довольно стойко удержались въ нравахъ массъ даже тогда, когда бракъ уводомъ былъ повсемѣстно вытѣсненъ покупкой женъ.

Далѣе, у индо-европейскихъ народовъ обычай требуетъ, чтобы новобрачная не по доброй волѣ ложилась въ брачную постель; напротивъ того, свадебные гости колотушками загоняютъ ее въ комнату супруга и силою бросаютъ на ложе мужа. Въ предшествующіе свадьбѣ дни невѣста не смѣетъ пѣть веселыхъ пѣсенъ: самыми обстоятельствами вмѣняется ей въ долгъ — по крайней мѣрѣ, у славянъ — съ момента рукобитія и вплоть до свадьбы, строго блюдомая роднею повинность жалобнаго, надрывающаго душу воя о томъ что ей придется слѣдовать „за чужимъ молодцемъ на

чужу - сторону". Въ Россіи, во время свадебныхъ торжествъ, не въ рѣдкость даже наемныя плакальщицы, какъ на похоронахъ. Въ Римѣ, передъ отправленіемъ свадебнаго поѣзда, молодую силой вырываютъ изъ объятій матери, у которой она ищетъ защиты. Крикъ и плачь русской невѣсты, когда она прощается съ отцомъ - батюшкой и матушкой, раздираютъ сердце. Только послѣ величайшаго сопротивленія удается свату усадить ее въ сани, чтобы ѣхать въ церковь. Однимъ словомъ, вся обстановка симулируетъ насиліе, понятное только съ точки зрѣнія пережитка брака умыканіемъ.

Обратимся теперь къ остальнымъ свадебнымъ обычаямъ, вводящимъ насъ въ другую область представленій.

Индо-европейцы были народомъ плодовитымъ, видѣвшимъ въ потомствѣ цѣль и радость жизни [дѣти--благословеніе Божіе]. Со всѣхъ концовъ индо-европейскаго простора нсслись къ небу горячія мольбы о дѣтяхъ, въ особенности же о мальчикахъ. „Вложи въ ея чрево десять мальчиковъ, о Индра“—говорится въ одной древне-индусской свадебной молитвѣ. У персовъ царь ежегодно посылалъ подарки тѣмъ, у кого было больше всего дѣтей (Геродотъ I, 136). „Чѣмъ больше у кого кровной родни, чѣмъ больше родственниковъ по браку, тѣмъ радостиѣе его старость. Здѣсь не выдаютъ премій за бездѣтность“ (Тацитъ, Германія, XX). Причина страстнаго желанія имѣть мальчиковъ ясна, какъ день: только обиліе сыновей и близкой кровной родни обезпечивали жизнь по законамъ кровавой мести (гл. X); только сынъ или родственникъ по крови могъ обезпечить индо-европейцу спокойствіе въ загробной жизни принесеніемъ заупокойныхъ умиловительныхъ жертвоприношеній.

При такомъ взглядѣ на будущность въ земной и въ загробной жизни неудивительно, что въ свадебные обычаи индо-европейцевъ красной нитью входитъ символика плодородія жены. При этомъ никоимъ образомъ не слѣдуетъ видѣть нарушенія законовъ цѣломудрія въ обрядахъ, обнаруживающихъ лишь болѣе наивное, непосредственное отношеніе къ половой жизни; напр., когда въ Римѣ сажали невѣсту на исполинское изваяніе Пріапа, или когда у сѣверныхъ германцевъ богу—покровителю брачнаго союза Фрикко ставили идолъ въ образѣ неимовѣрныхъ размѣровъ фаллуса. На Литвѣ парни передъ свадьбой приносили жертву богу Pizius, названіе котораго, очевидно, одного корня съ

„pisti“—возлежать на брачномъ ложѣ. Къ наиболѣе распространеннымъ свадебнымъ обычаямъ данной категоріи принадлежитъ практикуемое во многихъ мѣстностяхъ обыкновеніе сажать во время свадебнаго пиршества на колѣни молодой маленькаго мальчика, въ ознаменованіе будущаго материнства; осыпаніе молодыхъ супруговъ, въ особенности же новобрачной, различными сѣменами и плодами есть также прообразъ плодородія, по примѣру плодობильной матери-природы.

Послѣ всего сказаннаго насъ уже не можетъ изумить, что послѣдній, рѣшительный актъ свадебнаго дѣйства, удаленіе молодыхъ на брачную постель, долженъ былъ происходить непременно при свидѣтеляхъ. Притомъ пожилыя участницы обряда—въ Римѣ „propuba“ въ Россіи „сваха“—давали молодоженамъ необходимыя для отправленія супружескихъ обязанностей указанія.

Въ Россіи непосредственно за этимъ слѣдуетъ торжественный осмотръ свадебной рубашки и простынь. Если осмотромъ удостовѣряется невинность новобрачной, вещественныя доказательства съ пѣніемъ и пляскою ¹⁾ выносятся на дворъ. Разбивается нѣсколько горшковъ, а молодоженъ отвѣшиваетъ тещѣ низкій поклонъ. Если же рубашка и простыня оказываются чистыми, на отца или брата новобрачной напяливается недоуздокъ, молодоженъ не кланяется тещѣ, а родителямъ новобрачной преподносится продрывленный горшокъ.

Несомнѣнно, что въ Германіи, гдѣ во многихъ мѣстностяхъ хранятъ, какъ семейную реликвію, постельное бѣлье первой брачной ночи, господствовали въ свое время такіе же обычаи.

Несомнѣнно также, что битые горшковъ на нѣмецкомъ „Polterabend“ [дѣвишникѣ] символизируетъ невинность новобрачной. Русское тривиальное выраженіе для лишенія невинности также заключаетъ представленіе о поломкѣ чего-то, что раньше было цѣло. Аналогія съ горшками очевидна. Возраженіе, что нѣмецкій „Polterabend“ празднуется наканунѣ свадьбы, не выдерживаетъ критики, т. к. актъ, получившій нынѣ смыслъ и значеніе настоящей свадьбы, т. е. церковное вѣнчаніе, является позднѣйшимъ нарощеніемъ свадеб-

¹⁾ Сопоставь греч. „ὄμεναιος“ [hyménaios], „свадебная пѣснь“, уже въ древности производившееся отъ „ὄμενον“ [hymen]. О. Шрадеръ.

наго ритуала ¹⁾. И дѣйствительно, въ земледѣльческихъ селеніяхъ Германіи практика первой брачной ночи вообще предшествуетъ церковному вѣнчанію, что отнюдь не считается предосудительнымъ.

Ясно, что разъ въ составъ свадебныхъ обрядностей входитъ осмотръ вещественныхъ доказательствъ невинности, то необходимо предположить у соответствующихъ народовъ наличность представленія о высокомъ значеніи добрачнаго цѣломудрія невесты. Вопросъ только въ томъ, возможно ли означенное представленіе распространить на всѣхъ безъ различія индоевропейцевъ? Отвѣтить на это чрезвычайно трудно, ибо относительно нѣкоторыхъ народовъ индо-европейскаго происхожденія существуютъ положительныя указанія, что они не придавали значенія предбрачному нарушенію невинности. Такъ, Геродотъ (V, 6) рассказываетъ о еракійцахъ, что у нихъ дѣвушки свободно входятъ въ общеніе съ кѣмъ ни пожелаютъ. А арабъ Масуди ²⁾ рассказываетъ о нѣкоторыхъ славянскихъ племенахъ, будто „дѣвушка, когда полюбитъ, идетъ къ возлюбленному и отдается страсти“. Извѣстные пережитки въ нравахъ нѣмецкаго земледѣльческаго населенія (напр., такъ наз., „пробныя ночи“) а также не поддающаяся описанію разнузданность въ русскихъ баняхъ и на посидѣлкахъ какъ бы намекаютъ на первобытную предбрачную свободу въ отношеніяхъ половъ. Въ явномъ противорѣчій съ подобнымъ предположеніемъ находится, однако, свидѣтельство Тацита (гл. XVIII—XX) о великомъ цѣломудріи германскихъ женщинъ, далѣе все то, что было сказано объ осмотрѣ вещественныхъ доказательствъ невинности (какъ разъ на славянской почвѣ); противорѣчить ему также присутствіе свидѣтелей въ моментъ начала брачнаго сожителства молодоженовъ, очевидно въ цѣляхъ удостовѣренія, что послѣдующая беременность новобрачной будетъ вполне законной; несомнѣнимо, наконецъ, съ гипотетической разнузданностью праиндо-европейскихъ нравовъ

¹⁾ Смори „Пѣснь о Нибелунгахъ“ X: Зигфридъ съ Кримхильдой и король Гунтеръ съ Брунгильдой исполняютъ обрядъ церковнаго вѣнчанія не до, а послѣ первой брачной ночи. *Пер.*

²⁾ Масъ-удій — арабскій историкъ-географъ IX—X вѣка по Р. X. Свои личныя наблюденія, сдѣланныя во время многократныхъ путешествій по Востоку и Западу, онъ изложилъ въ дошедшемъ до насъ сочиненіи „Золотые дуга“. *Пер.*

все то, что намъ извѣстно о южныхъ представителяхъ индо-европейцевъ, въ особенности же о республиканскомъ Римѣ.

Возможно также, что нѣкоторые изъ приведенныхъ выше примѣровъ пренебрежительнаго отношенія къ вопросамъ цѣломудрія въ первоначальномъ своемъ видѣ были свободны отъ какихъ-либо половыхъ эксцессовъ. Такъ, напр., иногда выражается сомнѣнiе, доходятъ ли до близкаго общенія женихъ съ невѣстой во время обычныхъ въ южной Германіи пробныхъ ночей, когда жениху предоставляется возможность ближе ознакомиться съ прелестями своей будущей супруги. Въ высшей степени неожиданнымъ явилось открытіе, что пробныя ночи практиковались и въ древней Греціи, какъ обнаружилось изъ случайно найденнаго отрывка поэта Каллимаха (Оксиринхскіе папирусы, VII, 25, въ англійскомъ изданіи):

„И вотъ уже возлегла рядомъ съ юношей дѣва, ибо законъ требуетъ, чтобъ они вмѣстѣ провели одну ночь до свадьбы“.

Въ общемъ, однако, я думаю, что мы вправѣ видѣть въ индо-европейскомъ семейномъ укладѣ принципиальное стремленіе соблюдать дѣвичье цѣломудріе до вступленія въ бракъ, въ противоположность племенамъ неиндо-европейскаго корня, нравы которыхъ могли, конечно, оказывать мѣстное вліяніе на тѣ или другіе изъ сосѣднихъ индо-европейскихъ народовъ. Исторіей возникновенія культа невинности мы займемся ниже.

Итакъ, въ совокупности индо-европейскихъ брачныхъ обрядовъ мы констатировали симуляцію древнѣйшаго брака умыканіемъ, а также рядъ дѣйствій, символизирующихъ пламенное желаніе плодовитости женщинъ. Сокровенная же суть всей обрядности пока еще не раскрыта. Чтобы уяснить ее, необходимо обратиться къ циклу обычаевъ, характерный смыслъ которыхъ сводится къ символизациі стихійнаго единенія огня и воды.

Въ Индіи женихъ, овладѣвъ рукою невѣсты, трижды обводитъ ее вокругъ очага, въ огнѣ котораго пылаетъ горсть жертвеннаго зерна. Предварительно ставится на очагъ новый наполненный водою кувшинъ, такъ, чтобы при обходѣ вокругъ очага, онъ приходился подъ правую руку брачущагося. Въ Римѣ также молодые, еще будучи въ домѣ родителей невѣсты, торжественно обводились посолонь вокругъ алтара, при чемъ мальчикъ несъ передъ ними взяту

изъ чистаго источника брачную воду и свадебный факель. При этомъ сжигалась на алтарѣ жертвенная лепешка изъ пшеничной муки („*farctum*“; отсюда „*confarreatio*“—римскій патриціанскій бракъ). У литовцевъ, по Ласицкому (Боже-ства самогитовъ), „на свадебныхъ торжествахъ невѣсту трижды обводятъ вокругъ очага, послѣ чего она тутъ же садится на стулъ. Сидящей обмываются ноги, а затѣмъ кропляется водою постель, вся домашняя утварь и гости“. Однимъ словомъ, „вѣнчанье („*circumambulatio*“—т. е. „обхо-жденіе вокругъ) вокругъ очага“, которое у русскихъ, уже въ христіанское время, смѣнилось „вѣнчаньемъ вокругъ алтаря“¹⁾, а также предбрачное омовеніе [или баня], представляютъ типичный, общераспространенный обрядъ. Въ Россіи выраженіе „обошла посолонь вокругъ алтаря“²⁾ синонимически равносильно: „вышла замужь“.

Каковъ сокровенный смыслъ сопоставленія воды и огни при брачныхъ обрядахъ? Такъ какъ и вода и огонь представляютъ важнѣйшіе факторы въ человѣческомъ обиходѣ, то возможно, что индо-европейскій свадебный ритуаль долженъ былъ символизировать ихъ единеніе. Однако, основное значеніе символа должно быть гораздо первообразнѣе и глубже.

У всѣхъ индо-европейскихъ народовъ съ моментомъ зимняго солнцестоянія [солнцеворота] соединяются празднества, для которыхъ символика единенія огня и воды настолько же характерна, какъ и для брака. Повсемѣстно распространены обычаи зажигать въ это время праздничные костры, плясать вокругъ нихъ и, взявшись попарно за руки, прыгать черезъ огонь. И повсюду—въ пару съ огнемъ—вода. Ликующіе то купаются возлѣ зажженныхъ костровъ, то скатываютъ въ воду огненные вѣнцы, или инымъ образомъ вводятъ ее въ кругъ торжественнаго обряда. Въ числѣ тысячи его разновидностей замѣчательна одна, практиковавшаяся въ Индіи въ празднество „*Mahāvata*“ (первоначально „лѣтняго“, а затѣмъ „зимняго солнцеворота“). „При барабанномъ боѣ женщины, наполнивъ водою кувшины, трижды обходятъ вокругъ костра сначала противъ солнца, а затѣмъ посолонь, причемъ поютъ пѣсню съ припѣвомъ: „вотъ медь!“

¹⁾ NB. Не „алтаря“, а „аналоя“ *Пер.*

²⁾ „Вокругъ аналоя“; а у православныхъ не „посолонь“, а „противъ солнца“. *Пер.*

Послѣ конечнаго круга онѣ выливаютъ воду въ огонь и гасятъ его“.

Выдающіеся изслѣдователи религіозныхъ обрядовъ, какъ Ольденбергъ и Гильдебрантъ, усматриваютъ въ приведенномъ обычаѣ одно изъ „заклинаній дождя“ или „заклинаніе плодородія“, сводящееся въ данномъ случаѣ къ привороженію дѣйствія космической силы (утоленіе жажды изнывающей отъ засухи земли дождемъ—медомъ), мимикой подражательныхъ дѣйствій (угашеніе водою огня). Если такъ, т. е. если соединеніе водной и огненной стихій можетъ быть признано символикѣй, характерной для празднествъ лѣтняго солнцеворота, то таково же должно быть значеніе ихъ и при свадьбѣ; съ тѣмъ, конечно, различіемъ, что основной смыслъ дѣйствій по отношенію къ браку забылся еще прочтѣе, чѣмъ по отношенію къ засухѣ. Иными словами, символика воды и огня сводилась бы опять-таки къ символикѣ плодородія, т. е. той главной цѣли, для которой сходятся въ бракѣ мужъ и жена. Такимъ образомъ, свадебныя торжества индоевропейской семьи были бы обвѣяны духомъ Ивановой ночи [ночи на Ивана-Купалу].

А все же многое въ праиндо-европейскихъ вѣнчальныхъ обрядахъ остается по сей день темнымъ. Что значить, напр., повсемѣстно распространенная обрядность „чепца“ [покрытія головы] новобрачной, изъ котораго опять-таки вытекаетъ дѣвичій обычай распустить волоса или носить длинныя косы? Актъ покрытія новобрачной всюду считался привилегіей одной изъ тѣхъ пожилыхъ участницъ обряда, съ которыми мы уже неоднократно встрѣчались въ роли пособницы новобрачной (*pronuba*). Даже ея англо-саксонское имя „*heord-swáre*“ недавно еще пытались связать съ обязанностью „убирать волоса“. Несомнѣнно, что у индоевропейскихъ народовъ, какъ и у другихъ, убрание волосъ играло большую роль въ символикѣ положеній и отношеній. Какой же смыслъ имѣло „покрытіе головы“ въ данномъ случаѣ—сказать довольно трудно ¹⁾.

¹⁾ Существуетъ весьма прозаическое и вульгарное объясненіе обычая распущенныхъ косъ у дѣвушекъ и покрытой платкомъ головы у замужнихъ женщинъ. Коса означала „свободу воли и чувствъ“ — „вольную птицу“, подобно тому, какъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія длинныя бархатки, развѣвавшіяся вдоль спины барышень, носили характерную кличку „*mon coeur est libre: suivez moi*“ („Сердце мое свободно:

2. Мужъ и жена.

Выше мы привели по возможности полный перечень употребительныхъ предбрачныхъ церемоній. При такомъ ихъ обилии можетъ показаться страннымъ, что невозможно установить обще-индо-европейскій терминъ для супружества [брака]: уже Аристотель въ *Политикѣ* I, 3, подчеркиваетъ, что въ древне-греческомъ языкѣ нѣтъ названія для союза мужчины съ женщиной. Причина этого заключается, несомнѣнно, въ томъ, что въ старину отношенія мужчины къ женщинѣ рассматривались какъ нѣчто совершенно несравнимое съ отношеніями женщины къ мужч. инѣ, вслѣдствіе чего никому не приходило въ голову видѣть въ нихъ равноправную чету. Последнее ясно, между прочимъ, также изъ того, что первоначальные термины для вступленія въ бракъ были различны для мужчинъ и женщинъ. Такія примѣнимыя къ обѣимъ сторонамъ обозначенія, какъ нѣм. „heiraten“ [вступить въ бракъ] отъ древне-верхне-нѣмецкаго „hīrat“ (Heirat — вступленіе въ бракъ; дословно — „домоустройство“), а также фр. „se marier“ (одинаково употребительное по отношенію къ обоимъ брачующимся), сравнительно очень недавняго происхожденія. Древнѣйшій взглядъ на вещи кроется въ различіи латинскихъ выраженій „uxorem ducere“ [привести себѣ жену] и „in matrimonium ducere“ [дословно: — „вести къ материнству“], употреблявшихся по отношенію къ вступающему въ бракъ мужчинѣ; и „pubere“, съ дательнымъ [alicui], т. е. „закрѣпить лицо фатой ради кого-либо“ [сдѣлаться невидимкою для прочихъ, отречься отъ свободы ради одного] — по отношенію къ женщинѣ. То же въ русскомъ: „жениться на“ — т. е. „обзавестись женой“, по отношенію къ женящемуся; и — „выйти замужъ“ — [идти по слѣдамъ мужа, ведущаго жену въ свой домъ] — по отношенію къ дѣвушкѣ (или женщинѣ), выходящей замужъ.

идите за мной“). За косу мужчины ловили приглянувшихся дѣвушекъ во время „бѣсовскихъ игрищъ“. Прятанье косъ подъ платокъ означало принадлежность кому-либо одному. Ярлыкъ этотъ навѣшивался или добровольно (замужними женщинами), или принудительно (забеременѣвшимъ дѣвушкамъ, „покрыткамъ“). Приведенное объясненіе предполагаетъ у праиндо-европейцевъ значительно бѣдшую свободу предбрачныхъ нравовъ, нежели допускаетъ Шрадеръ. *Пер.*

Одно изъ древнѣйшихъ выраженій для обозначенія „брака“ содержится въ древне-индѣйскомъ „pativá“ — до-словно „домашнее господство“ [хозяйская власть]. Въ этомъ словѣ—съ родственными ему греческимъ „πόσις“ (pósis) и готскимъ „faths“—заключается обще-индо-европейское пред-ставленіе о бракѣ, какъ о „домашнемъ главенствѣ“. По-слѣднее вылилось въ готскомъ „brúthfaths“ [женихъ], обозна-чающемъ „владыку новобрачной, ея хозяина“. Ибо перво-начальное значеніе нѣмецкаго „Braut“ было не „невѣста“ [нареченная], но „новобрачная“. Понятіе же о „господствѣ“ вмѣщается въ древне-индѣйскомъ „râti“—повелитель, госпо-динъ, супругъ. Въ соединеніи съ индо-европейскимъ обозна-ченіемъ для „дома“, въ смыслѣ „семья“ — „*domos“, мы встрѣчаемся съ тѣмъ же „домохозяиномъ“ въ греческомъ δεσ-ποτης (despótēs) — повелитель, господинъ; и въ древне-индѣйскомъ „dâm-rati“, домохозяинъ. Дѣйствительный же смыслъ этого древнѣйшаго слова „*rôti-s“, наравнѣ съ со-отвѣтствующими ему въ древне-иранскомъ „хваѣ-rati“—„онъ самъ“—и литовскомъ „ràts“—„онъ самъ“, тождественъ съ русскимъ народнымъ выраженіемъ „самъ“, скандинавскимъ „han sjalvt“ и англійскимъ „himself“, употребляемыми во всѣхъ цитированныхъ языкахъ для обозначенія „самого“, т. е. „хозяина“ [владыки]. Если рядомъ съ „*rôti-s“ встрѣ-чается „*rôtni“ (древне-индѣйское „ratni“—супруга, госножа, древне греческое „πότνια“ [pótνια]—„почетный титулъ жен-щины“), то лишь въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ у рус-скихъ, на ряду съ „самъ“, говорятъ „сама“, а у англичанъ „herself“ въ сопоставленіи съ „himself“, т. е., то да какъ „самъ“ является въ роли владыки всего дома, въ томъ числѣ и „самой“ (сравни греч. „δεσπόττης“), „сама“—не болѣе, какъ „домоправительница“, да и то, поскольку мужъ позволить. Что такъ именно обстояло дѣло въ праиндо-европейскую ста-рину, станетъ ясно изъ нижеслѣдующихъ данныхъ, о вза-имоотношеніяхъ мужа и жены.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что семейный укладъ праиндо-европейцевъ былъ построенъ на многожен-ствѣ. Доказательствъ этому очень много, и не только по отношенію князей и знати, но и всего простого люда: въ Азіи многоженство процвѣтало у индусовъ, въ Европѣ у еракій-цевъ, неонійцевъ (еракійско-иллирійскаго происхожденія), у пруссовъ и славянъ. Только о грекахъ и о римлянахъ уже древнѣйшіе источники говорятъ, какъ объ одноженахъ, при

болѣе или менѣе узаконенномъ институтѣ побочных женъ и наложницъ. Развилось ли единоженство въ южной Европѣ самостоятельно, или же подѣ влияніемъ восточныхъ нравовъ, я не берусь рѣшить, хотя второе считаю болѣе вѣроятнымъ. По крайней мѣрѣ, уже въ законахъ Хаммураби говорится объ одной правоспособной женѣ, рядомъ съ которой допускается вторая, вспомогательная, на случай, если первая бездѣтна. Подчеркиваемъ также, что гомеровское „παλλαξ“ (pallakis) и латинское „relex“ для наложницы, заимствованы съ восточнаго (еврейскаго) „pilegeš“—побочная жена. Въ такой, смягченной конкубинатомъ формѣ, единоженство проникаетъ съ юга къ кельтамъ и германцамъ. Что касается галловъ, то свѣдѣнія о нихъ слишкомъ скудны. Въ Ирландіи во главѣ домашняго хозяйства стояла „cémtuntar“, т. е. „первая подручная (помощница хозяина) изъ числа всей прочей челяди“ (ирл. „muinter“ — семья; одного корня съ лат. „manus“ — рука); слѣдующая за нею носила название „setmuinter ar muin araile“—„главная жена за спиною первой“, въ смыслѣ вице-жены, на случай смертельной болѣзни первой; сверхъ этихъ двухъ, было приличное число наложницъ. О германцахъ Тацитъ сообщаетъ (гл. XVIII), что они единственные изъ всѣхъ варваровъ довольствовались обычно одной женой. Существованіе у германцевъ конкубината доказывается, однако, такимъ кореннымъ германскимъ словомъ, какъ „Kebse“ (древне-верхне-нѣмецкое „kebisa“), обозначающимъ нѣчто промежуточное между рабой и наложницей. У сѣверо-германцевъ (Адамъ Бременскій ¹⁾ IV, 21) мы вновь встрѣчаемся съ чистѣйшей полигаміей, такую же, какъ и на европейскомъ востокѣ.

Въ рѣзкомъ противорѣчій съ разнузданностью женатаго мужчины находились ограниченія, связывавшія замужнюю женщину. Характернѣе всего опредѣляются онѣ Катонномъ (Gellius ²⁾ X, 23) въ области римскихъ нравовъ: „положимъ, что ты уличилъ жену свою въ измѣнѣ: ты можешь убить ее безъ всякаго суда. Она же, если ты прелюбодѣйствуешь, или же только вовлекаешься въ прелюбодѣйство, не смѣетъ тронуть тебя пальцемъ: ибо это было бы не по

¹⁾ Каноникъ и схоластикъ, сподвижникъ извѣстнаго въ исторіи епископа Адалъберта. Ссылка относится къ его сочиненію „Descriptio insularum aquilonis“. Пер.

²⁾ Aulus Gellius, римскій писатель II вѣка по Р. X. Пер.

закону“. Приведенная картина семейныхъ правовъ примѣнима вообще ко всѣмъ индо-европейцамъ.

Какъ наказывали прелюбодѣйную жену въ былое время, можетъ быть довольно точно восстановлено по документамъ. Тацитъ, гл. 19, пишетъ о германцахъ: „Прелюбодѣяніе среди этого многочисленнаго народа весьма рѣдко. Наказаніе немедленное; оно предоставлено супругу: нагую, съ остриженными волосами выгоняетъ ее супругъ, въ присутствіи родни изъ своего дома и преслѣдуетъ ударами бича по всей деревнѣ“. Полезно сопоставить съ приведенною цитатою выдержку изъ „Monumenta Moguntina“, изд. Iaffé, 172 (слова Бонифація¹⁾ о саксахъ): „иногда собираются большія толпы женщинъ и выводятъ наказанную плетью (блудницу, прелюбодѣйку) въ поле, стегаютъ ее прутьями, и срываютъ съ нея препоясаніе. Онѣ наносятъ ей раны ножами и гонятъ истерзанную и истекающую кровью изъ множества мелкихъ ранъ, отъ деревни до деревни. Влекомыя ревнивымъ цѣломудріемъ, присоединяются къ мучительницамъ все новыя и новыя бичевальщицы, пока, наконецъ, виновная не свалится съ ногъ мертвой или полумертвой, въ назиданіе другимъ, въ острастку прелюбодѣянія и блуда“.

Точно пересказъ полуторатысячелѣтнаго преданія звучитъ то, что Максимъ Горькій повѣствуетъ о современной Малороссіи:

„По деревенской улицѣ, среди бѣлыхъ мазанокъ, съ дикимъ воемъ двигается странная процессія. Идетъ толпа народа, идетъ густо и медленно, — движется, какъ большая волна, а впереди ея шагаетъ лошаденка, юмористически-шероховатая лошаденка, понуро опустившая голову... Къ передку телѣги прикручена веревкой за руки маленькая совершенно нагая женщина, почти дѣвочка. Она идетъ какъ-то странно—бокомъ, ея голова, въ густыхъ растрепанныхъ темно-русыхъ волосахъ, поднята кверху и немного откинута назадъ, глаза широко открыты и смотрятъ куда-то вдаль тупымъ, бессмысленнымъ взглядомъ, въ которомъ нѣтъ ничего человѣческаго... Все тѣло ея въ синихъ и багровыхъ пятнахъ, круглыхъ и продолговатыхъ, лѣвая упругая дѣвическая грудь расцѣвлена, и изъ нея сочится кровь...“

¹⁾ Бонифаціей Святой называемый апостоломъ Германіи. больше извѣстный подъ именемъ „Винфрида“ (680 -755 по Р. X.).

А на телѣгѣ стоитъ высокій мужикъ въ бѣлой рубахѣ, въ черной смушковой шапкѣ, изъ-подъ которой, перерѣзывая ему лобъ, свѣсилась прядь ярко-рыжихъ волосъ, въ одной рукѣ онъ держитъ вожди, въ другой — кнутъ и методически хлещетъ имъ разъ по спинѣ лошади и разъ по тѣлу маленькой женщины, и безъ того уже добитой до утраты человѣческаго образа. Глаза рыгаго мужика налиты кровью и блещутъ злымъ торжествомъ...

А сзади телѣги и женщины, привязанной къ ней, валомъ валить толпа и тоже кричить, воевать, свищеть, смѣется, улюлюкаетъ... подзадориваетъ...

А небо, южное небо, совершенно чисто, — ни одной тучки, и съ него лѣтнее солнце щедро льетъ свои жгучіе лучи...

Это называется „выводъ“. Такъ наказываютъ мужа женъ за измѣну; это бытовая картина, обычай, — и это я видѣлъ въ 1891 году 15-го іюля въ деревнѣ Кандыбовкѣ, Херсонской губерніи“.

Какъ ни ужасна описываемая сцена, я все же склоненъ думать, что проявленія неистовой жестокости мужчинъ по отношенію къ провинившимся женамъ или дочерямъ — ибо, согласно Бонифацію, и ихъ постигала, за непотребство, та же участь какъ и женъ, — не были лишены опредѣленнаго благого культурно-историческаго смысла. Ибо беззащитная, и, какъ мы увидимъ ниже, чисто эгоистическая строгость къ женщинѣ имѣла слѣдствіемъ то, что въ праиндо-европейской патриархальной семьѣ, въ противоположность семейнымъ установленіямъ другихъ народовъ, сохранились и чистота крови, и чистота половыхъ нравовъ, параллельно съ укрѣпленіемъ сознанія относительно необходимости блюсти женское и дѣвическое цѣломудріе.

Несомнѣнно, что первые шаги на этомъ пути были очень несовершенны, и представленія объ ихъ значеніи оставались весьма туманны. И то, что каралось мужчиною въ поступкахъ жены и ея любовника, котораго онъ могъ безнаказанно убить (сравни гл. X), было нарушеніе не законовъ цѣломудрія, а законовъ собственности.

Отнюдь нельзя приписывать случайности того факта, что русскій простолюдинъ наказываетъ воровку такъ же, какъ прелюбодѣйку. Мужчина пріобрѣлъ, вѣдь, жену въ собственность и ревниво стоитъ на стражѣ своего исключительнаго пользованія ею. Дочь онъ собирается продать, и знаетъ, что она „не пріумножитъ его стада“, если, цѣло-

мудріе ея окажется съ „изъяномъ“. Что это именно такъ, а не иначе, доказывается фактами: мужъ и отецъ охотно поступаются цѣломудріемъ жены и дочери, если посягательство происходитъ съ его согласія и вѣдома и не въ убытокъ.

Такъ, мы знаемъ о многихъ индо-европейскихъ племенахъ: объ индусахъ, грекахъ, германцахъ, литовцахъ и др., что мужъ, если не былъ въ состояніи произвести на свѣтъ дѣтей, столь необходимыхъ для его земного и небеснаго благополучія, уступалъ жену на время замѣстителю или помощнику. Далѣе, какъ въ Греціи (у лакедемонянъ), такъ и у германцевъ на Скандинавскомъ полуостровѣ, мы наталкиваемся на признаки гостепріимной проституціи, т. е. обычай предоставлять почетнымъ посѣтителямъ пользоваться ложемъ дочери или жены. Возможное въ результатѣ скоропреходящаго сожительства потомство, такъ какъ оно бывало зачато отъ его же собственности и съ его согласія, принималось, очевидно, главой семьи на личную отвѣтственность. Распространенный еще по сей день въ Россіи безнравственный обычай „снохачества“, т. е. сожительства свекра съ живущей подъ одной съ нимъ кровлею снохой, несомнѣнно, представляетъ пережитокъ древности, когда, лицомъ къ лицу съ праиндо-европейскимъ представленіемъ о сущности семьи, снохачество отнюдь не влекло къ трагическимъ послѣдствіямъ: ибо, вѣдь, жены сыновей, наравнѣ съ самими сыновьями, попросту входили въ составъ семейнаго инвентаря, подчиненнаго „*patria potestas*“ [родительской власти] главы дома. „Отець-батюшка честь мнѣ оказалъ“ — сказалъ одинъ русскій крестьянинъ, когда жена его разрѣшилась отъ бремени, несмотря на свыше чѣмъ девятимѣсячное отсутствіе супруга. Свекровь же утѣшаетъ разобиженную сноху, жалующуюся на чрезмѣрное приставанье старика: „что дѣлать, я старуха и больше ужъ не могу пускаться на такія дѣла; ты же должна уважить свекра: онъ всему дому глава, и поить, и кормить тебя изъ милости“. Итакъ, мы видимъ, что первобытная эпоха была еще очень далека отъ представленія о цѣломудріи, какъ о нѣксторомъ требованіи нравственности; такой взглядъ едва лишь намѣчается по отношенію къ женской половинѣ населенія.

Что касается мужчинъ, то мы уже выше приводили слова Цезаря (*De bello Gallico* VI, 21), что германскіе юноши до 20 лѣтъ воздерживались отъ женщинъ. Однако цитированный источникъ тутъ же продолжаетъ, что причина воздер-

жанія ложить въ повѣрѣ, будто дѣвство укрѣпляетъ сухожилья и тѣлесныя силы. Приблизительно то же мы знаемъ о населеніи Гиндукуша: въ военное время мужское населеніе поголовно предается воздержанію, ибо „цѣломудренныя побѣждаютъ“. Другіе народы глубоко увѣрены, что удача на охотѣ или на рыбной ловлѣ зависитъ отъ „соблюденія себя“ во время промысла. Какъ ни примитивны такіе взгляды, однако, они составляютъ уже переходъ къ религіозному [нравственному] цѣломудрію, примѣры котораго среди мужчинъ мы встрѣчаемъ въ сѣверной Европѣ только у еракійскихъ „хѣиста“ [ktistai; сравни слав. „чистый“], считавшихся святыми, потому что у нихъ не было женъ. Среди женщинъ— въ девяти обреченныхъ дѣвству отшельницахъ отъ міра, обитавшихъ среди Атлантическаго океана, на островѣ Сена у береговъ Арморики (Помпоній Мела¹⁾ III, 48). Понятіе „цѣломудрія“ вообще религіознаго происхожденія: нѣмецкое „keusch“ (древне-верхне-нѣмецкое „chüski“ — цѣломудренный), означало, вѣроятно, первоначально то же, что лат. „castus“— „жертвенно-чистый“; русское „цѣломудренный“ имѣетъ церковно славянское происхожденіе.

Обращаясь теперь снова, послѣ экскурсіи въ область важнаго, но мало облѣдованнаго вопроса о начаткахъ цѣломудрія, къ взаимоотношеніямъ мужчинъ и женщинъ въ праиндо-европейскую эпоху, мы становимся лицомъ къ лицу съ предметомъ неоднократныхъ разнорѣчій: было ли въ тѣ времена социальное положеніе женщины выше или ниже современнаго?

Истина, несомнѣнно, въ томъ, что, чѣмъ дальше мы уходимъ въ глубь временъ, чѣмъ ближе подступаемъ къ первобытнымъ индо-европейскимъ бытовымъ установленіямъ, тѣмъ ниже общественное положеніе женщины, тѣмъ явственнѣе взглядъ на нее, какъ на существо низшаго порядка. Такова неприкрашенная правда, въ томъ видѣ, какъ мы по сей день сталкиваемся съ нею среди крестьянскихъ населеній европейскаго востока и юго-востока: у южныхъ славянъ, албанцевъ, русскихъ, литовцевъ, и каковой она была еще недавно, согласно непреложнымъ даннымъ, даже у такъ называемыхъ „культурныхъ націй“, низшіе слои которыхъ продолжаютъ держаться тѣхъ

¹⁾ Римскій писатель I в. по Р. X. Авторъ перваго, пзвѣстнаго намъ въ древности, географическаго сочиненія подъ заглавіемъ «De chorographia» или «De situ orbis». Пер.

же некультурныхъ взглядовъ. Русская крестьянка не можетъ представить себѣ жизнь безъ „ученья“ (отъ „учить“), т. е. мужниныхъ побоевъ. Болѣе того—она стала бы сомнѣваться въ любви мужа, если бы онъ за ту или другую вину не поучилъ ее „шелковою плетью“—неизбѣжнымъ атрибутомъ русскихъ народныхъ пѣсень. Только съ точки зрѣнія бытовыхъ условій, подобныхъ приведеннымъ выше, становится понятнымъ, какимъ образомъ творецъ „пѣсни о Нибелунгахъ“ могъ вложить въ уста Кримгильды, въ гнѣвъ оскорбившей Брунгильду, такія рѣчи о своемъ супругѣ: „О, какъ я раскаялась (въ своемъ проступкѣ)—сказала высокородная жена—онъ [мужъ] такими синяками исполосоваль въ наказаніе мое тѣло! За то, что я словами огорчила тогда ея душу [т. е. оскорбила Брунгильду], храбрый и благородный рыцарь [Зигфридъ, мужъ Кримгильды], жестоко отомстил мнѣ“¹⁾.

Что бы мы сказали, если бы современный намъ поэтъ вздумалъ приписать что-либо подобное прелестной, обаятельной королевѣ-женщинѣ, глубоко любимой своимъ мужемъ?

Южно-славянскій домашній распорядокъ до сихъ возвращаетъ женщинамъ вѣсть за однимъ столомъ съ мужчинами. Отдѣльные обѣды обѣихъ половинъ—черта праисторическая, и подтверждается не только тою же пѣсню о Нибелунгахъ:

— „По обыкновению
Они здѣсь распростились²⁾.
Рыцари и дамы
Разошлись въ разныя стороны“—

но и семейными традиціонными обычаями большинства индоевропейскихъ народовъ: индусовъ, персовъ, армянъ, грековъ, македонянъ, литвы и русскихъ. „Общность ложа и стола“—сравнительно очень недавнее приобрѣтеніе супружескаго права, происхожденіе котораго можетъ быть доказано документально. Изъ всѣхъ древне-европейскихъ народовъ только объ однихъ римлянахъ извѣстно, что женщины до-

¹⁾ Въ переводѣ Кудряшева приведенный отрывокъ переданъ словами:

— Сказала королева: „Я каюсь безъ того:
Ужь сколько приняла я побоевъ отъ него
За то, что мной Брунгильда была оскорблена.
Чего жъ еще? Отважный боець мнѣ отплатилъ сполна“.

Пер.

²⁾ У дверейъ залы гдѣ происходило пиршество. *Пер.*

пускались къ столу мужчинъ. И то, повидимому, допущенію къ столу предшествовало право участія въ праздничныхъ попойкахъ (сравни гл. V).

Хотя мужья въ глубокой древности и не удостоивали женъ быть своими собесѣдницами за столомъ, но это не мѣшало имъ взваливать на спины прекраснаго пола непомерное бремя работъ, вдвойнѣ трудное въ виду частыхъ беременностей. Такъ оно и по сей день осталось на востокѣ и юго-востокѣ Европы. Развѣ можно предполагать иные нравы у прапрадѣдовъ современныхъ нѣмцевъ, если Тацитъ совершенно опредѣленно говоритъ, что: „женщинамъ, старцамъ и слабымъ тѣломъ предоставляются всякія работы по дому и въ полѣ“? Мужчины предавались праздности, прерывавшейся только войною и разбоями, охотой, воинскими упражненіями и попойками. А женщина приравнивалась къ рабочему скоту.

Все имущество принадлежало мужчинамъ. И теперь еще дочери въ Албаніи не могутъ наслѣдовать, а при выходѣ замужъ получаютъ скудное приданое. Въ Россіи, въ патриархальныхъ семьяхъ дочери только тогда наслѣдуютъ отцу, если нѣтъ наслѣдниковъ мужского пола.

Таковыми должны мы считать правовые порядки у всѣхъ праиндо-европейскихъ народовъ. Одинъ древне-индусскій законъ говоритъ, ссылаясь на Веды: „женщины никогда не могутъ созрѣть для независимости. Поэтому онѣ и не могутъ наслѣдовать“. „Мужчина получаетъ наслѣдство, женщина отходить отъ наслѣдства“ — говоритъ сѣверо-европейская юридическая мудрость. „Мы не желаемъ—писалъ Юстиніанъ¹⁾—чтобы, по обычаю варваровъ, только мужчины наслѣдовали отъ родителей, братьевъ и родственниковъ, женщины же были изъяты отъ правъ наслѣдованія. Равнымъ образомъ онѣ не должны быть выдаваемы замужъ безъ приданого, или же покупаемы мужьями въ собственность, что представляетъ собою варварство, понынѣ еще не прекратившееся“.

¹⁾ Юстиніанъ Великій, императоръ Византійскій (527—565 по Р. Х.). Его законодательная дѣятельность выразилась не только въ кодификаціи юридическаго матеріала, завѣщаннаго „непогрѣшимой стариною“ (*inculcabilia antiquitas*) но и въ 154 „новеллахъ“, въ которыя, между прочими, вошли и новыя указанія по части правъ наслѣдованія. *Пер.*

Приведенная праиндо-европейская точка зрѣнія на не- правоспособность женщинъ къ наслѣдованію рѣзко противорѣчитъ тому, что было приведено выше о наслѣдованіи у нѣкоторыхъ древнѣйшихъ неиндо-европейскихъ народовъ нашей части свѣта.

Эта купленная, обремененная работой, обреченная на всякаго рода мученія, исключенная изъ права наслѣдованія жена была желѣзною цѣпью прикована къ мужу. Согласно Бургундскимъ законамъ, „жена, убѣжавшая отъ законнаго мужа, подлежитъ утопленію въ болотѣ“ — позорная казнь, примѣнявшаяся, по Тациту (Германія 12), только по отношенію къ трусамъ, педерастамъ и содомитамъ. И наоборотъ, мужу очень легко развестись съ женой—„отнять у нея ключи“—если только онъ войдетъ предварительно въ сдѣлку съ роднею, у которой онъ въ свое время купилъ жену. „Отнять ключи—*claves adimere*“—древнѣйшій юридическій терминъ, встрѣчающійся уже въ законахъ XII таблицъ.

Поэтому для несчастной, желающей освободится отъ своего истязателя, оставалось одно средство—убійство. И, какъ въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ, хранящихъ съ потрясающею правдою подробности древнѣйшаго семейнаго быта, одною изъ любимѣйшихъ темъ служитъ отравленіе или удушеніе [изводъ] нелюбимаго мужа, такъ и во всѣхъ концахъ праиндо-европейскаго міра звучитъ печальная повѣсть о посягательствахъ женъ на жизнь мужей. Въ 329 году до Р. Х. въ одномъ только Римѣ пытались ядомъ отдѣлаться отъ нелюбимыхъ мужей не менѣе 170 матронъ [т. е. женщинъ, принадлежавшихъ къ среднему и высшему кругу].

И все же удѣлъ женщины при жизни мужа былъ лучше, чѣмъ послѣ его смерти. Дельбрюку принадлежитъ очень тонкое наблюденіе ¹⁾, что въ праиндо-европейскомъ словарѣ имѣлось собственно названіе только для вдовы, вдовецъ же представляетъ терминъ, выработавшійся впоследствии. Дѣло въ томъ, что положеніе вдовства имѣло значеніе исключительно для женщины. Не только въ древней Индіи, но и во всей Европѣ—у скизювъ, еракійцевъ, славянъ и нѣкоторыхъ германскихъ народовъ—существовалъ обычай,

¹⁾ Нѣмецкій филологъ, профессоръ сравнительнаго языковѣдѣнія и санскрита въ Іенѣ. Ссылка относится къ его „*Ueber die indo-germanischen Verwandtschaftsnamen*“, 1889. („Индо-германскіи названія родства“). *Пер.*

въ силу котораго одна изъ женъ умерщвлялась на кострѣ или на могилѣ мужа и хоронилась вмѣстѣ съ нимъ, чтобы служить ему въ потустороннемъ мірѣ. Тамъ же, гдѣ обычая вдовубійства не было (возможно, что и вообще заботы о снабженіи покойниковъ женской лаской и услугой соблюдались только среди знати), тамъ закономъ воспрещалось вдовамъ вторичное замужество (Тацитъ, гл. 19: „нѣсколько лучше положеніе [вдовъ] у тѣхъ народовъ, у которыхъ замужество разрѣшено однимъ дѣвицамъ“). Вдову терпѣли, какъ неизбѣжное зло, въ домѣ сына или родственниковъ мужа. Случалось также, что по смерти отца сынъ бралъ въ жены мачеху. Соответствующія указанія имѣются о пруссахъ и литовцахъ. На германской почвѣ свидѣтельствуется о томъ же Прокопъ (De bello Got. IV, 20), обвиняя называющій женитьбу сына на мачехѣ „отеческимъ обычаемъ“ („väterliche Sitte“). Таково было правовое положеніе женщины „въ доброе старое время“. Нельзя, конечно, отрицать, что бывали случаи, когда личное чувство и привычка шли въ разрѣзъ съ буквою закона и смягчали его черствый смыслъ. Уже тогда, на мрачномъ фонѣ прошлаго, тамъ и сямъ замѣтны были проблески зари, послужившіе какъ бы исходными точками для послѣдующаго побѣдоноснаго натиска женской эмансипаціи во всемъ культурномъ мірѣ.

Правда, и по сей день, говоря въ присутствіи постороннихъ лицъ о женѣ и дочеряхъ, черногорецъ проситъ извиненія, что злоупотребляетъ вниманіемъ гостя, занимая его столь нестойкими и вздорными вещами. Однако въ борьбѣ съ народными врагами тѣ же женщины оказываютъ ему незамѣнимыя услуги, подвозя продовольствіе и боевыя припасы, ободряя сражающихся подъ градомъ пуль, подбирая и первывывая раненыхъ и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ славянскихъ земляхъ за женщиной установилась повсемѣстно репутація знахарки, умѣющей пользоваться тайными силами природы, знающей цѣлебныя свойства корней и травъ и наиболѣе дѣйствительные заговоры и заклинанія. Не то ли было у германцевъ, о которыхъ пишетъ Тацитъ? „Къ матерямъ и женамъ идутъ они со своими ранами, а тѣ безбоязненно осматриваютъ и лечатъ поврежденія“ (Германія, гл. VII) „Пищу и подкрѣпленіе носятъ онѣ сражающимся“. „Они думаютъ даже, что женщинамъ присуща святость и даръ предвидѣнія: поэтому они не пренебрегаютъ ихъ со-

вѣтами и внимательно прислушиваются къ отвѣтамъ“ (гл. VIII). Итакъ, даръ предчувствія и заботливость, лежащія въ натурѣ женщины, были какъ бы рычагомъ, послужившимъ къ ихъ освобожденію отъ воистину безотраднато, съ юридической точки зрѣнія, положенія. Подъемъ въ положеніи женщины начался у отдѣльныхъ индо-европейскихъ народовъ разновременно, въ строгомъ соотвѣтствіи съ культурно-бытовой исторіей каждаго: у грековъ раньше, чѣмъ у римлянъ, у германцевъ раньше, чѣмъ у славянъ. Величайшее значеніе въ дѣлѣ уравниенія женскихъ правъ имѣло постепенное сліяніе двухъ видовъ семьи: отцовской и материнской, начавшееся еще въ до-историческое время, какъ мы увидимъ изъ послѣдующаго изложенія.

3. Домашній очагъ.

Выше мы видѣли, что родственная терминологія индо-европейцевъ включала также названія для различныхъ степеней свойства. Такъ, существовали отдѣльные термины для жены сына [русск. „сноха“], для родителей мужа [русск. „свекоръ“ и „свекровь“], для братьевъ и сестеръ мужа [русск. „деверья“ и „золовки“] и для женъ братьевъ [русск. „невѣстки“]. Послѣднія три названія [деверья, золовки и невѣстки], по самому существу, могутъ относиться только къ роднѣ мужа; если же вникнуть въ смыслъ индо-европейскихъ обозначеній для нѣмецкаго „Schwiegervater“: (германское „Schwäher“ древне-верхне-нѣмецкое „svēhur“, лат. „socer“, греч. „ἐχὸρός“ (hekypós), древне-слав. „свекръ“, литовск. „szesziùras“ и древне-инд. „çvāçura“) и для нѣмецкаго же „Schwiegermutter“: (современное нѣмецкое „Schwieger“, древне-верхне-нѣмецкое „svigar“, лат. „socrus“, греч. „ἐχὸρά“ (hekypá), древне-славянское „свекры“ (свекровь), армянское „skesh“ и древне-инд. „çvāçrú“),—то станетъ ясно, что и они могли первоначально примѣняться только къ родителямъ мужа.

Ибо и въ греческомъ, и въ армянскомъ, и въ литовскомъ, и въ славянскихъ языкахъ указанное примѣненіе названія къ родителямъ мужа есть единственно правильное и первоначальное. Если же нѣмецкія „Schwäher“ и „Schwieger“ и латинскія „socer“ и „socrus“ стали въ послѣдствіи относиться также къ родителямъ жены, то мы имѣемъ здѣсь дѣло съ позднѣйшимъ приспособленіемъ. Ибо, если-бы упо-

требленіе вышеназванныхъ словъ въ двойкомъ значеніи восходило до праязыка, то было-бы совершенно необъяснимо, какимъ образомъ, послѣ распаденія лингвистическаго единства, четыре большія языковыя и племенные группы, одновременно и независимо одна отъ другой, вполне согласно пришли къ употребленію указанныхъ терминовъ только въ смыслъ родни мужа. Если же допустить, что неупотребленіе въ праязыкѣ вышеприведенной параллели [„socer“, „socrus“, „ἐχὸρός“, „ἐχώρα“ и т. д.] въ двойкомъ значеніи компенсировалось соотвѣтственнымъ рядомъ терминовъ для родни по женѣ, то было бы опять-таки непонятно, почему первые сохранились, вторые же совершенно утратились. Равнымъ образомъ нельзя доказать существованія въ праязыкѣ слова, соотвѣтствующаго нѣмецкому „Schwiegersohn“ [зять]. Въ отдѣльныхъ языкахъ замѣчается большое, въ данномъ отношеніи разнообразіе. То онъ называется „женихомъ“ (греч. „γαμβρός“ [gambrós] отъ „γάμος“—свадьба, женитьба), то „связаннымъ клятвой“ (нѣм. „Eidam“, отъ „Eid“—клятва, присяга), то „производителемъ потомства“ (лат. „gener“, отъ „gigno“—рождаю, произвожу). Оно и понятно: если я не нуждаюсь въ опредѣленныхъ названіяхъ для родителей моей жены, то и у нихъ не можетъ быть основанія давать мнѣ какую-нибудь особую кличку. Единственно допустимое отношеніе сводилось, вѣроятно, къ тому, что мужчина, купившій и принявшій въ свой домъ жену, уже въ праиндо-европейское время считалъ родителей дѣвушки вмѣстѣ со всей ихъ родней, или „союзниками“ (сравни древне-индійское „bāndhu“—родня греческое „πενθερός“ [pentheros]—тесть—съ „binden“, „bintan“—связывать); или „сосѣдями“ (греч. „προσέκοντες“ [prosékontes], лат. „affines“), или же „друзьями“; иногда давалъ имъ ласкательныя имена (напр. слав. „тесть“ и „теща“, созвучныя съ греч. „τέττα“—батюшка).

Итакъ, индо-европейскія обозначенія для „свойства“ (привычной родни) получили исключительно одностороннее развитіе, охвативъ собою только родню мужа. Единственное исключеніе, сводящееся къ соотвѣтствію древне-сѣвернаго „svilar“ греческому „ἀέλιοι (aélíoi)—свойки,—не можетъ быть принято въ расчетъ, ибо первоначальное значеніе приведенныхъ словъ могло быть „братья, женившіеся на родныхъ сестрахъ“. Въ качествѣ подходящей почвы для развитія и процвѣтанія приведенной выше терминологіи родства мы можемъ представить только ту разновидность семьи, которая

опредѣляется терминами: „патріархальная семейная община“, „родъ“, „семейный союзъ“ или „большая семья“, т. е. территориальное общежитіе отцовъ съ сыновьями и даже съ внуками, въ свою очередь уже вступившими въ бракъ. Отнюдь не случайность, если славяне, наиболѣе свято изъ всѣхъ индо-европейцевъ чтущіе и соблюдающіе всѣ отношенія родства, являются въ то же время племенемъ, въ нѣдрахъ котораго сохранились въ наибольшей неприкосновенности всѣ виды семейныхъ общинъ, существовавшихъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней.

Въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ выходящая замужъ дѣвушка называетъ свою семью „родной“, отъ „родъ“; семью же, въ которую выходитъ, „чужою“ [„чужая сторона“, „на чужу сторону“]. Суженый называется въ пѣсняхъ „чужениномъ“ или „чужимъ молодцомъ съ чужой стороны“; себя же дѣвушка называетъ „невѣстой“, что означаетъ, по всей вѣроятности, „неизвѣстную“ [незнакомку]. Въ пѣсняхъ звучитъ воспоминаніе о временахъ, описываемыхъ въ лѣтописи Нестора:

„Подемъ же жившемъ особѣ и володѣющемъ роды своими и живяху кажды со своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще каждо родомъ своимъ“.

Покупкою или уводомъ, вополнѣ умѣстнымъ при тогдашнихъ нравахъ, дѣвушка переходила изъ своего рода въ чужой, вступая въ рядъ новыхъ узъ съ роднею своего мужа, увѣковѣченныхъ въ вышеприведенной родственной терминологіи.

Такъ называемая „большая семья“, или патріархальная община, объединенная общимъ очагомъ и общимъ домомъ, составляла достояніе не однихъ только славянъ, но всѣхъ безъ исключенія индо-европейцевъ. Она предшествовала не только парной семьѣ, но и встрѣчавшемуся у нѣкоторыхъ изолированныхъ племенъ обычаю перехода мужа въ родовую группу жены. Доказательства тому мы увидимъ ниже, при обзорѣ взаимоотношеній главныхъ дѣйствующихъ лицъ семьи: 1) родителей и дѣтей; 2) братьевъ и сестеръ; 3) дяди и племянника; 4) свекрови и снохи; 5) холостяка. Конецъ отдѣла будетъ посвященъ разсмотрѣнію условій полового сожитія въ стѣнахъ древней патріархальной семейной общины.

1) *Родители и дѣти*. Во второмъ отдѣлѣ настоящей главы [мужъ и жена] мы познакомились съ полнотою власти

индо-европейскаго „*rotis“, или „самого“, по отношенію къ женѣ. Власть была такъ велика, что въ сознаниі праисторическаго человѣка не вмѣщалось представленіе о супружеской четѣ, какъ о двухъ равноправныхъ, соединенныхъ брачными узами существахъ. Иѣчто подобное имѣло, вѣроятно, мѣсто и по отношенію къ родителямъ, для которыхъ въ индо-европейскихъ языкахъ нѣтъ обобщающаго праисторическаго термина для выраженія соответствующаго понятія. Ближе всего подходит, вѣроятно, къ праисторической точкѣ зрѣнія Ульфила, употребляя тамъ, гдѣ слѣдовало бы сказать „родители“, слово „fadrein“, обозначающее, собственно, „отцовство“, скрытно вмѣщающее въ себѣ, конечно, представленіе о материнскомъ существѣ. Въ сущности „fadrein“, по концепціи, аналогично съ выше уже упоминавшимся древне-индійскимъ „pativá“ въ значеніи „супружество“. Неограниченная власть отца надъ дѣтьми начиналась съ момента ихъ рожденія, когда отецъ либо признавалъ ребенка своимъ и символически принималъ его въ свои объятія, либо же отвергалъ, уклоняясь отъ этого обряда. Отверженное отцомъ дитя обрекалось на смерть выставленіемъ [въ полѣ или въ лѣсу]. „Выставленіе“ можетъ быть констатировано въ нравахъ всѣхъ индо-европейскихъ народовъ и часто практиковалось у грековъ и римлянъ. Историческія преданія о выставленіи и позднѣйшемъ чудесномъ спасеніи повторяются въ сказаніяхъ о Кирѣ, основателѣ Персидскаго царства, и о Ромулѣ и Ремѣ, основателяхъ Рима, вскормленныхъ выжлицей или волчихой. Возможно, что и тѣ и другія легенды основаны на фактахъ, относящихся къ праиндо-европейскому прошлому.

Особенно часто выставленіе выпадало на долю дѣвочекъ, рожденіе которыхъ приравнивалось у всѣхъ праиндо-европейскихъ народовъ къ „несчастію“. Взглядъ этотъ до сихъ поръ удержался на европейскомъ востокѣ и юго-востокѣ. Женщина, рождающая только дѣвочекъ, считается у албанцевъ плохой женой и послѣ смерти мужа изгоняется изъ его дома. Въ русской деревнѣ односельчане не на шутку избиваютъ супруга, жена котораго родитъ ему первенца-дѣвочку, а не мальчика. Если спросить литовца, у котораго три мальчика и двѣ дѣвочки, сколько у него дѣтей, онъ отвѣтитъ „трое“, т. е. дѣвочки въ счетъ не идутъ. Такое пренебреженіе къ дѣвочкамъ могло бы казаться страннымъ, такъ какъ, при выдачѣ замужъ отецъ получалъ за нихъ хорошее вѣно. Но дѣло въ томъ, что вѣчныя войны, разбои и распри, ко-

торами заполняются праисторическія судьбы народовъ, до такой степени уменьшали мужское населеніе, что женскій полъ численно подавлялъ мужчинъ. Поэтому сынъ являлся незамѣнимымъ для отца благомъ: и какъ рабочая сила, и какъ мститель (гл. X), и какъ молещикъ за упокой отцовской души (гл. XI). То, что Цезарь говоритъ о галлахъ (VI, 19):— „мужчины имѣютъ власть жизни и смерти надъ женами и дѣтьми“, и что безъ оговорокъ и ограниченій равно примѣнимо и къ древнимъ германцамъ и къ древнимъ римлянамъ, должно разсматриваться, какъ обще-пра-индо-европейское обычное право, источникъ и точный прообразъ древнеримской „Patria potestas“. Какъ ни велика пропасть между древне-римскимъ патриціемъ и русскимъ крестьяниномъ—такимъ, какимъ онъ изображается въ народныхъ пѣсняхъ и побасенкахъ—но въ отношеніи полноты власти надъ третними членами подчиненной имъ семьи, оба стоятъ на одной высотѣ.

То же и въ имущественномъ отношеніи. Какъ римскій „pater familias“ былъ единственнымъ собственникомъ всего родового имущества, такъ и въ Россіи, все, что вырабатываютъ сыновья въ домѣ или внѣ дома, идетъ въ общую кассу, безконтрольное вѣданіе которой принадлежитъ „старіку“ [самому]. То же въ армянскихъ общинныхъ семьяхъ. Въ одномъ лишь можно отмѣтить существенную разницу между историческимъ римскимъ „pater familias“ и праиндо-европейскимъ „*pótis“. Первый—несмѣняемъ. Глава же праиндо-европейской семьи въ случаяхъ старческой дряхлости или болѣзненности бывалъ вынужденъ изъ „*demsptótis“ обратиться про то въ сочлена семьи и уступить власть болѣе сильному брату или сыну.

Понятно, что семейная община, сплоченная вокругъ одного и того же очага, немислима безъ дѣдовъ и бабокъ, прадѣдовъ и прабабокъ (готск. „awô“—бабка; древне-сѣверное „áe“—прадѣдъ; нѣм. „Ahne“ [предокъ], древне-верхне-нѣмецкое „apo“ [дѣдъ] и „ana“ [бабка]; лат. „anus“—старуха и древне-прусское „ane“—бабка); сюда нужно еще причислить внучатныхъ дядьевъ и тетокъ, жившихъ на стариковскихъ и старушечьихъ пайкахъ. Судьба всѣхъ этихъ престарѣлыхъ членовъ семьи едва ли была счастливою. Изъ всѣхъ концовъ Азіи и Европы, относительно народовъ безусловно индо-европейскаго происхожденія, какъ напр. о херулахъ и древнихъ пруссахъ, имѣются достовѣр-

ныя свѣдѣнія, что въ години народныхъ бѣдствій, въ особенности же голодоевъ, стариковъ попросту „убирали“. Часто же они сами налагали на себя руки. И они дѣлали это тѣмъ легче, что на низшемъ культурномъ уровнѣ смерть далеко не такъ страшить людей, какъ на высшемъ. При томъ наивному міросозерцанію первобытныхъ временъ отнюдь не претило воздавать впослѣдствіи подобающее поклоненіе тѣмъ самымъ „предкамъ“ (гл. XI), которыхъ незадолго до того прикончили насильственной смертью—иногда по взаимному уговору и съ ихъ же согласія.

2) *Братъ и сестра.* Изъ числа младшихъ представителей праиндо-европейской семейной общины необходимо посвятить нѣсколько словъ взаимоотношеніямъ сестеръ и братьевъ. Мы уже видѣли выше, что индо-европейцы принадлежали, вѣроятно, къ народамъ, придававшимъ извѣстную цѣнность добрачной непорочности дѣвушекъ, чѣмъ отличались отъ древнѣйшихъ туземцевъ Европы. Хранителемъ сестриной добродѣтели, отвѣтственнымъ, нѣкоторымъ образомъ, за ея цѣломудріе, являлся братъ. Уже въ пѣсняхъ Ригведы проводится параллель между утреннею зарею, обнажающею перси свои передъ смертными, и дѣвушкою, у которой нѣтъ брата, почему она беззащитнѣйшій отдается мужчинѣ. Въ полномъ согласіи съ индійскими взглядами находится свадебный бѣлорусскій обычай, въ силу котораго брату новобрачной (такъ же, какъ отцу) надѣвается недоуздокъ, если окажется, что невѣста потеряла невинность ранѣе брачной ночи. Въ недоуздекъ братъ (и отецъ) должны садиться за свадебный столъ. Въ особенности же смерть отца ставитъ сестру подъ опеку братьевъ.

Въ пѣснѣ о Нибелунгахъ поется:

„Ir pflegen dri künige edel unde rich
diuf rouwe was ir swester: die helde hêtens in ir pflegen“¹⁾

¹⁾ Т. е. дословно:

„Опекали ее три короля, благородныхъ и богатыхъ,

Женщина была имъ сестрой: витязи имѣли ее подъ опекой“.

Въ переводѣ М. И. Кудряшева, приведенный отрывокъ переданъ такими стихами:

4. „ Три короля дѣвицу хранили отъ невзгодъ:

Достойный витязь Гунтеръ и удалой Гернотъ,

И самый младшій Гизельхеръ, отборный витязь тоже,

Князья пеклись всѣ трое объ ихъ сестрѣ родной, пригожей“.

Пер.

Судя по русскимъ народнымъ пѣснямъ, братъ игралъ выдающуюся роль также при переговорахъ о куплѣ-продажѣ сестры передъ сговоромъ. Да и вообще нужно замѣтить, что у праиндо-европейцевъ любовь къ сестрѣ противопологалась любви къ женѣ и преобладала надъ нею, что особенно ярко проявляется на латышско-литовской почвѣ. Этотъ вопросъ заслуживалъ бы болѣе внимательнаго разсмотрѣнія. Суть въ томъ, что на сестру смотрѣли, какъ на кровь отъ крови брата, а на жену, какъ на чужую. Совеѣмъ какъ въ присказкѣ о томъ вестфальскомъ поселенинѣ, который послѣ похоронъ жены такъ утѣшалъ дѣтей: „довольно плакать, дѣти; теперь мы всѣ здѣсь—свои люди; а мать вѣдь, какъ-никакъ, была чужого рода-племени“. Образъ мыслей анекдотическаго вестфальца вполнѣ праисторическій и точка въ точку совпадаетъ съ отвѣтомъ Эриннй въ трагедіи Эсхила „Эвмениды“, стихъ 605 ¹⁾, на вопросъ Ореста, отчего онѣ не преслѣдуютъ Клитемнестру:

„Не была она единокровной мужу,
Котораго убила“...

3) *Дядя и племянникъ*. Само собою разумѣется, что къ сожителямъ большой семьи принадлежали также братья отца со своими женами. Индо-европейскій терминъ для означенной степени родства содержится въ нѣмецкомъ „Vetter“ [двоюродный братъ], древне-верхне-нѣмецкомъ „fatureo“. Первоначально онъ употреблялся въ смыслѣ „братъ отца“, лат. „patruus“, греч. πατήρ (pátros), древне-инд. „pitrva“. Обще-индо-европейскаго названія для брата матери, который не могъ жить въ патриархальной общинѣ, не существуетъ. Равнымъ образомъ, нѣтъ его и для сестеръ отца, въ молодыхъ годахъ выходявшихъ замужъ въ чужія семьи. Тѣмъ не менѣе, во всѣхъ языкахъ въ отдѣльности дѣлается рѣзкое различіе между братьями отца и братьями матери. Такъ, въ древне-индійскомъ „pitruva“—братъ отца; „matulá“—братъ матери; соотвѣтствующія названія въ греческомъ „πατήρ; μητήρ“ (métrōs); въ латинскомъ „patruus; avunculus“; въ древне-верхне-нѣмецкомъ „fatureo; oheim“ въ литовскомъ „dėdis; avunas“; въ древне-славянскомъ „срѣдній: вуй“. Всѣ эти названія вполнѣ отвѣчаютъ потребности отмѣтить различіе

¹⁾ Эриннй или Эвмениды—богини-мстительницы греческой мифологіи. *Пер.*

между родней по отцу и по матери. Частью различіе въ терминологіи простирается и на женскую родню; напр., латинскія „amita“ [тетка по отцу] и „matertera“ [тетка по матери]; въ томъ же значеніи нѣмецкія „Base“—(древне-верхне-нѣм. „basa“) и „Muhme“ (древне-верхне-нѣм. „mu oма“), старославянскія: „стрина“ и „тетка“.

Весь вышеприведенный кругъ названій, какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ условіямъ патриархальной или агнатной родовой общины, каковою была, въ чемъ мы убѣдились выше, праиндо-европейская семья. Но въ нѣкоторыхъ языкахъ можно отмѣтить замѣчательную особенность въ терминологіи для матерняго брата. А именно, не менѣе, чѣмъ въ пяти лингвистическихъ областяхъ, терминологія, относящаяся къ брату матери, замѣчательно согласно, но въ каждой на свой ладъ, производится отъ индо-европейскаго названія для „дѣда“: „avos“ (лат. avus); если же не производится теперь, то, во всякомъ случаѣ, носила прежде всѣ признаки подобнаго происхожденія. Между тѣмъ несомнѣнно, что „avus“ обозначало первоначально только „дѣда по отцу“ и лишь впоследствии перенесено и на дѣда по матери. Происшедшіе отъ „дѣда“ (avus) названія для „дяди“ слѣдующія: лат. „avunculus“, древне-верхне-нѣм. „ôheim“, литовск. „awûnas“, древне-прусское „awis“, древне-славянское „уй“ [вуй], средне-киммерійское „ewithr“. Какі объяснить указанную странность? Ключъ къ ней даетъ, можетъ быть, нѣм. „Oheim“. Филологи производятъ „Oheim“ отъ прагерманской его формы „*avun-chaima-s“, обозначающей „живущаго въ домѣ (нѣм. „Heim“, готск. „haims“) дѣда по матери“. Объясненіе лингвистически совершенно правильное, но исторически мало говорящее.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло, если, вмѣсто несуществующаго въ германскихъ языкахъ „avus“ [дѣдъ], производить „Oheim“ отъ готскаго „awô, awôns“ — бабка (слово склонявшееся, можетъ быть, первоначально „awô, *awinis“, по образцу лат. virgo, virginis); тогда „Oheim“ значило бы „живущій въ домѣ бабки“. Передъ нашими глазами возникаетъ картина семьи матриархальной, въ которой „дѣти, рожденныя женщиной, остаются въ родѣ матери, т. е. находятся подъ надзоромъ и во власти брата бабки [дядя—дѣдъ] или братьевъ матери [дядьевъ], и по нимъ наследуютъ“. „Oheim“, обозначало бы при такомъ истолкованіи и дядю—дѣда (брата бабки по матери), и брата матери. Посмотримъ, примѣнимо-

ли подобное же объяснение и къ остальнымъ названіямъ для брата матери. Начнемъ съ лат. „avunculus“, переводимаго дословно „малый дѣдъ, дѣдушка“, и рассматриваемаго, какъ уменьшительная форма. Допустимъ, что это, дѣйствительно, уменьшительная форма; но отъ какого слова? Конечно, не отъ лат. „avo-s“ — дѣдъ; скорѣе, если присмотрѣться къ уменьшительному „homunculus“ [человѣчекъ] отъ „homo, hominis“, то отъ гипотетическаго латинскаго-же „*avō“, „*avinis“. Предполагаемое, угасшее впоследствии, существованіе послѣдняго слова подтверждается кельтскимъ „*avon-têr“ и киммер. „ewythr“. Рѣшить безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, что „*avō“, „*avinis“ значило то же, что „avus“, было бы слишкомъ голословно; при различіи корней нельзя бы даже назвать такое заключеніе наиболѣе правдоподобнымъ. Если же добиваться смысла „*avō“, „*avinis“ путемъ сопоставленія и аналогій, то въ восходящихъ степеняхъ мужской родни по матери наткнемся на лицо, которое римляне называли „magnus avunculus“ (великій дядя—дядя-дѣдъ): „братъ бабки“ [по матери]. При допущеніи тождественности „*avō“— „*avinis“ и „magnus avunculus“, для „avunculus“ безъ „magnus“ осталось бы весьма подходящее и мѣткое обозначеніе степени родства, переводимое приблизительно словами „Kleiner Grossoheim“ [малый дядя—дѣдъ]. Соответствующія, — въ кельтскомъ „*avon-têr“ (первоначально „*avon-ter“ и лишь впоследствии примкнувшее къ суффиксу „têr“. обозначающему родственность) и въ кимр. „ewythr“ — значили-бы въ такомъ случаѣ „нѣчто въ родѣ дяди—дѣда“. Послѣднее по образцу латинскаго „mâter-terga“, въ значеніи „мачеха“, и въ дословномъ переводѣ „нѣчто въ родѣ матери“. Что касается, наконецъ, литовско-славянскихъ формъ—древне-прусской „avis“ и старо-славянской „уй“ [вуй]—то для объясненія ихъ происхожденіе можно исходить изъ первообразной формы „*avijâ“ [лат. „avia“—бабка], съ обращеніемъ женской формы въ мужскую, т. е. въ „уй“ и „avis“. Литовское „авунас“ составило бы переходъ къ обще-индо-европейской формѣ „*avi“—бабка. Такимъ образомъ, кельтско-славянскія обозначенія, соответствующія нѣмецкому „Oheim“, приводятъ насъ къ тому же: „принадлежащій къ роду бабки“, т. е. „дядя—дѣдъ“, или „дядя по матери“.

Если это такъ, то мы имѣемъ дѣло съ несомнѣнными доисторическими пережитками матриархальной, но не индо-европейской семьи, вліяніе которой прежде всего обнаружи-

вается у германцевъ, затѣмъ у римлянъ, кельтовъ и народовъ литовско-славянскаго происхожденія. Къ этимъ пережиткамъ относится и обычно цитируемое мѣсто изъ Тацита (Германія, XX): „сыновья сестеръ въ такой же чести у дяди по матери, какъ и отца. Нѣкоторые считаютъ родство по матери даже болѣе близкимъ и священнымъ (нежели родственныя узы, связывающія сына съ отцомъ), и, при требованіи заложниковъ, предпочитаютъ сыновей сестеръ, якобы съ цѣлью прочтѣе и въ болѣе широкой степени сдержатъ настроеніе семьи“¹⁾).

Возможное, такимъ образомъ, вліяніе первобытнаго, жившаго въ матриархатѣ населенія Европы не могло, однако, существенно измѣнить патриархальный строй древне-германской семьи, какъ можно заключить изъ находящихся у того же Тацита данныхъ о правахъ наслѣдованія: „несмотря на то (т. е. вопреки сохранившимся остаткамъ права материнскаго), дѣти считаются прямыми наслѣдниками и потомками отцовъ. Если нѣтъ дѣтей, то наслѣдство переходитъ, въ порядкѣ постепенности, къ роднымъ братьямъ [наслѣдодателя], затѣмъ къ братьямъ его отца, и затѣмъ уже къ братьямъ матери“. Насколько мнѣ извѣстно, доселѣ еще никѣмъ не было отмѣчено, что древне-германскій порядокъ наслѣдованія во всемъ согласенъ съ постановленіями „Русской Правды“, устанавливающими порядокъ преемственности въ исполненіи долга кровавой мести: „Оубьетъ моужь моужа, то мститъ братоу брата, или сынови отца, либо отцю сына, или братоучадоу, либо сестриноу сынови“. (Правда Роськая. Списокъ Академическій, 1).

Такимъ образомъ права наслѣдованія тѣсно переплетаются съ обязательностью мести: „кто мститъ, тотъ и наслѣдуетъ; кто наслѣдуетъ, тотъ мститъ“. Изъ „Русской Правды“ ясно, что когнатное родство (черезъ сестру), хотя признается обоими народами [славянами и германцами], но упоминается въ хвостѣ агнатнаго. Поэтому я полагаю, что правовое представленіе о братѣ матери было чуждо праиндоевропейскому народу и сложилось въ Европѣ въ сравнительно поздній періодъ, подъ вліяніемъ неиндоевропейскихъ матриархальныхъ народностей. Для индусскаго „mātulá“

¹⁾ Т. е. связать семью въ политическомъ отношеніи — въ смыслѣ союзовъ, мирныхъ договоровъ, международныхъ обязательствъ. Пер.

позднѣйшее нарощеніе культурнаго значенія не подлежитъ сомнѣнію.

Послѣдствіемъ такого процесса нарощенія явилась ниже-слѣдующая лингвистическая непослѣдовательность: вновь возникшія понятія о дѣдѣ по матери и о дядѣ по матери втянули въ кругъ своихъ представленій древній индо-европейскій терминъ для внука—древне-инд. „*pārāt*“, лат. „*peros*“ и навязали ему побочное значеніе племянника по женской линіи, нѣм. „*Neffe*“. — Дядя и племянникъ по матери („*Oheim*“ и „*Neffe*“—братъ и сынъ сестры) являются въ результатѣ завершившейся ассимиляціи чѣмъ-то въ родѣ двойственнаго существа, крѣпко соединенной „пары“ народныхъ нѣсенъ кельтскихъ и германскихъ странъ, въ особенности же цикловъ англо-саксонскаго и датскаго, и совершенно отодвигаютъ на задній планъ дядю и племянника по отцовской линіи ¹⁾). Мы даже совсѣмъ не знаемъ, какъ называли другъ друга въ предѣлахъ праиндо-европейской семейной общины братья отца и дѣти брата, а также дѣти родныхъ братьевъ. Наболѣе вѣроятнымъ кажется предположеніе, что они безъ всякаго разбора назывались „сыновьями“, „дочерьми“, „братьями“ и „сестрами“. Чрезвычайно интересно въ данномъ отношеніи, несомнѣнно, восходящее къ глубокой древности русское выраженіе „племянникъ“, смыслъ котораго: „принадлежащій къ роду, къ племени“ (смотри „племя“, гл. IX).

4). *Свекровь и сноха*. Сынъ вводитъ молодую жену въ отчій домъ, чтобы жить съ ней среди своихъ. Обратное—т. е. когда молодой человѣкъ, женись, вступаетъ въ семью невѣсты—хотя и случается, какъ мы увидимъ ниже изъ наличности соотвѣтствующихъ выраженій почти у всѣхъ народовъ, однако, должно разсматриваться, какъ нѣчто исключительное, а въ условіяхъ доисторическаго прошлаго индо-европейцевъ и вовсе неприемлемое. Съ культурно-бытовой стороны обычай пріобщаться къ семьѣ жены имѣетъ нѣчто общее съ кабалою зятя взамѣнъ уплаты за жену (выслугой жены), практиковавшеюся въ героическое время въ Греціи; соотвѣтствующіе этимъ отношеніямъ термины; у ново-грековъ „*σώγαμβρος*“, (*soгамброс*), зять взятый въ домъ“ у русскихъ „примазъ“ или „влазень“ (влачій), у сербовъ „вдомникъ“ „*domaget*“, у литовцевъ „подтопникъ“ (о второмъ

¹⁾ Польское „*stryj*“ и „*brataniec*“ Пер.

мужъ вдовы, принятомъ въ домъ перваго). Въ современной Европѣ есть только одинъ народъ, всегда берущій зятя въ семью жены,—цыгане.

Пріемъ въ новомъ домѣ, т. е. въ домѣ родителей мужа, не всегда радостенъ для молодой жены. Правда, уже въ Ригведѣ ¹⁾ встрѣчаются такіе посулы новобрачной:

„Суди и ряди въ домѣ: свекровь и невѣстки, деверья и золовки—всѣ равно въ твоей власти“.

Но русскія народныя пѣсни показываютъ, что пожеланія Ригведы, если и исполнимы, то послѣ крайне упорной борьбы: ибо всѣ члены новой семьи считаютъ своимъ долгомъ изводить чужачку. Свекръ бранится „медвѣдицей“, свекровь „людоѣдицей“, деверь „расташидомкой“ и золовка „валявкой“ ²⁾. То же выпало въ удѣлѣ Еленѣ (Иліада, XXIV, 769) когда она,—конечно, при нѣсколькихъ отягчающихъ вину обстоятельствахъ—вступила въ домъ Пріама. Только деверь Гекторъ принялъ ея сторону.

У нѣкоторыхъ народовъ, напр., у армянъ, на новобрачную налагается даже обѣтъ молчанія до рожденія перваго ребенка. Во всѣхъ отношеніяхъ отъ нея требуется строгая сдержанность. Уже у древнихъ индусовъ—вѣроятно, во избѣжаніе того, что извѣстно подъ именемъ „снохачества“—молодой строго воспрещается вступать въ разговоры со свекромъ. И взваливаются на нее работа за работой. Свекръ (въ русской пѣснѣ) посылаетъ ее молотить и сушить хлѣбъ въ овинѣ; свекровь—бѣлить полотно, носить воду въ студеную зиму и зелено-вино изъ подвала; деверь велитъ сѣдлатъ „добраго коня“, а золовка „заплетать себѣ косы“. Но настоящей мучительницей снохи является свекровь, часто „съ шелковой плетью“ въ рукахъ. И подобно тому, какъ

¹⁾ Одна изъ четырехъ «Ведъ»—священныхъ книгъ древнихъ индусовъ (Ригведа, Яджурведа, Самаведа и Атхарваведа); названіе ея обозначаетъ «Веда гимновъ»—«мудрость (знаніе) гимновъ» (отъ санскр. «veda»—знаніе; общ. кор. «veid—вѣдѣти—знать»). *Пер.*

²⁾ Сборникъ русскихъ пѣсней Соболевскаго, Т. II.

Уже свекоръ говоритъ:
«Да намъ медвѣдицу ведутьъ»
Какъ свекровь-то говоритъ
«Людоѣдицу ведутьъ»;
Какъ деверья говорятъ:
«Расташидомку»;
Какъ золовки говорятъ:
«Намъ валявку ведутьъ».

(Володекая цуб.).

въ нѣдрахъ патриархальной семейной общины свили себѣ крѣпкое гнѣздо отцовская власть и порабощеніе женщины, такъ на той же семейной общинной почвѣ выросла излюбленная народомъ фигура „злой свекрови“¹⁾ Что касается „злой тещи“ (*méchante belle mère*), то представление о ней могло сложиться лишь подъ вліяніемъ эмансипаціонныхъ стремленій женщины и является опирающимся на рядъ различныхъ условій продуктомъ, созданнымъ средневѣковьемъ. Въ первобытное же праиндо-европейское время „злое начало“ представлялъ повидимому, скорѣе женихъ или мужъ дочери (зять), который своей беззастѣнчивой требовательностью изводилъ тещу, примѣры чего мы видимъ доселѣ на востокъ и юго-востокъ Европы.

Итакъ, настоящая „böse Schwiegermutter“—это свекровь по отношенію снохи. Но и въ этомъ послѣднемъ отношеніи свекровь выполняетъ нѣкоторую культурную миссію. Въ тѣснотѣ первобытной семейной общины были скучены женщины различнаго возраста,—въ томъ числѣ, и въ первую голову, не всегда работающія и не всегда добронравственныя жены сыновей. Лицомъ къ лицу съ неисчислимыми поводами къ раздорамъ, ссорамъ и свалкамъ, властная хозяйка, энергичная „сама“ была настоятельно необходимою. Необходимость эта была признана еще древними римлянами, и положеніе свекрови въ семьѣ упрочено законодательными актами. Въ одномъ изъ древнѣйшихъ извѣстныхъ отрывковъ римской юридической мудрости, относящемся къ эпохѣ царей, сказано: „если сноха удалить свекровь, и та принесетъ жалобу въ судъ, то сноха подлежить богамъ предковъ“—иными словами должна быть казнена смертью.

б) *Холостякъ*. Особа холостяка характерна для праиндо-европейской семейной общины скорѣе по своему отсутствію, чѣмъ по своей наличности. Ибо несомнѣнно, что въ доисторическое время міросозерцаніе индо-европейцевъ было проникнуто сознаніемъ безусловной необходимости брака. Такова, между прочимъ, понынѣ точка зрѣнія на европейскомъ востокѣ и юго-востокѣ Европы. Превосходный знатокъ русскаго и черногорскаго быта, П. А. Ровинскій, утверждаетъ,

¹⁾ Опускаемъ нѣсколько строкъ, въ которыхъ авторъ доказываетъ, что подъ „злой свекровью“ надо понимать именно „мать мужа“, а не „мать жены“—нѣчто для насъ совершенно очевидное. *Пер.*

что въ Россіи среди простонародья смотрять на холостяковъ, какъ на нѣчто незаконченное, незавершенное, а на жизнь безъ жены, какъ на жизнь „не въ законѣ“. Въ Черногоріи еще рѣзче подчеркивается неизбѣжность брака; мужчина только тогда становится настоящимъ человѣкомъ, когда женится. До женитьбы онъ продолжаетъ быть мальчишкою, юнцомъ или даже, собственно, „ребенкомъ, дитятею“ (детіе).

Въ Сербіи и Болгаріи на женитьбу также смотрять, какъ на долгъ, лежащій на каждомъ мужчинѣ. Да и въ нашемъ отечествѣ [Германіи] среди крестьянскаго населенія господствуютъ приблизительно тѣ же взгляды. У древнѣйшихъ культурныхъ народовъ отношеніе къ браку ясно изъ строгихъ законовъ, направленныхъ противъ безбрачія и восходящихъ до рубежа исторіи. О Ликургѣ Спартанскомъ мы знаемъ, что „онъ обложилъ холостяковъ пенею, сопряженной съ лишеніемъ чести. Во время гимнастическихъ игръ ихъ не допускали (къ созерцанію юношеской и дѣвической наготы). Зимой архонты принуждали ихъ нагими ходить вокругъ рыночной площади и распѣвать пѣсенку о томъ, что сами они виноваты въ своихъ злословіяхъ, такъ какъ не подчинились закону“. (Плутархъ, Ликургъ, гл. 15). Въ Аѳинахъ и въ Римѣ также, вѣроятно, существовали какія-либо постановленія о холостякахъ. Даже умершихъ неженатыми все еще продолжали опекать. Такъ, арабскій путешественникъ Масуди, побывавшій въ древней Руси, рассказываетъ, что „рускіе сжигаютъ трупы своихъ покойниковъ вмѣстѣ съ ихъ оружіемъ, выючными животными и украшеніями. Вдову сжигаютъ живьемъ, вмѣстѣ съ останками мужа; но если умираетъ жена, вдовца не подвергаютъ той же участи. Умершихъ холостыми женятъ уже по смерти“.

Поэтому въ индо-европейскихъ языкахъ не существуетъ не только соотвѣтствующаго древняго и общаго названія но и вообще нѣтъ восходящихъ къ глубокой древности обозначеній для холостяковъ. Къ древнѣйшимъ принадлежитъ лат. „coelebs“ и нѣм. „Hagestolz“ (древне-верхне-нѣмецкое „hagustalt“). Происхожденіе „coelebs“ неизвѣстно. Характернымъ показателемъ все возрастающей боязни брачныхъ узъ служить, однако, то обстоятельство, что не только христіанскія, но и языческія грамматики старались этимологически сблизить „coelibes“ [холостые] съ „coelites“ [небесные, небожители], ибо „холостяки свободны отъ величайшаго въ

жизни бремени“ (Гавій Бассъ по Квинтилиану ¹), I, 6, 36). Что касается „Hagestolz“, встрѣчающагося уже въ древнѣйшихъ рунахъ въ формѣ „Hagustalda R“, то такъ обозначался классъ земледѣльцевъ, не имѣвшихъ удѣла въ общинной землѣ, но владѣвшихъ небольшимъ огороженнымъ отрубомъ, не достаточнымъ для прокормленія семьи.

Причины, заставлявшія праиндо-европейскіе народы относиться такъ покровительственно къ браку, частью религіознаго, частью личнаго характера. Вліяніе религіи сводилось къ тому, что только сынъ, рожденный въ бракѣ, считался правоспособнымъ совершать заупокойныя жертвоприношенія по смерти дѣда и отца (гл. XI); интересы же личной безопасности требовали возможно многочисленной родни, взаимобязанной и связанной повинностью кровавой мести (гл. X), единственно обезпечивавшей личную безопасность. И теперь еще путешествующихъ по Албаніи спрашиваютъ, велика ли у нихъ семья; если многочисленна, то не обинуясь отвѣчаютъ: „ну, народу у васъ полонъ домъ; можно путешествовать безъ страха“.

Итакъ, совмѣстное жильё праиндо-европейской семейной общины мы должны представлять себѣ не иначе, какъ биткомъ набитымъ сочленами семьи различнаго возраста и пола, скученными на небольшомъ пространствѣ, скромные размѣры котораго извѣстны намъ не только изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ современниковъ и очевидцевъ прошлаго, но и изъ непосредственныхъ наблюдений въ настоящемъ. Такъ, въ Римѣ, гдѣ къ началу историческаго времени общинный патриархальный бытъ уже отживалъ свой вѣкъ и уступалъ мѣсто хозяйственнымъ и жилищнымъ единицамъ для одной четы и ихъ потомства, семейство Эліевъ ²), состоявшее изъ 16 мужчинъ съ ихъ женами, дочерьми и сыновьями (Valerius Maximus IV, 8 ³), жило въ маленькомъ домишкѣ

¹) M. Fabius Quint, римскій писатель второй половины I стол по Р. X. Пер.

²) Gens Aelia (родъ Эліевъ), знаменитый плебейскій родъ въ III—II столѣтіяхъ до Р. X. Имя Эліевъ связано съ двумя законами: Lex Aelia, объ учрежденіи двухъ колоній, и Lex Aelia и Fulia о нѣкоторыхъ прерогативахъ магистратовъ и трибуновъ. Пер.

³) Римскій писатель I столѣтія по Р. X. Разказы о замѣчательныхъ изреченіяхъ и подвигахъ римской плебейской и патриціанской знати (Factorum et dictorum memorabilium libri novem). Пер.

(domuncula); а по свидѣтельству Плутарха, М. Крассъ выросъ и воспитывался въ домѣ, въ которомъ, кромѣ семьи его отца и матери, жили также ихъ родители и два женатыхъ брата; „и всѣ садились за общій столъ (трапезу)“. Однимъ словомъ, картина та же, какъ и въ любой русской избѣ, хозяева которой еще живутъ „по старинѣ“.

Мы съ большой тревогою озираемся теперь на тѣ эксцессы во взаимоотношеніи половъ, къ которымъ легко приводитъ тѣсное сожителство въ помѣщеніяхъ малоимущихъ классовъ. Была ли праисторическая старина внѣ всякихъ подозрѣній въ данномъ направленіи? Едва-ли, ибо фактическіе матеріалы, между прочимъ и неоднократно упоминавшееся уже снохачество, доказываютъ противное. Съ другой же стороны мы вправѣ допустить, что авторитеты индоевропейскихъ „*rótis“ и „*rótñi“, умѣли въ достаточной мѣрѣ поддержать хотя бы только внѣшнее приличіе, первый—среди мужской, вторая среди женской половины обитателей жилья. Къ тому же, внутреннее оборудованіе жилого помѣщенія способствовало, по всей вѣроятности, огражденію его отъ всеобщаго любопытства и окруженію завѣсой тайны, той интимной жизни, которую вели входившія въ составъ семейной общины супружескія пары.

Во-первыхъ, по аналогіи съ русскою деревней, мы склонны думать, что общее жилье служило для ночлега только въ зимніе морозы. Такъ какъ вся жизнь русскаго крестьянина распредѣлена по календарю, то онъ неуклонно въ Благовѣщеніе, 25 марта, сжигаетъ зимнюю подстилку изъ соломы [сѣнники] и отправляется спать во дворъ. Затѣмъ, у многихъ народовъ мы встрѣчаемся съ обыкновеніемъ строить вокругъ общаго жилья маленькія холодушки, служащія для ночлега новобрачнымъ. Это, такъ называемыя, литовско-русскія „клѣти“, въ которыя отводятъ послѣ свадьбы новоженцовъ. У южныхъ славянъ ихъ называютъ „зграда“, а такихъ „зградъ“ бываетъ во дворѣ отъ 10 и до 15. Въ Германіи ту же роль исполняли, вѣроятно, „Gadem“ (древне-верхне-нѣмецкое „gadum“; средне-верхне-нѣмецкое „brütgadem, minnegadem“ ¹⁾). Самый дворецъ Приама (Иліада VI, 242) былъ построенъ такимъ образомъ, что примѣнительно къ народнымъ, повидимому, вкусамъ вокругъ главнаго зданія тол-

¹⁾ „Brüt“—невѣста, молодая. „Minne“—любовь. Пер.

пились не менѣе 50 клѣтушекъ, въ которыхъ спали сыновья Пріама со своими законными супругами ¹⁾).

Итакъ, мы нашли у индо-европейцевъ строго-агнатную семью ²⁾, подъ главенствомъ всемогущаго „*potis“ (хозяина, владыки, господина). Онъ желѣзною рукою править своимъ родомъ, который, пока владыка живъ, держится дружною семьей. Иногда же и послѣ смерти главы дома семейная община не распадается, но сплочивается вокругъ старшаго сына или брата усопшаго владыки. Положеніе женщины въ высшей степени приниженное; но, какъ естественное историческое наслѣдіе сильной отцовской, братней или супружеской власти, передается въ будущее принципъ обязательности цѣломудрія для женщинъ.

Первообразный укладъ семьи у индо-европейцевъ, несомнѣнно, претерпѣвалъ въ теченіе вѣковъ тѣ или иныя измѣненія. Ибо, при расселеніи по Европѣ и по Азіи, индо-европейцы сталкивались съ другими правами: то съ господствомъ женщинъ, то съ половой распущенностью. О вліяніи матриархата мы уже говорили выше. Неиндо-европейскія семейныя черты встрѣчаются у многихъ народовъ, несомнѣнно, индо-европейскаго происхожденія: у еракійцевъ, у нѣкоторыхъ славянъ и у британскихъ кельтовъ. Основы же индо-европейскаго семейнаго уклада нигдѣ не были серьезно поколеблены. Индо-европейская семья до сихъ поръ еще осталась побѣдительницей.

IX Народы и племя.

Есть понятія, почти не поддающіяся точному научному опредѣленію, такъ какъ уразумѣніе ихъ неотдѣлимо отъ историческихъ процессовъ. Къ такимъ понятіямъ принадлежитъ „народъ“. Опредѣленіе „что есть народъ?“ примыкаетъ въ концѣ концовъ, цѣликомъ къ области субъективизма.

¹⁾ Соответствующее мѣсто, въ переводѣ Гнѣдича:

„Вкругъ пятьдесятъ почиваленъ, изъ гладко отесанныхъ
камней,

Близко одна отъ другой устроенныхъ, въ коиъ Пріама.
Всѣ почивали сыны у цвѣтущихъ супругъ ихъ законныхъ.

Пер.

²⁾ Т. е. семью, родственная связь между членами которой основывается исключительно на родствѣ черезъ представителей мужскаго пола. *Пер.*

Говорятъ: „народъ есть совокупность единицъ, самоопредѣляющихся въ качествѣ народа: всѣ тѣ, кого мы считаемъ своими близкими, неразрывную связь съ которыми сознаемъ всѣмъ существомъ“. (Rümelin) ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе, возможно подобрать рядъ объективныхъ признаковъ. Наилучшій и наиболѣе достовѣрный для этого путь—тщательное разсмотрѣнiе словъ, помощью которыхъ выражается въ отдѣльныхъ языкахъ понятiе „народъ“. Для насъ такими языками, естественно, должны быть индо-европейскiе.

Первымъ и основнымъ во всѣхъ слѣдуетъ считать представление о „ростѣ“, о „множествѣ“; „ростъ“ и „множество“ кажутся наиболѣе характерными.

Такъ, по крайней мѣрѣ, отвѣчаетъ Гомеръ устами Главка, Гипполохова сына, на слова Дiомеда:

„Сынъ благородный Тидея, по что вопрошаешь о
родѣ?
„Листьямъ въ дубравахъ древесныхъ подобны сыны
человѣковъ:
„Вѣтеръ одни по землѣ развѣваетъ, другiе дубрава,
„Вновь расцвѣтая рождаетъ; и съ новой весной воз-
растаютъ:
„Такъ человѣки: сiя нарождаются, тѣ погибаютъ“²⁾.

Греческое слово „φύλον“ (phylon)—родъ, народъ, происходитъ отъ „φύομαι“ (phýomai)—росту; латинское „plebs“ (простонародье)—созвучно съ греческимъ „πλήθος“ (pléthos)—толпа; нѣмецкое „Leute“ (средне-верхне-нѣмецкое „liute“), отъ „liut“—людь, одного корня съ готскимъ „liudan“—рости. Нѣмецкое „deutsch“ происходитъ отъ готскаго „thiuda“, древне-верхне-нѣмецкое „diot“ [народъ]; тождественно съ ирландскимъ „túath“ [народъ], оско-умбрскимъ „tōta“—община, литовскимъ „tautà“—народъ, племя; всѣ эти слова восходятъ къ общему корню съ латинскимъ „tūmeo“, что значитъ „разбухаю, преисполняюсь“ и включаютъ понятiе о буйномъ ростѣ народнаго организма.

Изъ ряда приведенныхъ пока еще очень расплывчатыхъ представлений о сути „народа“ обособляются нѣкоторыя указывающiя на *второй* характерный признакъ—общность

¹⁾ Нѣмецкiй писатель профессоръ и администраторъ (1815—1889). Цитата заимствована изъ его статьи „Ueber den Begriff des Volkes“ (Reden und Aufsätze). *Пер.*

²⁾ Илиада, пѣснь VI, ст. 145—149 (въ переводѣ Гнѣдича). *Пер.*

имени. Такъ въ Инди „Ārya pāna“ одинаково значить и „арійское имя“ и „арійскій народъ“. Совершенно такъ же употреблялось и „Nomen Romanum“. Какое значеніе имѣеть общность имени въ процессѣ сплоченія народностей, ясно, напр., изъ того, что о грекахъ, какъ о „народѣ“, можно вообще говорить лишь со времени, когда впервые примененный къ нимъ Архилохомъ ¹⁾ терминъ „эллины“ (Ἕλληνας) вошелъ во всеобщее употребленіе. Въ процессѣ сплоченія небольшихъ родственныхъ группъ въ самостоятельныя народныя единицы чрезвычайно важную роль играетъ объединеніе ихъ въ политическихъ цѣляхъ, иначе говоря, для воинскихъ, завоевательныхъ начинаній. Потому совершенно естественно, что слова „рять“ и „народъ“ („Volk“ и „Heer“) чередуются синонимически (*третій* признакъ). Тожественность ихъ до сихъ поръ очевидна изъ сопоставленія такихъ словъ, какъ нѣмецкія „Volk—народъ“ (древне-верхне-нѣм. „folc“) и „Fussvolk—пѣхота“ [дословно „пѣшій народъ, пѣшая рать“], со старо-славянскими „плѣкъ“ въ значеніи „рять“, „войско“ и русскимъ „полкъ“—воинская, ратная единица. Таково же было, повидимому, значеніе латинскаго „populus“ [народъ], глагольная форма котораго „populāri“ значить, „опустошить“ [наводнить враждебнымъ народомъ, враждебными полчищами], и вполне соотвѣтствуетъ „verheeren“ [опустошить] отъ „Heer“ [народъ, войско] (готское „harjis“). Съ той же точки зрѣнія надо смотрѣть на употребленіе въ греческомъ языкѣ слова „ἔθνος“ [народъ, а также земля, на которой онъ жилъ; сравни литов. „tautà—народъ“ и древне-прусск. „tauto—земля“], первоначальное значеніе котораго, судя по созвучію съ ирландскимъ „dām“, было вѣроятно „дружина, тѣлохранители короля“. По мѣрѣ обособленія, какъ выше указано, самостоятельныхъ групповыхъ единицъ, отличительные признаки ихъ съ теченіемъ времени должны были становиться все болѣе и болѣе рѣзкими, простираясь на сферу обычаевъ и языка—отсюда *четвертый* и *пятый* признаки нароодообразования. Четвертый выразился въ греческомъ названіи для народа „ἔθνος“ (ἔθνος), неотдѣлимаго отъ „ἔθος“—привычка (сравни также древне-индійское „svadhā“ въ тройкомъ значеніи „привычки, обычая и родины“); пятый—въ старо-славянскомъ „азыкъ“ (языкъ)

¹⁾ Архилохъ Паросскій, греческій поэтъ, жившій въ VII столѣтіи до Р. Х. *Пер.*

въ значеніи „народъ“. Если синонимизмъ языка и народа не встрѣчается чаще, такъ только потому, что въ періодъ народообразованія придавалось не столько значеніе общепонятности собственнаго языка, сколько непонятности чужой рѣчи. Примѣромъ происхожденія названія народа отъ общности языка, можетъ служить „скипетары“, какъ называютъ себя албанцы—отъ мѣстнаго „šk'irón“—понимать, латинское „exsirege“—т. е. „разумѣющіе другъ друга“. Примѣромъ второго—русское „нѣмцы“, отъ старо-славянскаго „нѣмць—нѣмой“, а также перешедшее къ намъ изъ глубокой древности „варвары“. Древне-индійское слово для всѣхъ не-арійцевъ „barbara“ (греч. „βάρβαρος“, лат. „barbari“), значить „косноязычные“, или „искажающіе непонятнымъ образомъ рѣчь“ [говорящіе на непонятномъ языкѣ]. Подобнымъ же образомъ русское „язычникъ“ въ значеніи „идолопоклонникъ“ (отъ старо-славянскаго „языкъ“, русск. „языкъ“) первоначально могло обозначать только „иноязычныхъ“. Наконецъ, въ высшей степени характерно, построенное вполне по типу „нѣмецъ“, противопологаемое у Софокла (Trach. 1060) „элинамъ“ понятіе слово „ἄγλωσσοσ“ (aglōssos) — дословно „безъязычный“, иначе „нѣмой“. Всѣ вышеприведенные входящіе въ представленіе о народѣ признаки блѣднѣютъ, однако, передъ *шестымъ* и послѣднимъ, обозначающимъ физическую, кровную общность. Чтобы ясно выразить по-литовски „народъ“, надо сказать „zmoniū giminė“, т. е. „родня“, или „родъ людской“; латинское „latio“ происходитъ отъ „nascor“—рождаюсь; русское „народъ“ отъ „родъ“ [родиться]; греч. „γένος“ (gēnos) (напр., дорическое „γένος“ — племя), соотвѣтствуетъ древне-индійскому „jāna“—племя, народъ—отъ „jan“—родить, произвести на свѣтъ. Вѣра народовъ въ общность физическаго происхожденія ясно сказывается въ мифическихъ родословныхъ. Такъ, по Гезіоду, у Эллина, прапредка эллиновъ (грековъ), было три сына: Доръ, Ксиѣъ и Эолъ; у Ксиѣа оиять таки двое: Ахей и Ионъ. Отсюда четыре племени: доряне, ахейцы, іоняне и эолійцы. Согласно увѣковѣченной Тацитомъ древнѣйшей родословной германцевъ, у „сына неба“ и „земли“, Тивиско, („*Tiwisco“—не „Tuisco“, какъ въ рукописи, формы, по существу, невозможной. Сравни древне-верхне-нѣм. „Zio“, англо-сакс. „Tiw“, древне-сѣв. „Tug“, древне-инд. „dyāus“, греч. „Ζεὺς“, лат. „Jupiter“) родился сынъ „Mannus“, т. е. „человѣкъ“, по имени трехъ сыновей котораго были названы

ингевоны, гермионы и истевоны (Ingaevones, Herminones, Istaevones). Но и современные люди, напр. нѣмцы, любятъ говорить объ „отцахъ“, сражавшихся въ Тевтобургскомъ лѣсу; греки о „предкахъ“, разбившихъ персовъ при Саламинѣ.

Совершенно очевидно, что кровное родство всѣхъ единичныхъ особей, входящихъ въ составъ народа,—чистѣйшая фикція; и не только въ настоящее время,—оно было фикціей уже въ періодъ древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ извѣстій о тѣхъ или другихъ индо-европейскихъ народахъ. Въ фиктивности происхожденія отъ общаго корня мы могли уже убѣдиться изъ того, что было сказано въ I главѣ о расовыхъ смѣшеніяхъ и должны настаивать, что все это — „фикція“, несмотря на важную роль, которую сыграла вѣра въ нее въ дѣлѣ развитія и укрѣпленія національнаго сознанія въ исторіи объединенія отдѣльныхъ народовъ.

Есть только *одинъ* индо-европейскій народъ, у котораго фикція и дѣйствительность совпадаютъ и въ исторически достовѣрное время, какъ это можно указать, и у которыхъ родовой общинный государственный бытъ доходить до порога исторіи. Это—славяне. При всемъ томъ, однако, и у славянъ не можетъ быть рѣчи о единствѣ антропологическаго типа, а лишь о фактической преемственности семейнаго начала, замѣнивашаго собою государственность, и удержавшагося вплоть до историческаго времени.

Намъ знакомы условія ихъ государственности не только изъ отрывочныхъ историческихъ данныхъ, но и изъ пережитковъ этихъ условій, съ удивительной стойкостью сохранившихся у южныхъ славянъ, въ особенности въ Герцеговинѣ и Черногоріи.

Родовая основа древне-славянскаго народнаго уклада вкратцѣ очерчена уже у Пестора: „и живяху кождо со своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ“. Слова „на своихъ мѣстѣхъ“ относятся, вѣроятно, къ территоріальной обособленности отдѣльныхъ родовъ, на которую указываетъ уже Прокопій. Расчлененіе родовыхъ общинъ и связь между ними до мелочей извѣстны намъ по черногорской дѣйствительности. Ядро составляетъ „братство“. Братство построено на началахъ агнатнаго родства, ведущаго происхожденіе отъ общаго родоначальника или его сыновей, родныхъ братьевъ; восходящая родословная братства установлена съ исторической точностью. Территоріально братство же ограничено одною деревнею. Земельная собственность въ

старину была общая. Лѣсъ, мельницы, церковь и понинѣ общественныя. Принадлежащіе къ братству соединены общностью имени, общностью мѣстной иконы (патрона, Святого), воинскимъ побратимствомъ и взаимобязательствомъ кровавой мести. Браки въ предѣлахъ одного и того же братства воспрещены. Расширяясь, „братство“ незамѣтно обращается въ „племя“. Точныхъ границъ между тѣмъ и другимъ не существуетъ: братство—маленькое племя. И у племени еще сохраняется вѣра въ общаго родоначальника, откуда такая же, какъ въ братствахъ, общность именъ: Васоевичи, Бѣлопавличи и т. п.; но встрѣчаются уже и территоріальныя опредѣленія; напр., „Катунская нахія“, отъ „нахія“—область. Кромѣ того, въ одномъ и томъ же „племени“ могутъ быть и не связанные родствомъ „братства“. Появляются, слѣдовательно, первые признаки ослабленія принципа родственности, первоначально лежавшіе въ основѣ „народа“.

Средоточіе племени [главный городъ, центральный пунктъ] называется „градъ“.

Во главѣ родственныхъ союзовъ уже въ историческое время стояли „старосты“. Иностранные бытописатели называютъ ихъ также „жупанами“ (отъ „жупа“—область жительства племени), или же „рѣгес“ (rēges—цари, короли). Ср. Константина Порфиророднаго (гл. 29): „у этихъ народовъ нѣтъ князей, кромѣ жупановъ, старцевъ, старѣйшицъ“, и Маврикія (*Ars militaris* XII): „у славянъ много князей, живущихъ въ постоянной междоусобной враждѣ“. Въ Черногоріи особаго вниманія заслуживаетъ „воевода“ („полководецъ“, „герцогъ“). Какъ показываетъ самое имя, власть его чисто военная, часто сохраняемая, однако, и въ мирное время. Воеводу избирали, обыкновенно, изъ ограниченнаго числа именитыхъ родовъ; званіе было пожизненное, но оказавшихся неспособными устраняли. Иногда случалось, что съ согласія народа воевода передавалъ свои полномочія сыну. Въ образѣ жизни онъ ничѣмъ не отличался отъ сородичей: самъ пасъ свой скотъ, какъ всѣ прочіе. Вліяніе его среди племени, одного или болѣе—ибо случалось, что въ лицѣ воеводы объединялось ихъ нѣсколько—вполнѣ зависѣло отъ его личныхъ качествъ. Высшая власть и рѣшающій голосъ принадлежали, однако, не воеводѣ, а народному собранію (сборъ, скупщина).

Таковъ былъ государственный строй уже у древнѣйшихъ славянъ. Прокопій, въ Готской войнѣ, III, 14, весьма опре-

дѣленно подчеркиваетъ: „Эти народы, склавны и анты, не подчиняются *одному* челоуѣку, но съ незапамятныхъ временъ придерживаются демократическихъ установленій. Поэтому все, и хорошее и дурное, предлагается на обсужденіе народнаго собранія“.

Что приведенный выше, въ самыхъ общихъ чертахъ, древне- и южно-славянскій политическій строй тождественъ съ общимъ для всѣхъ праиндо-европейцевъ укладомъ, явствуетъ изъ сохранившихся въ языкахъ отдѣльныхъ индо-европейскихъ народовъ названій и терминовъ, а также изъ уцѣлѣвшихъ обломковъ праисторическаго, родового и племеннаго государственнаго устройства, наблюдаемаго у арійскихъ и нѣкоторыхъ сѣверно-европейскихъ народовъ.

Обще-индо-европейскій терминъ для родовыхъ общинъ представленъ соотвѣтствіемъ древне-инд. „*viś*“, древне-иранск. „*vis*“, „*vid*“, лат. „*vicus*“, старо-слав. „всь“, готск. „*weihis*“, ирл. „*flh*“ и алб. „*vise*“. Въ основѣ арійскихъ названій лежитъ представленіе о „роднѣ“; у европейцевъ они сложились въ понятіе о родовой (клановой) деревнѣ.

На другое праисторическое выраженіе указываетъ аналогія между южно-славянскимъ „братство“, „братъ“, греческимъ „*φρήτρι*“ (*phrētré*), отъ „*φρήτρι*“ и лат. „*frater*“, первоначально обозначавшими, должно быть, фактически общинное совладѣніе родныхъ братьевъ или ихъ потомства. Члены родственныхъ союзовъ поклонялись сообща душамъ общихъ предковъ (сравни у Иордана¹⁾ гл. 13, о германцахъ: „предки, благодаря покровительству которыхъ они, будто бы, одерживаютъ побѣды, почитаются не какъ простые смертные, но имъ воздаются божескія почести, какъ *anses*“). Они вмѣстѣ сражаются на поляхъ битвы (сравни мѣста въ Ригведѣ, гдѣ говорится о построеніи индусскихъ войскъ „*viśam-viśam*“ [т. е. по родственнымъ кланамъ]; также „Иліаду“ II, 362—3, когда Несторъ разставляетъ борцовъ по фратріямъ²⁾; также Тацита, Германія гл. 7: „не случайно располагаютъ они

¹⁾ *Iordanes*—епископъ изъ готовъ или алановъ. Авторъ двухъ историческихъ сочиненій, написанныхъ въ 551—552 гг. по Р. Х.: 1) *de rebus Geticis* и 2) *de breviatione chronicorum* (краткая всемирная лѣтопись). *Пер.*

²⁾ «Воевъ, атридъ, раздѣлили на ихъ племена и колѣна;
«Пусть помогаетъ колѣно колѣну и племени племя».

(Гнѣдичъ).

Пер.

людей въ боевыя колонны и клинья, но по роднѣ и семьямъ“). Они взаимно связаны долгомъ кровавой мести (сравни гл. X). Земля у нихъ общая. Браки внутри племени преслѣдуются (сравни англо-саксонское слово для „кровосмѣшенія“— „sib-leger“—буквально „возлежаніе на родственномъ ложѣ“ [sib-Sippe—родня, объединенная общою осѣдлостью]). У всѣхъ общее родовое имя (сравни греч. суффиксъ „idēs“ [—иды], напр., „атриды“, въ значеніи „потомки Атрея“). Каждый знаетъ поименно своихъ предковъ до отдаленнѣйшихъ временъ. Гиральдусъ, въ своемъ повѣствованіи о Камбріи, удостовѣряетъ, что „всякій простолюдинъ знаетъ свою родословную и не затрудняясь, наизусть, на память, называетъ предковъ до дѣда и до прадѣда, иногда же до шестого и седьмого колѣна и еще выше“ Надо замѣтить, что древнія родословныя включали только предковъ мужского пола. Наши родословныя, простирающіяся на матерей и на родство по матери (нѣмецкое „Ahnentafel“), не были въ ходу, да и были неосуществимы при тогдашней безписьменности. Родословныя исключительно по предкамъ мужескаго пола, какъ нельзя лучше, подтверждаютъ сказанное выше (гл. VIII) о построеніи пра-индо-европейской семьи по типу агнатнаго родства.

Мѣстное средоточіе всѣхъ „*vikes“ [весеі] представлялъ „градъ“. Градомъ начальствовалъ „*vik-poti-s“ (древне-инд. „viç-ráti“, древне-иранск. „vis-paiti“ [начальникъ рода, старшій въ родѣ], литовское „wiész-pats“, нынѣ употребительное только въ смыслѣ правящаго государя [главы государства]). Если же нѣсколько „*vik-es“ сливались воедино, то старѣйшина назывался „*rêg-“ (лат. „rêx“, ирландск. „rí“, древне-инд. „ráj“), т. е. „правитель“ (лат. „regerе“), „повелитель“ „король“. Чтобы опредѣлить точнѣе правовое положеніе праиндо-европейскаго „*rêg-“, полезно сопоставить его съ южно-славянскимъ „воеводой“, котораго византійскіе историки титуловали „ῥῥῥῥ“ (rex). Въ особенности древне-германскіе и древне-индійскіе короли представляютъ разительную параллель съ воеводой или старѣйшиною южно-славянскаго племени.

И тотъ и другой бывали избираемы (а въ Германіи также смѣщаемы) волей народа; но имѣются уже нѣкоторыя начала наслѣдственности, т. к. выборы производятся, преимущественно въ кругу небольшого числа родовъ. И у тѣхъ и у другихъ (германцевъ и индусовъ) королевскіе доходы сла

гаются изъ добротныхъ даяній; то же у южныхъ славянъ (сравни выше: „богатырскій“ или „княжескій“ кусъ, княжая доля). У германцевъ и индусовъ власть короля въ военное время шире, чѣмъ въ мирное (титულъ короля-военачальника въ Германіи „Herzog“; древне-верхне-нѣмецкое „herizogo“¹⁾, древне-сѣверное „herthoge“). У обоихъ народовъ, какъ и у южныхъ славянъ, рѣшающій голосъ принадлежитъ „громадѣ“. Индо-европейскій терминъ для „народнаго собранія“ заключается въ соотвѣтствіи ново-верхне-нѣмецкаго „Sippe“ [родня], готскаго „sibja“ древне-индійскому „sabhā“—собраніе, общественный домъ. Основное значеніе его могло быть только: (народное) собраніе родственниковъ клановъ“ („Sippe“). Фактически древне-славянскоу „коинѣ“ (κοινόν) (у Прокоція) и южно-славянскоу „скупщинѣ“ лучше всего соотвѣтствуетъ древне-германское „consilium“, такъ, какъ оно описано у Тацита. А именно (сравни Тацитъ, Германія, XI и XXI), ему принадлежали также нѣкоторыя судебныя функціи. То же сообщается и о древнихъ македонцахъ. Ср. Curtius²⁾, VI, 8, 25“: „согласно древнему македонскому обычаю (въ военное время) уголовное судопроизводство принадлежало войску; въ мирное—народу“. Я склоненъ думать, что такой же порядокъ судопроизводства былъ и у древнихъ славянъ. Дѣйствительно, общеславянскій корень для „наказанія“ [кара], лежащій въ основѣ русскаго „каратъ“, находитъ прекрасное объясненіе въ словопроизводствѣ отъ праиндо-европейскихъ выраженій для народнаго ополченія, рати: древне-персидское „kāra“—войско [рать]; литовское „kāras, karė“—война и войско; нѣм. „Heer“, готское „harjis“, древне-прусское „karjis“, ирландское „cuirc“—всѣ въ значеніи „войско“, „рать“, „ополченіе“.

Племенными общинами, подобными вышеописаннымъ, происходило переселеніе славянъ. Передовой ратью южно-славянскаго потока были хорваты, поселившіеся въ V или VI столѣтіи въ Далмаціи и Южной Панноніи. По свидѣтельству лѣтописца, переселенцы явились въ числѣ 12 трибъ

¹⁾ „Herzog“ значитъ „воевода“: вѣдущій рать, предводитель. *Пер.*

²⁾ O. Curtius Rufus—римскій писатель времёнъ упадка Римской Имперіи. Приведенная цитата взята изъ его сочиненія „De rebus gestis Alexandri M.“ (О подвигахъ Александра Македонскаго). *Пер.*

(tribus—племя), въ составѣ которыхъ было отъ 48 до 50 тысячъ мужей, способныхъ носить оружіе. Есть основаніе думать, что каждое племя селилось въ отдѣльной округѣ, а каждое братство группировалось около нѣкотораго общаго центра. Невѣроятно, чтобы разселеніе всѣхъ вообще индоевропейскихъ народовъ могло происходить по другому шаблону, а потому остается только разобратъ въ причинахъ, способствовавшихъ распаденію первобытныхъ родственноплеменныхъ узъ и возникновенію сплоченныхъ массъ, объединенныхъ сознаниемъ народности.

Чрезвычайно важную роль сыграло въ данномъ процессѣ смѣшеніе пришельцевъ съ туземцами, неоднократно уже упоминавшееся въ настоящемъ изслѣдованіи. Хотя для праиндоевропейскаго прошлаго до сихъ поръ не установленъ фактъ рабовладѣльчества, однако, на зарѣ исторіи отдѣльныхъ народовъ рабство является общераспространеннымъ. Повсемѣстно противопоставляется классъ „свободныхъ“ классу „рабовъ“. Только первые (т. е. „свободные“) считаются полноправными сочленами народной семьи (полноправными гражданами), что явствуетъ изъ сопоставленія трехъ этимологически родственныхъ (связанныхъ) между собою словъ для обозначенія понятія „народъ“: греч. „ἐλευθερος“ (eleutheros), лат. „liber“ (свободный), древне-верхне-нѣм. „linc“ и слав. „людь“. Несомнѣнно, что браки между свободными и рабами были первоначально воспрещены. Однако, дѣти, рожденныя отъ рабынь, причислялись, повидимому, къ свободному классу и входили въ семью побѣдителей, по той простой причинѣ, что родство по матери—какъ мы видѣли выше—вообще не принималось въ расчетъ. Вліянію первобытнаго населенія вновь занятыхъ областей способствовали также повсемѣстно наблюдаемый законъ компенсаціи, въ силу котораго вездѣ, гдѣ завоеватели физически смѣшиваются съ завоеванными, послѣдніе проявляютъ необычайное умѣнье проникнуть въ ряды побѣдителей и, даже принявъ ихъ языкъ, частью разложить, частью совершенно поглотить массу пришельцевъ. Отсюда ясно, что снизу, изъ рядовъ поработеннаго населенія, должны были проникать въ верхніе господствующіе классы не только чуждая кровь, но и новые обычаи и нравы, новые слова и выраженія—даже новые законы фонетики въ языкъ побѣдителей. Однимъ словомъ, въ толщу поверхностнаго слоя завоевателей повсемѣстно вкрапливались непрерывно разростающіяся группы людей, не смѣвавшихъ ни-

чего общаго со стариннымъ семейно-общественнымъ укладомъ волны пришельцевъ.

Укажемъ еще на другой, не менѣе важный факторъ. Дѣло въ томъ, что — какъ уже было сказано — на западѣ земледѣліе стояло значительно выше, чѣмъ на востокѣ, и, съ передвиженіемъ индо-европейцевъ все далѣе къ западу, аграрные вопросы принимали болѣе острый характеръ, осѣдность дѣлалась нормою, жочевой бытъ — исключеніемъ. Возникъ новый критерій для опредѣленія сопринадлежности къ одной общинѣ: наравнѣ съ родствомъ стала сила земли. А т. к. разнообразіе почвенныхъ условій вліяло на характеръ использованія земельныхъ угодій, а, слѣдовательно, явилось рѣшающимъ факторомъ при распаденіи прежнихъ, родственныхъ и возникновеніи новыхъ, экономическихъ, содружествъ и союзовъ, то совершенно естественно народилось представленіе о территоріальной общности и государственности. Лингвистически новый процессъ отразился на такихъ, напр., явленіяхъ, что готское „*thiuda*“ — народъ, умбрійское „*tōta*“ — община и литовское „*tauta*“ — община, народъ, стали употребляться въ значеніи „земля“ [общественная]. Сравни древне-прусское „*tauto* — земля“. Одновременно съ укрѣпленіемъ осѣдлыхъ нравовъ семейныя общины жениха и невѣсты, отца и матери, территоріально придвинулись (сблизились) другъ съ другомъ, откуда возникли: лат. „*affines*“ [„пограничные сосѣди“ — отъ „*finis*“ — граница], и греч. „*προσέκοντες*“ (*prosekontes*) — „соприкасающіеся“ — въ смыслѣ „родня“. Возраставшее при близкомъ сосѣдствѣ значеніе родни по матери и по женѣ должно было въ корнѣ разрушить основанія древняго родового государства и потрясти все зданіе, построенное на началахъ агнатной семьи.

Пра-историческое, полуварварское, демократическое равенство первобытныхъ временъ, должно было отступить передъ наплывомъ новыхъ людей и условій. Все чаще и чаще являлись отдѣльныя личности, индивидуально обособленныя натуры, которыя не довольствовались славою „главы племени“, но, опираясь на помощь преданныхъ, полусвободныхъ или несвободныхъ людей, подчиняли обширныя пространства населенной земли. Монархическая идея столкнулась съ демократической. Очевидно, не безъ давленія извнѣ.

Въ древне-греческомъ находимъ три выраженія для „повелителя“, „неограниченнаго владыки“. Всѣ три едва-ли гре-

ческаго происхожденія: вѣроятно, фригійскія „*Ῥάναξ*“ (*vánaχ*— „владыка“) и „*βαλῆν*“ (*balén*)— „король, царь“; и „*τύραννος*“ (*týranpos*)—тирань. На сѣверѣ, у германцевъ, сначала, было, утерялось древне-индоевропейское названіе для главы племени (*géh*) но оно вернулось вновь, съ гораздо болѣе обширнымъ, въ смыслѣ полноты власти содержаніемъ, но уже съ кельтской фонетикой. (сравни готское „*reiks*“, древне-ирландское „*ri*“, (вин. „*rig*“, нѣмецкое „*Reich*“ — государство и „*reich*“ — богатый, въ томъ-же смыслѣ древне-верхне-нѣмецкое „*rihi*“ — все слова кельтскаго происхожденія). Изъ кельтскаго-же заимствовано нѣмецкое „*Amt*“, „*Amtmann*“ [должность, должностное лицо]; въ древне-верхне-нѣмецкомъ „*ambaht*“, „*ambah-tman*“—отъ гальско-латинскаго „*ambactus*“—рабъ или слуга царя (короля), вельможи. Сами же германцы передали своего „короля“ („*König*“, древне-верхне-нѣмецкое „*chuning*“) въ началѣ христіанскаго лѣтосчисленія славянамъ, что ясно изъ древне-славянскихъ формъ „*кѣнагъ*“, „*кѣназь*“—князь. Такимъ образомъ терминологія „власти“ указываетъ на два теченія: одно, шедшее первоначально изъ Малой Азіи въ Грецію, а другое, на сѣверѣ, устремившееся съ запада—традиціоннаго очага политическихъ новшествъ—на европейскій востокъ.

Главарі первобытныхъ родовыхъ общинъ неоднократно оставались, вѣроятно, при новыхъ владыкахъ, въ роли безземельныхъ князей, своего рода „совѣтниковъ“, подобныхъ гомеровскимъ „*γέροντες*“ (*gérontes*),—старцамъ—или римскому „сенату“, отъ „*senex*“—старикъ. Только со времени появленія собирателей власти въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ начинаютъ встрѣчаться собирательныя имена для цѣлыхъ народовъ, совершенно или почти совершенно отсутствовавшія въ праисторическомъ лексиконѣ. Признаки подобныхъ названій, объединяющихъ совокушности цѣлыхъ народовъ, раньше всего начинаютъ встрѣчаться среди кельтскихъ и германскихъ племенъ. Въ праиндоевропейское время отдѣльныя родственныя союзныя группы, несомнѣнно, назывались еще по имени родоначальника, отъ котораго вели свое происхожденіе.

Вышеприведеннымъ новшествамъ сопутствовали, вѣроятно, кровавые перевороты, сметавшіе съ лица земли цѣлыя племена, которыя были бы для насъ нынѣ весьма важными звеньями для уразумѣнія лингвистической и политической эволюціи. Совокушность описанныхъ процессовъ, а также

естественныя преграды между отдѣльными политическими единицами, дремучіе лѣса, огромныя рѣки, непроходимыя болота, которыми столь изобилуетъ наша часть свѣта, наравнѣ съ варварскимъ обыкновеніемъ многихъ первобытныхъ племенъ обращать въ пустыню порубежныя земли, сдѣлали то, что на зарѣ историческаго времени, мы имѣемъ дѣло уже не только съ *народами* (а не просто племенами), но уже съ *народностями*, рѣзко обособленными и одна отъ другой ограниченными.

Тѣмъ не менѣе, представление о кровномъ родствѣ всѣхъ представителей и сочленовъ одного и того же народа, сохранилось, какъ мы уже видѣли, до нашихъ дней; и оно ярко слышится въ періоды повышенной политической жизни и возбужденнаго народнаго чувства.

Х. Крoваяя мeсть

Именно теперь, когда въ современныхъ государствахъ замѣчается стремленіе перестроить уголовное законодательство на новыхъ началахъ, чрезвычайно поучительно ближе ознакомиться съ установленіемъ, представляющимъ ядро и основаніе для всѣхъ позднѣйшихъ уложеній о наказаніяхъ. Мы говоримъ о кровавой мести, до сихъ поръ существующей въ Афганистанѣ, Албаніи, Корсикѣ, Сардиніи и у нѣкоторыхъ южно-славянскихъ народовъ.

По древнѣйшимъ, дошедшимъ до насъ свидѣтельствамъ, кровавая мeсть практиковалась у грековъ, германцевъ, кельтовъ, у западныхъ и восточныхъ славянъ. Слѣды ея встрѣчаются въ современной Ведамъ Индіи, у иранцевъ времени Авесты и у римлянъ. Обще-индо-европейская терминологія, относящаяся къ обычаю кровавой мести, сводится къ параллелизму слѣдующихъ словъ: греч. „πενί“ (pené), въ значеніи виры [пени] и кровавой мести; ирландск. „cáin“—покаяніе, искупленіе, въ смыслѣ возмѣщенія убытковъ, удовлетворенія за нарушеніе чьихъ-либо правъ или за обиду; древне-иранское „kaēna“—мeсть, наказаніе, отплата. Соотвѣтствующія глагольныя формы представлены въ греческомъ глаголѣ „τίνομαι“ (tinomai)—подвергаться наказанію, получать возмездіе, и въ древне-иран. „сі, сауатѣ“—мститъ, карать. Ниже приводимъ рядъ данныхъ, которыми была обставлена практика кровавой мести у большинства, если не у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ.

1. Область кровавой мести ограничивалась опредѣленными родственными кругами, входившими въ составъ семьи или родового клана (гл. IX). Тацитъ (Германія, гл. XXI) повѣствуетъ о германцахъ: „И вражда, и дружба переходятъ у нихъ, по чувству долга, отъ отца къ сыну, а также и отъ другихъ родныхъ. Къ счастью, не исключается возможность примиренія: ибо даже за убійство можетъ быть внесена плата въ размѣрѣ нѣсколькихъ штукъ крупнаго или мелкаго скота. Выкупъ идетъ въ пользу всей семейной общины (всего дома—domus). Право уплаты пени чрезвычайно важно съ государственной точки зрѣнія, такъ какъ кровавыя распри при всеобщей, ничѣмъ не ограниченной свободѣ грозили бы чрезмерно большой опасностью“. О кельтахъ читаемъ у Гиралдуса (Описание Камбріи, гл. 17); „Превыше всего они любятъ семью (родъ) и страстно мстятъ за кровь и поруганіе; ибо они мстительны въ душѣ и ужасны въ гнѣвѣ. Они готовы мстить не только за недавнія и новыя оскорбленія, но и за давнишнія“. Въ древнѣйшемъ русскомъ уголовномъ уложеніи великаго князя Ярослава Владимировича (1018—1054) читаемъ: „если убьеть мужъ мужа, то да мститъ братъ за брата, или сынъ за отца, или отецъ за сына, или братинъ сынъ, или сестринъ сынъ“ („Русская Правда“).

Если же не было мстителя, то откупались 80 гривнами (древняя монетная единица, собственно „ожерелье“); столько платили за кровь княжескаго мужа, т. е. дружинника, чловека, близкаго къ князю и т. д. У Гомера, гдѣ часто говорится о кровавой мѣсти, „мстителями“ называются сыновья, внуки, отецъ, братья, племянники и „этаи“ (étai), т. е. вся родня [присные].

2. Положеніе, вытекающее изъ долга кровавой мести и создающееся между двумя родами, называется по-нѣмецки „Fehde“ (древне-верхне-нѣмецкое „fēhida“), а въ славянскихъ языкахъ „вражда“. И то и другое слово тождественны съ „непріязню“.

Противоположное понятіе обозначается у нѣмцевъ словомъ „Friede“ (древне-верхне-нѣм. „fridu“, готское „fridōn—любить“, gafrithōn—мирить“); у русскихъ „миръ“—слово, происходящее, вѣроятно, отъ одного корня съ древне-инд. „mitrá—другъ“, и литовск „mylimas—милый“; итакъ „Friede“ и „миръ“ первоначально были тождественны съ „любовь“. „Миръ“ и „дружба“—а, по древнему воззрѣнію „родня“—также, слѣдовательно, тождественны. Чрезвычайно важно,

что въ русскомъ языкѣ „миръ“ обозначаетъ также нѣкоторое замкнутое сообщество людей (общину, общество), въ древности, несомнѣнно, отождествлявшееся съ семейной общиною, родомъ. Итакъ родъ, семья—есть область [царство] мира, въ предѣлахъ которой недопустима непріязнь.

Поэтому неудивительно, что слова, первоначально обозначавшія родственныя сообщества людей (группы людей, связанныхъ родственными узами), въ послѣдствіи стали употребляться въ смыслѣ „мира“ [отсутствія вражды].

Наиболѣе убѣдительный примѣръ представляетъ нѣм. слово „Sippe“ (готск. „sibja“), въ первоначальномъ значеніи „родни“, „семейной общины“, затѣмъ „рода“, и, наконецъ, въ древне-верхне-нѣмецкомъ яз. (у Татіана, въ „сводѣ четырехъ Евангелій“, подъ названіемъ „διὰ τέσσαρον“, нѣмецкій переводъ первой половины IX вѣка, въ Фульдѣ [Fubla]) ¹⁾— „мира“ [спокойствія, дружелюбныхъ отношеній]. Такимъ-же образомъ можно объяснить и греческое „εἰρήνη“ (eigēnē)—миръ, происходящее отъ „εἶρη“ (eigē)—собраніе, мѣсто сборищъ (Гомеръ, *Иліада* XVIII, 531; *Гезіодъ*, *Теогонія*, 804); этимологически оно, можетъ быть, тождественно съ древне-русскимъ „вервь—сообщество“. Такъ называется, согласно „Русской Правдѣ“, нѣкоторое содружество, обязанное въ опредѣленныхъ случаяхъ круговой порукой платить виру за содѣянные въ предѣлахъ „верви“ преступленія. Слѣдовательно, опять-таки, вервь не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ родою или семейною общиною. Такимъ образомъ у индо-европейскихъ народовъ представленіе о „мирѣ“ отождествлялось первоначально съ нѣкоторымъ внутреннимъ соглашеніемъ или состояніемъ, обязательнымъ въ предѣлахъ рода или семейной общины; извиѣ же, по отношенію къ враждебнымъ общинамъ, не могло быть „мира“, а лишь временное прекращеніе непріязни. Серьезнымъ возраженіемъ противъ отождествленія греческихъ „εἰρήνη“ и „εἶρη“ съ древне-русской „вервью“, служить лишь понынѣ еще не установленная для греческой фонетики наличность придыхательнаго „v“ (ϕ).

3. Кровавой мстью каралось на первомъ планѣ убійство мужа (человѣка), принадлежащаго къ другому роду (другой семьѣ), затѣмъ членовредительство (нанесеніе тяж-

¹⁾ Христіанскій писатель-апологетъ II в. по Р. Х., родомъ изъ Ассиріи. Будучи язычникомъ, много путешествовалъ по Азіи и Европѣ; въ послѣдствіи принялъ христіанство и увлекся гностицизмомъ. *Пер.*

кихъ ранъ); мсть за оскорбленіе на словахъ едва-ли была въ обычаѣ—по крайней мѣрѣ, въ древности. Дѣйствительно, если припомнить градъ ласкательныхъ эпитетовъ, которыми надѣляли другъ-друга передъ битвой гомеровскіе витязи, невольно напрашивается заключеніе, что праиндо-европейскіе народы не были чрезмѣрно щепетильны по отношенію къ словеснымъ оскорбленіямъ. Удивительно, однако, что въ извѣстныхъ случаяхъ кровавыя расправы не навлекали въ старину кровавой мести. Такъ, можно было безнаказанно убить пойманнаго на мѣстѣ преступленія любовника жены или вора, забравшагося въ чужой домъ. У большинства индо-европейцевъ, согласно древнѣйшему представленію объ уголовной отвѣтственности, подобныя расправы не были наказуемы, т. е., иначе—не подлежали кровавой мести. Повидимому, мы сталкиваемся въ данномъ случаѣ какъ-бы съ представленіемъ о нѣкоемъ дѣяніи, осужденномъ всей народною массой, съ идеей о посягательствѣ на права цѣлаго общества, во всей его совокупности, подобно кощунственному оскорбленію боговъ или умершихъ.

4. У всѣхъ индо-европейскихъ народовъ допускалась возможность откупиться отъ кровавой мести „виroy“ и покончить дѣло миромъ. Доказательства тому были даны выше, подъ цифрой 1). Уже у Гомера (Иліада, п. IX, ст. 631 в с.д.) находимъ оправданіе обычая виры:

„Братъ за убитаго брата,
 „Даже за сына убитаго пеню (ποινή) отецъ принимаетъ;
 „Самый убійца въ народѣ живетъ, отплатившись
 богатствомъ;
 „Пеню же взявшій, и мстительный духъ свой и гордое
 сердце,
 „Все наконецъ укрощаетъ“.

(Гнѣдичъ)

Обычность замѣны кровавой мести виroy уже въ праиндо-европейское время доказывается не только тѣмъ, что слова приведенной выше параллели греч. „ποινή“, (также ἄποινα, ὄν—возмездіе) древне-иран. „kaṇā“, ирл. „cáin“—употреблялись, какъ у Гомера, въ двойномъ смыслѣ: кровавой мести и замѣны ея виroy [цѣною крови], но въ особенности существованіемъ въ праязыкѣ самостоятельнаго термина для этой цѣны. Соответствующая параллель содержится въ нѣм. „Wer (geld)“, древне-верхне-нѣм. „wege“, древне-инд. „vāiga“, въ близкомъ соотношеніи съ которыми стоитъ, вѣроятно, и древне-русская „ви-

ра". Основное значеніе всѣхъ этихъ словъ: „цѣна мужа“ (Mann-geld), отъ готскаго „waig“, лат. „vir“, древне-инд. „virá“—мужь. Въ глубокой древности существовали уже, вѣроятно, точные разряды и подраздѣленія для виры. Такъ, древне-индійскіе источники опредѣляютъ цѣну мужа въ 100 коровъ. Выше мы видѣли, что Тацитъ также говорить объ „опредѣленномъ“ (certus) числѣ крупнаго и мелкаго скота, служившемъ цѣной крови. На древне-русской почвѣ убійство пастуха, князгаго тѣна, смерда, купца оплачивалось различными, разъ навсегда установленными вирами. То, что требовалось родомъ за кровь убитаго, или пострадавшимъ за понесенныя увѣчья, представляло цѣну или стоимость даннаго лица, и соотвѣтствовало тому, что могло быть, по тогдашнимъ временамъ, названо „честью“ (Ehre“). Итакъ „честь“ въ первоначальномъ ея значеніи не что иное, какъ тѣ деньги, которыя уплачиваются за убійство или нанесенныя увѣчья. Эволюція понятія ясна изъ лингвистическихъ сопоставленій: Греческое „τιμή“ (timé), отъ упомянутаго выше „τίωμα“ обозначало первоначально „мечь“. Такъ, Агамемнонь собрался въ походъ на многоконную Трою „εἵνεκα τιμῆς“ (héineka timés)—мести ради (Одиссея, XIV, 70, 117) ¹⁾. На слѣдующей ступени оно уже получило смыслъ „наказанія“, „кары“: „ἄτιμος“ (átimos) стало употребляться въ томъ же значеніи, какъ „νήπιος“ (nē, oinos) [отъ „ποιῦ“, т. е. человѣка, котораго можно убить безнаказано, человѣка безправнаго. И лишь на послѣдней ступени эволюціи „τιμή“ получило окончательный и обыденный смыслъ „чести“. Подобнымъ-же образомъ „τίω“ означало первоначально, по всей вѣроятности „мщѣ“ (сравни ἄντιτα—мечь) и лишь впоследствии получило значеніе „чтѣ—исполненіемъ завѣта мести“ [Кровавою мѣстью почтилъ память друга—„мщѣ“, слѣдовательно „чтѣ“].

Такова же исторія развитія общаго для всѣхъ славянскихъ языковъ слова „цѣна“, равнозначащаго древне-иранскому „каенâ“ и греческому „ποιμή“. Первоначальный смыслъ былъ „мечь“ и „вира“. Впоследствии же, исторически развились изъ него значенія „стоимость“ и „честь“. Славянское

¹⁾ Ст. 70; „ . . . и онъ за обиду Атрида съ другими Въ Трою неволей пошелъ истребить Иліонъ многоконный“ Ст 117. „Въ Троѣ погибъ, за оби у отмщая Атраева сыца?“ (Жуковскій) Пер

„дѣнити“ тождественно съ греческимъ „τιμάω“ (timáo— „чту“). Въ связи съ вышеизложеннымъ можетъ быть найдено также объясненіе остававшагося доселѣ темнымъ другого выраженія для понятія о „мирѣ“: мы говоримъ о готскомъ „gawairthi“. Едва-ли правильно сопоставлять „gawairthi“ съ нѣмецкимъ „werden“ (готск. „wairthan“—быть, становиться); оно скорѣе одного корня съ „Wert“ (готское „wairthi“—стоимость, достоинство). Согласно сказанному, готск. „ga wairthi“ (въ прагерманской формѣ „*ga—werth—iom“) обозначало бы первоначально понятіе, которое можетъ быть передано нѣмецкимъ „Ge—wertung“, т. е. „сооцѣнка“—соглашеніе, состоявшееся между двумя заинтересованными сторонами относительно „дѣны“, „оцѣнки“ нѣкоего третьяго лица, и, въ результатѣ, получившееся *мирное* разрѣшеніе спора на жизнь и смерть.

Такимъ образомъ, въ освященномъ глубокой древностью обычаѣ кровавой мести и ея замѣнѣ ви рою коренятся, на мой взглядъ, два глубочайшихъ и прекраснѣйшихъ начала человѣческой этики — понятіе о мирѣ и представленіе о чести.

5. Враждебное или мирное разрѣшеніе столкновений, подлежавшихъ кровавой мести, несомнѣнно было первоначально чисто семейнымъ дѣломъ двухъ враждующихъ родовъ. Тѣмъ не менѣе, та опасность, которую грозили всему племени непрекращавшіяся кровавыя усобицы между отдѣльными его родами (сравни Тацитъ, Германія. гл. 21: „слишкомъ опасны распри при существующей у нихъ свободѣ“), должна была уже въ весьма ранній періодъ доисторическаго быта побудить происходившія подъ предсѣдательствомъ князей (лат. „rex“, ирл. „rí“, древне-индійск. „ráj“) народныя племенные вѣча измышлять способы для мирнаго улаженія обоюдныхъ домогательствъ. Доказательствомъ тому служитъ англо-саксонское „thingon—улаживать“ (Беовульфъ, стихъ 470 ¹⁾), сокращенно выражающее „соглашеніе враждующихъ путемъ обсуждения на дингѣ ихъ взаимобвинений“ („дингъ“—вѣче, народное собраніе). Но, къ сожалѣнію, какъ сохранившіеся въ языкѣ словарныя пережитки,

¹⁾ Англо-саксонская поэма, названная по имени главнаго героя, побѣдителя чудовищъ и драконовъ. Древнѣйшій памятникъ народной поэзіи германцевъ, сохранившійся, однако, въ спискѣ VIII стол. по Р. X., съ явными слѣдами позднѣйшей христіанской обработкы *Пер*

которыми приходится преимущественно пользоваться, такъ и матеріалы, имѣющіе достовѣрность историческихъ источниковъ, почти не содержатъ указаній ни на обрядность, которою, несомнѣнно, обставлялось торжественное прекращеніе вѣковыхъ распрей, ни на обычаи и обстановку, которыми сопровождалось примиреніе. Поэтому полезно приглядѣться къ тѣмъ племенамъ индо-европейскаго единства, среди которыхъ законы кровавой мести были въ силѣ почти до нашихъ дней. Ниже, подъ цифрой 6, мы приведемъ вкратцѣ тотъ кодексъ неписаннаго права, которымъ руководились въ Черногоріи до 1855 г., когда самый институтъ кровавой мести былъ упраздненъ княземъ Данииломъ; а подъ цифрой 7 расскажемъ, какими церемоніями сопровождалось еще въ 1890 году улаженіе одной изъ кровавыхъ распрей въ южной Далмаціи.

6. До князя Даниила на учрежденіе кровавой мести смотрѣли въ Черногоріи, какъ на единственное средство поддержанія порядка и законности. Къ ней прибѣгали въ случаяхъ убійства, увѣчій, клеветы и видѣли въ ней исполненіе священнаго религіознаго долга по отношенію къ убитому. Въ особенности побуждали къ мести женщины. Мать постилала въ колыбель ребенка окровавленную сорочку мужа, а когда мальчикъ выросталъ, она постоянно клала передъ нимъ эту ужасную реликвію. Каждый мужчина—членъ семейнаго союза (братства) былъ связанъ долгомъ мести: прежде всего старшій сынъ убитаго, а если не было сыновей, то его братья. Если подлежавшій мести (обреченный) умиралъ, вина его переходила по наслѣдству къ ближайшимъ родственникамъ, такъ что иногда кровавые расчеты враждовавшихъ заканчивались въ лицѣ ихъ сыновей и внуковъ. Непосредственною цѣлью была смерть убійцы; если же отъ былъ недосыгаемъ, то его ближайшихъ родственниковъ: брата, отца, сына и т. д. Женщины, и—какъ ни странно—мужчины, которыхъ онѣ брали подъ свою защиту, были неприкосновенны: такъ оно по сей день практикуется въ Албаніи. Совершивъ убійство, виновникъ, обыкновенно, сначала убѣгаетъ въ отдаленныя мѣста страны или старается не сталкиваться съ родственниками убитаго въ церкви и т. п. На военное время кровавыя распри прекращались. Однако, случалось, что одинъ изъ двухъ враждующихъ родовъ заключалъ союзъ съ заклятыми врагами всего народа (турками или арнаутами). Такимъ образомъ

узы родства ставились выше народности и вѣры. Только „покура“, соединенная съ уплатой, „виры“ и унижительнымъ обрядомъ выдачи головою (смотри ниже, п. 7), могла положить конецъ кровопролитію. Въ народныхъ собраніяхъ (сборъ, скупщина) неоднократно возбуждались вопросы о прекращеніи долготѣтныхъ кровавыхъ распрей, угрожавшихъ мирному преуспѣянію страны. По принесеніи покоры забывалась непріязнь, а выдача головою не считалась обезчещивающимъ актомъ.

7. (Обрядъ мирнаго улаженія распрей въ южной Далмаціи). Съ 1877 года родовыя общины Бойковичей и Туйковичей жили въ непримиримой ненависти, такъ какъ Иво Бойковичъ во время спора застрѣдилъ Стояна, одного изъ членовъ семьи Зецовъ, изъ братства Туйковичей. Убійца давно умеръ, но остались сыновья, Иово Бойковичъ и Иово Зець, возмужавшіе къ 1890 году настолько, что могли возобновить распрю отцовъ. Къ счастью, дѣло не дошло до активныхъ выступленій. Въ результатѣ продолжительныхъ переговоровъ Бойковичи признали себя виновными, согласились принести покору Иову Зецу и выбрать 24 человекъ судей („добрыхъ людей“). Послѣдніе остановились на такихъ условіяхъ: Иово Бойковичъ долженъ выплатить Иово Зецу и его брату Нико 100 съ небольшимъ цехиновъ виры за отца. Надобно замѣтить, что цѣна крови опредѣляется числомъ нанесенныхъ кровавыхъ ранъ, и что 12 такихъ ранъ равносильны смертоубійству. Сверхъ того, третейскій судъ постановилъ, что Иово Бойковичъ и его родня должны устроить въ честь Иово Зеца пиръ на 300 человекъ, а также пригласить его съ роднею въ воспріемники къ 12 младенцамъ изъ семьи Бойковичей; одновременно должны быть заключены между обоими родами 12 побратимствъ. Наконецъ, въ силу традицій Иово Бойковичъ долженъ выдать Иово Зецу орудіе убійства. Для выполненія всѣхъ установленныхъ обрядностей былъ назначенъ день 27 августа. Церемоніи происходили частью передъ домомъ Зеца, частью же и преимущественно въ народномъ собраніи. Главнымъ актомъ передъ домомъ Зеца было вступленіе его родни въ права воспріемниковъ двѣнадцати отпрысковъ Бойковичей. Бойковичанки, каждая въ сопровожденіи двухъ третейскихъ судей, принесли на головахъ по колыбели съ ребенкомъ, и 12 человекъ изъ Зецовъ были воспріемниками. Гораздо сложнѣе оказалась часть программы, подлежащая

исполненію передъ лицомъ народа. Сначала обѣ враждовавшія семьи выстроились другъ противъ друга въ рядъ, на разстояніи 50 сажень, какъ войска, готовящіяся къ бою. Послѣ короткаго молчанія, со стороны Бойковичей выдѣлилась небольшая кучка людей. Впереди, на четверенькахъ, босой и простоволосый, ползъ, одѣтый въ бѣлую рубашку, сынъ убійцы. На шеѣ его болталось орудіе убійства, ружье, которое поддерживали за концы шедше по обѣ стороны двое изъ третейскихъ судей, также съ непокрытыми головами. Скорымъ шагомъ побѣжалъ къ нимъ на встрѣчу Іово Зець, чтобы прекратить унизительное шествіе. Подойдя къ Бойковичу, онъ поднялъ его съ земли, а тотъ поцѣловалъ ему ноги, руки и лицо.

Послѣ того былъ исполненъ обрядъ братанья 24 новыхъ побратимовъ, и всѣ собравшіеся усѣлись за столъ въ строго предназначенномъ порядкѣ, при чемъ, однако, ни Іово Зець, ни 12 воспріемниковъ не прикасались ни къ пищѣ, ни къ питью, въ знакъ неполнаго примиренья. Только къ концу пиршества произошла уплата виры, звонкою монетой, за-завернутой въ бумагу и сложенной на блюдо. Но третейскіе судьи продолжали настаивать на недостаточности виры, и подъ громкія причитанья женщинъ, Бойковичи стали складывать все свое оружіе на большой металлическій подносъ, къ ногамъ Іово Зеца. Тогда, наконецъ, тотъ подозвалъ свою новую родню (побратимовъ) и сказалъ Іово Бойковичу: „Я все отдаю назадъ! Да отпустится тебѣ смерть моего отца и да предастся все забвенію! Отнынѣ и впредь пусть будутъ между нами братство, миръ и любовь! Я не хочу брать цѣну крови, не возьму съ того стола тѣ бѣлыя лоскутья (т. е. завернутыя въ бумагу деньги)! Я возвращаю все!“

Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ (но далеко не во всѣхъ) матеріальная сторона покаянія не болѣе, какъ символизмъ. Въ особенности касательно оружія, несомнѣнно, было предусловлено, что оно вернется къ собственникамъ. По окончаніи всей церемоніи одинъ изъ третейскихъ судей влѣзъ на столъ и вслухъ прочелъ окончательное постановленіе 24 судей о наступившемъ замиреніи. Актъ былъ переданъ Зецу, а послѣднимъ, въ свою очередь, Бойковичу.

Какимъ образомъ суживались предѣлы распространенія кровавой мести у отдѣльныхъ народовъ и постановленія о ней растворялись въ общей массѣ уголовного законодательства, составляетъ предметъ исторіи государственнаго права.

Мы укажемъ только вкратцѣ на эволюцію вопроса на востокѣ, у русскихъ. Повидимому, до Владимира право кровавой мести было ничѣмъ не ограничено, какъ въ Черногоріи до князя Даниіла. Подъ давленіемъ духовенства Владимиръ сдѣлалъ попытку казнить убійцъ рукою палача, въ глубинѣ души считая новый порядокъ прегрѣшеніемъ противъ уклада предковъ. Ибо кровавая мечь была освящена религіей. Поэтому онъ, повидимому, вскорѣ вернулся на стезю отцовъ. Сынъ его Ярославъ (1018—1054) представилъ право мести опредѣленнымъ степенямъ родства. При неимѣнніи законныхъ мстителей уплачивалась вира въ размѣрахъ отъ 40 до 80 гривенъ. Сыновья Ярослава закончили дѣло отца, установивъ за каждое кровопролитіе уплату виры въ кунахъ (въ пользу потерпѣвшаго или князя?). Если убійца оставался необнаруженнымъ, за убійство отвѣчала та вервь, въ предѣлахъ которой находилась голова убитаго. Вся вервь уплачивала „вирное“ (отъ „вира“).

Несомнѣнно, что взглядъ на обычай кровавой мести, только какъ на беспорядочное проявленіе присущей каждому человѣку жажды отмщенія, былъ бы по существу неправиленъ. Зародившись на почвѣ личныхъ чувствъ, кровавая мечь, будучи упорядочена законами обычнаго и государственнаго права, приняла характеръ долга или обязательства передъ лицомъ божества и человѣчества и представляла тотъ краеугольный камень, на которомъ зиждилось въ доисторическое время представленіе о законѣрности. О значеніи кровавой мести въ дѣлѣ развитія торговли и международныхъ отношеній въ доисторическое время мы уже говорили выше. Но рядомъ съ преступленіями, подлежащими кровавой мести, совершались и такія злодѣянія, которыя носили характеръ противообщественный, или затрагивали интересы цѣлаго народа, или же разсматривались, какъ оскорбленіе религіи. Для нихъ существовало въ праязыкѣ названіе, содержащееся въ соотвѣтствіи древне-инд-го „á'gas“ = греческому „ἄγος.“ (ágos), которому въ нѣмецкомъ языкѣ соотвѣтствуетъ по значенію слово „Sünde“ (древне-верхне-нѣм. „sunta“), а въ славянскомъ общее всѣмъ народамъ славянскаго происхожденія слово „грѣхъ“.

„Грѣхъ“ подлежалъ суду народнаго собранія (міра, вѣча) и карался либо смертію, либо изгнаніемъ.

XI. Религія.

За послѣднія десятилѣтія наука все болѣе и болѣе приходитъ къ заключенію, что красочные, чрезвычайно содержательные образы языческихъ божествъ, съ которыми мы встрѣчаемся въ Ригведѣ и у Гомера, какъ напр.: Агни индійскихъ Ведъ, другъ боговъ и людей, жрецъ, возносящій въ огнѣ жертвеннаго пламени дары смертныхъ къ подножію бессмертныхъ, или же Зевсъ Гомеровскаго эпоса, о которомъ говорится, что онъ

„Рекъ, и по знаменье черными Зевсъ помаваетъ бровями.
„Быстро власы благовонные вверхъ поднялись у Кронида
„Окрестъ бессмертной главы; и потрясса Олимпъ многохолмный“¹⁾);

—что всѣ эти—повторяю—глубоко продуманные и прочувствованные образы боговъ представляютъ результатъ культурной эволюціи въ предѣлахъ отдѣльныхъ народностей и лишь основаніями своими могутъ восходить къ индо-европейскому прошлому. Поэтому для изученія зачатковъ религіозныхъ вѣрованій гораздо удобнѣе и лучше обратиться къ доисторическому прошлому народовъ, культурно стоявшихъ ниже грековъ, римлянъ, иранцевъ или индусовъ, уже на зарѣ своей исторіи представшихъ передъ нами въ ореолѣ многовѣковыхъ цивилизацій, расцвѣтшихъ не безъ вліянія восточныхъ [неиндо-европейскихъ] историческихъ народовъ, т. е. къ прошлому кельтовъ, германцевъ, литовцевъ и славянъ. Религіи сами по себѣ составляютъ неотъемлемую часть культурнаго облика этихъ древнихъ цивилизацій.

Въ числѣ предвѣчныхъ тайнъ, волновавшихъ и продолжающихъ волновать человѣчество, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ тайна бытія и небытія, жизни и смерти. Бѣглое знакомство съ любимъ изъ доисторическихъ музеевъ показываетъ, какъ откликались на эти вопросы наши далекіе предки. Въ тщательно выстроенныхъ, тысячелѣтія пережившихъ гробницахъ лежатъ мертвые, въ рѣзкомъ противорѣчьи съ тѣми сколоченными на живую нитку домиками, въ которыхъ они обитали при жизни. Горшки, кувшины и блюда, когда-то содержавшіе пищу, разставлены вокругъ покойника. Тутъ же его оружіе, орудія и домашняя утварь, платье и

¹⁾ Илиада. пѣснь I, ст. ст. 582—84, въ переводѣ Гнѣдича. Пер.

украшенія. Даже животныя, рабы и рабыни, иногда и жена, слѣдовали за нимъ въ мѣсто вѣчнаго упокоенія. Весь похоронный обрядъ становится понятенъ лишь при допущеніи, что въ представленіи тогдашнихъ людей смерть была только иной формой жизни; что, согласно ихъ вѣрованію, душа—индо-европейское слово для которой соотвѣтствуетъ нѣмецкому „Atem“ (древне - верхне - нѣм. *atum*), древне - индійскому „*âtman*“—дыханіе, духъ продолжаетъ жить послѣ смерти въ могилѣ или въ ближайшемъ съ нею сосѣдствѣ, и что условія его бытія тѣ же, какъ и при жизни. На фонѣ означенныхъ обще-индо-европейскихъ представленій о существѣ загробной жизни уже въ далекомъ праисторическомъ прошломъ сложились вполне опредѣленные отношенія живыхъ къ мертвымъ, лучше всего наблюдаемая среди русскаго, въ особенности же бѣлорусскаго крестьянскаго населенія...

Послѣдній вздохъ... Подъ потолкомъ въ стѣнѣ открываютъ маленькое оконце, такъ называемый „душникъ“, чтобы душа усопшаго могло свободно отлетать и возвращаться къ тѣлу. Обмытый руками близкихъ, одѣтый въ бѣлую лѣтнюю рубашку, въ новыхъ лаптяхъ и въ шапкѣ, покойникъ съ подобающею честью кладется на лавку, ногами къ дв.ри. Тотъ не умеръ „честно“, кто не лежалъ на лавкѣ въ своей избѣ, кому сынъ не закрылъ глаза и надъ кѣмъ не причитала дочь. Изба наполняется мало-по-малу близкими и знакомыми людьми. Женщины начинаютъ причитать съ такими взрывами дикаго отчаянья, что незнакомому съ обычаями дѣлается страшно за жизнь плачущихъ; а люди опытные знаютъ, что неутѣшные горестные вопли наполовину искренни, наполовину вызываются требованіями приличія. Причитанія имѣютъ свои градаціи, по степенямъ родства: иначе причитаетъ мать, иначе вдова, иначе сестры и невѣстки, и т. д. Въ причитаніяхъ бѣлорусской вдовы мы встрѣчаемъ обычные упоминанія о доблестяхъ покойнаго, жалобы на беззащитность „малыхъ дѣтушекъ“, сомнѣніе въ томъ, кто будетъ ихъ „кормильцемъ“, кто повѣсть на сиротинушекъ тепломъ. Даже о чистой правдѣ, которой „училъ“ ее усопшій, печалится теперь неутѣшная вдова.

Иногда встрѣчаются по деревнямъ наемныя плакальщицы, славящіяся на всю губернію. Мужчины не причитаютъ, но обращаются къ покойнику съ горестными рѣчами и вопросами, причемъ все время выражаютъ глубокую увѣренность, что онъ все понимаетъ и все слышитъ.

Два-три дня спустя слѣдуетъ выносъ, въ древнѣйшей формѣ сохранившійся, повидимому, у заволжскихъ старовѣровъ. Покойника несутъ на черномъ „одрѣ“, на плечахъ ближайшихъ родственниковъ. „Одръ“ представляетъ теперь носилки. Но такъ какъ этимъ самымъ именемъ называютъ въ тѣхъ мѣстахъ обычную въ домахъ скамью или лавку, то въ давнія времена покойника несли, вѣроятно, къ мѣсту вѣчнаго упокоенія на той самой лавкѣ, на которой онъ лежалъ въ избѣ.

По возвращеніи съ кладбища, участники похороннаго обряда подлежатъ процедурѣ „очищенія“. Затѣмъ совершаются поминки, во время которыхъ покойника поминаютъ всѣми ласкательными именами, которыми такъ богатъ русскій языкъ, потому что усопшій уже принять въ сонмъ „святыхъ отцовъ“ (у бѣлоруссовъ „дзяды“), для чего, однако, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ необходимо соблюсти рядъ дополнительныхъ обрядовъ. Встрѣчается также повѣрье, будто душа по смерти шесть недѣль мается въ тоскѣ по тѣлу и каждую ночь прилетаетъ въ хату, чтобы напиться изъ приготовленнаго для этой цѣли ковша [котла, ушата]. Эти „святые праотцы“—настоящіе, дѣйствительные „боги“, которые неусыпно слѣдятъ за добрыми и злыми начинаніями въ семьѣ и въ домѣ и тяжело караютъ свою бывшую родню за непочтительное отношеніе, пасылая раздоры, падежи скота, неурожай и т. п. Поэтому крестьяне тщательно поддерживаютъ связь со „святими праотцами“ цѣлымъ рядомъ поминальныхъ дней, распадающихся на *мѣстные*, ограниченные узкимъ кругомъ ближайшей родни, и *общіе*, за отправленіемъ которыхъ слѣдитъ держовъ. Первые справляются въ Бѣлоруссіи поминальными обѣдами въ третьи, шестые, девятые, двадцатые и сороковые дни со смерти, придерживаясь строго завѣщаннаго старинной обряда. Словами:

— „Святые дяды, зовемъ васъ, ходите до насъ:
„Есть тутъ все, что Богъ далъ, и чѣмъ только хата богата.
„Святые дяды, летите до насъ“—

призываются души усопшихъ. А, по окончаніи угощенія, такимъ-же порядкомъ отпускаются во свояси:

— „Святые дяды, вы сюда прилетѣли
„Пили ѣли
„Теперь улетайте къ себѣ
„Да скажите, что вамъ еще надобно,
„А лучше летите на небо. ¹⁾

¹⁾ Н. П. Степановъ. Народные праздники на Святой Руси.

Угощенье состоитъ въ томъ, что каждый участникъ отъ каждаго блюда, число которыхъ непременно нечетное, отсыпаетъ на столъ по нѣсколько ложекъ, орошая ихъ немногими каплями вина, такъ что по окончаніи поминокъ весь столъ бываетъ заваленъ объѣдками для покойниковъ ¹⁾. Равнымъ образомъ нѣкоторыя кушанья выставляются въ горшкахъ за окно. Излюбленную ѣду на похоронныхъ и поминальныхъ торжествахъ составляютъ въ Бѣлоруссіи клецки. Выраженіе—„ну, клецки ему“ — равносильно что такой-то при смерти. Настроеніе пирующихъ въ началѣ обычно нѣсколько принижено, такъ какъ малѣйшій шорохъ объясняется присутствіемъ усопшихъ. Но вскорѣ пиршество принимаетъ совсѣмъ другой оттѣнокъ, и, подѣ влияніемъ спиртныхъ напитковъ, начатое въ горѣ пиршество оканчивается радостью, весельемъ, пляской, состязаньями, ряженьемъ и т. п.

Среди всеобщихъ поминаній первое мѣсто принадлежитъ справляемой въ первую недѣлю послѣ Пасхи „радунницѣ“. Поминовенье и угощеніе покойниковъ происходитъ на самомъ кладбищѣ; а зловѣщія обращенія къ усопшимъ и горестныя причитанья кончаются и здѣсь смѣхомъ и игрою, хороводами и любовными изліянiami.

Отъ крестьянскаго угара на далекомъ сѣверѣ Европы, вернемся мысленно назадъ за нѣсколько тысячелѣтій, къ священнымъ берегамъ Инда или на классическое побережье Средиземнаго моря.

Престарѣлый Пріамъ везетъ изъ ставки Ахиллеса обратно въ родной городъ тѣло лучшаго изъ своихъ сыновъ. Вся Троя толпится у воротъ въ отчаяніи и горѣ. Старецъ обращается къ собравшимся съ такою рѣчью:

„Дайте дорогу, друзья, чтобы мески ²⁾ проѣхали; послѣ
„Плачемъ вы всѣ насыщайтесь, какъ мертваго въ домъ привезу я!
„Такъ говорилъ; разступилась толпа и открыла дорогу.
„Жъ славному дому привезши, на пышно устроенномъ ложѣ
„Тѣло они положили; пѣвцовъ, начинателей плача,
„Подлѣ него помѣстили; а жены имъ вторили стономъ“. ³⁾

¹⁾ Оставленные «для дядовъ» объѣдки идутъ потомъ на кормъ голубямъ, воробьямъ, домашней птицѣ (Степановъ, Праздники на св. Руси). *Пер.*

²⁾ Мулы.

³⁾ Илиада, пѣснь XXIV, 716—722 (Гнѣдича). *Пер.*

Приближаются родственницы—мать, вдова, невьстка—и поочереди начинают оплакивать мертваго:

„Первая плачь подняла Андромаха, младая супруга,
 „Гектора-мужеубійцы руками главу обнимая;
 „Рано ты гибнешь, супругъ мой цвѣтущій! рано вдовою
 „Въ домъ меня покидаешь! А сынъ безсловесный младенецъ,
 „Сынъ, которому жизнь злеполучные мы даровали!
 „Онъ не достигнетъ юности!“
 „Гекторъ! но мнѣ ты оставилъ стократъ жесточайшія скорби!
 „Со смертнаго ложа, увы! не простеръ ты руки мнѣ любезной;
 „Слова не молвилъ завѣтнаго, которое бь вѣчно
 „Я поминала и ночи и дни, обливаясь слезами!“ ¹⁾

Послѣ сожженія тѣла и насыпки кургана:

„Всѣ собралися вновь, и блистательный пиръ пировали
 „Въ домъ великомъ Пріама, любезнаго Зевсу владыки,
 „Такъ знаменитаго Гектора Трои сыны погребали.“ ²⁾

Набросанную Гомеромъ картину можно дополнить другими данными.

Совершенно такъ же, какъ на сѣверѣ, греческое погребальное торжество распадается на четыре раздѣльныхъ акта. *Первый* актъ—положеніе тѣла на одрѣ, какъ въ Россіи, ногами къ двери, согласно изображеніямъ, найденнымъ на многихъ вазахъ такъ называемой диллонской эпохи; *второй*—оплакиванье наемными пѣвцами (плакальщиками), главнымъ же образомъ родственницами; проявленія отчаянія бывали при томъ такъ неистовы, что нѣкоторые законодатели, напр. Солонъ, особыми постановленіями воспрещали бить себя въ грудь и по головѣ; царапать лицо и т. п.; *третій*—выносъ тѣла на „одрѣ“. [“κλίνη“—ложе, лавка], на которомъ оно лежало въ домѣ; а по возвращеніи съ кладбища, *четвертый* актъ—обрядовое очищеніе, со слѣдовавшимъ за нимъ поминальнымъ пиршествомъ, за которымъ, по распространенному повѣрью, присутствовала душа покойнаго. Отсюда—обычай помянуть усопшаго за ѣдой только добромъ, и латинская пословица „de mortuis nil nisi bene“ [не помянуть покойника зломъ].

Подобно тому, какъ на сѣверѣ, культъ предковъ сохранился и въ Индіи, и у южно-европейскихъ народовъ въ Греціи, и въ Римѣ. Въ Греціи и въ Итали отъ него уцѣлѣли

¹⁾ Илиада, пѣснь XXIV, стихи 723—728 и 741—745 (Гнѣдичъ).

²⁾ Илиада, пѣснь XXIV, ст. 801—804. (Гнѣдичъ),

жалкіе обрывки, но въ Индіи онъ красной нитью проходитъ черезъ всю духовно-религіозную жизнь народа. „Святымъ дядямъ“ бѣлоруссовъ соотвѣтствовали „di parentes“ и „божественные маны“ римлянъ; герои (ἦρωες), такъ наз. „лучшіе и высшіе“, а также „τριτοπάτορες“ [треотцы демоны аттическихъ тритій] грековъ; главнымъ же образомъ, „отцы — pitá-gas“ древнихъ индусовъ, у которыхъ разработанный до мелочей культъ предковъ неисчислимыми мельчайшими подробностями напоминаетъ описанные выше поминальные обряды русскихъ. У индусовъ душа усопшаго также въ теченіе нѣкотораго времени мается на землѣ и навѣщаетъ жилище оставшейся родни, въ которомъ ей предлагаютъ пищу и кувшинъ воды, пока, наконецъ, соотвѣтствующимъ ритуаломъ, усопшій не бываетъ сопричтенъ къ сонму обоготворяемыхъ прародителей. Въ Индіи такъ же строго соблюдается поклоненіе предкамъ.— „Не дѣлайте намъ зла, о отцы“—говорится въ Ригведѣ—„если, по человѣчеству, (т. е. по несовершенству человѣческой природы) мы согрѣшимъ противъ васъ“— „Отцовъ“ весьма церемонно приглашаютъ принять участіе въ пирѣ:

— „О, питарась, усладите вкусъ свой яствами, возьмите каждый свою часть!—и такъ же церемонно отпускаютъ во свояси:

— „Уходите, возлюбленные питарась, предвѣчными таинственными путями, и оставьте намъ богатство и счастье“.

И въ Индіи преобладающую роль въ поминовеніи покойниковъ играетъ „клецка“, на древне-индійскомъ „pinda“. Отсюда техническое выраженіе для родственниковъ, сообща долженствующихъ приносить жертву прадѣду, дѣду и отцу: „saripinda“—т. е. „одноклецники“¹⁾. Въ Индіи, какъ и въ Россіи, все нечетное принадлежитъ мертвымъ; и какъ въ Россіи поминальные обѣды сопровождаются щедрымъ угощеніемъ нищей братіи, такъ въ Индіи во время похоронныхъ празднествъ (śrāddha's), снабжаются пищею и платьемъ цѣлыя полчища браминовъ, представителей усопшихъ душъ.

Въ вышеназванныхъ странахъ²⁾ также повсемѣстно наблюдается различіе между частными и общими поминовеніями. Такъ, въ Греціи выносили на могилы пищу въ 3-и, 9-е и 30-е дни. Всеобщій праздникъ въ честь усопшихъ справлял-

¹⁾ Сравни русское „однокашники“. Пер.

²⁾ Т. е. Италиі, Греціи и Индіи. Пер.

ся въ Аѳинахъ, какъ радуница, весной, послѣ антестерій¹⁾). Въ этотъ день выносились на могилы горшки съ произведеніями земли¹⁾, а изъ сопоставленія съ бѣлорусскими поминальными обрядами выясняется, откуда взялась греческая поговорка, что все упавшее подъ столъ—для мертвыхъ.

Въ Индіи печалованіе по покойникамъ также заканчивалось весельемъ:

„Идемте предаваться пляскамъ и играмъ,
„Мы, которымъ суждено еще наслаждаться долгою
жизнью“.

Приведенныя параллели можно бы продолжить, но сказаннаго вполне достаточно, чтобы понять, насколько важную роль въ религіозныхъ представленіяхъ праиндоевропейцевъ долженъ былъ играть строго выработанный до мелочей культъ предковъ и служенія усопшимъ.

Названныя религіозно-бытовыя учрежденія были чрезвычайно важными факторами въ исторіи культуры праиндоевропейцевъ. Объ ихъ религіозно-историческомъ значеніи мы поговоримъ еще разъ ниже. Но общественно-бытовая сторона народнаго уклада тѣсно связана съ культомъ усопшихъ. Ибо тѣ же члены родственной семьи, на обязанности которыхъ лежало воздавать должное покойнымъ отцу, дѣду и прадѣду, были связаны другъ съ другомъ правомъ наслѣдованія и долгомъ кровавой мести, на которой зиждилась въ далекомъ прошломъ неприкосновенность личности и спокойствіе семейныхъ общинъ (см. гл. X). И далѣе: такъ какъ всякій былъ увѣренъ, что благополучіе его въ потустороннемъ мірѣ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ жертвоприношеній сына, то женитьба представлялась роковою необходимостью. А эта увѣренность привела, въ свою очередь, въ порядкѣ ужасающей и зловѣщей послѣдовательности, къ неоспоримо констатированному на древне-русской почвѣ обычаю загробнаго вѣнчанія холостяковъ, причемъ обвѣнчанная съ покойникомъ на краю могилы или на кострѣ супруга должна была слѣдовать за мужемъ въ лучшей міръ.

Возвращаясь отъ мрачныхъ ужасовъ смерти и могилы къ болѣе свѣтлымъ впечатлѣніямъ, позволю себѣ рассказать

¹⁾ Антестеріи или аневестеріи—празднества въ честь Діониса или Вакха, на третій день которыхъ выставлялись, въ видѣ жертвы для подземныхъ боговъ и умершихъ, горшки съ вареными стручковыми плодами. *Пер.*

о нѣкоторыхъ личныхъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ мною во время странствованій по не слишкомъ удаленнымъ отъ Петербурга мѣстностямъ.

Лѣтомъ 1907 года мнѣ пришлось побывать въ Олонецкой губерніи, въ маленькой деревенькѣ Косальма, по дорогѣ къ знаменитому Кивачу, гдѣ я прогостилъ мѣсяцъ въ усадьбѣ языковѣда и академика Фортунатова, труды котораго пользуются почетною извѣстностью какъ въ русской, такъ и въ нѣмецкой наукѣ. Названная деревенька лежитъ на узкомъ перешейкѣ, извивающемся между двумя громадными озерами—Кончозеромъ съ востока и Укшозеромъ съ запада. Такимъ образомъ, мѣстоположеніе благопріятствовало частымъ поѣздкамъ водою въ сосѣднія карельскія и русскія деревни.

22 іюля мы отправились въ расположенную на западномъ берегу Укшозера деревню Намоево. Было первое послѣ Ильина дня воскресенье, называемое въ той мѣстности „бараньимъ“, такъ какъ въ этотъ день приносятся пророку Или въ жертву барашки. Нѣмецкіе историки церкви съ удивленіемъ отмѣтили фактъ, что въ 1520 году, т. е. въ вѣкъ реформаци, на Литвѣ вайделотомъ (жрецомъ) было совершенно торжественное закланіе въ жертву быка. Что бы сказали они, если бы знали, что еще нынѣ, въ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ, въ разстояніи немногихъ часовъ ѣзды отъ губернскаго г. Петрозаводска, происходятъ подобныя же жертвоприношенія, по всѣмъ правиламъ языческой обрядности, лишь слегка обвѣянной христіанскимъ духомъ?

Три или четыре барашка, пожертвованные по обѣту богатыми мужиками, были приведены въ это воскресенье подъ вечеръ въ Намоево. Тамъ ихъ притащили къ деревенской часовнѣ, зарѣзали и освѣжжали. Мясо снесли внизъ, къ озеру и сварили въ двѣнадцать поставленныхъ у воды котлахъ. Варили мужчины; женщины только смотрѣли. Когда мы спросили, почему онѣ уклоняются отъ обычной женской работы, одна отвѣтила, что „пророкъ Илья не любитъ бабъ“; другая коротко и ясно сказала: „намъ не полагается“. Когда мясо сварилось, его въ котлахъ принесли въ часовню и поставили подъ образа. Здѣсь его окадили ладаномъ, зажженнымъ на угольяхъ, принесенныхъ изъ горѣвшихъ подъ котлами костровъ. Пока кадили, пѣлъ дѣтскій хоръ. Потомъ мясо было здѣсь же въ часовнѣ распродано желающимъ; деньги пошли въ пользу церкви, а мясо съѣдено дома. Странное впечатлѣніе производило полу-шутливое, полу-тор-

жественное настроеніе варившихъ мясо мужчинъ, нарушавшеся только обычнымъ въ Россіи крѣпкимъ словцомъ.

Позже я узналъ, что въ другихъ мѣстахъ Олонецкой губ. въ Ильинъ день приносятъ пророку въ жертву даже цѣлаго быка. Затѣмъ, по освященіи мяса духовенствомъ, здѣсь же на лугу устраивается настоящій жертвенной пиръ съ попойкой.

Кто же такой этотъ пророкъ Илья, которому оказываются столь великія почести? Какъ въ Библии онъ является повелителемъ огня и воды и возносится на небо въ огненной колесницѣ, такъ для всей крестьянской Россіи Илья-пророкъ—настоящій богъ грома, молніи и потоковъ дождя. Въ Олонецкой губерніи уже дѣтямъ внушается величайшее почтеніе къ пророку. Илью называютъ „милостивымъ“, взываютъ къ нему объ укрощеніи бури и просятъ о теплыхъ росахъ. Его же считаютъ покровителемъ стадъ, и на Егорія хозяинъ поручаетъ его охранѣ скотъ, молить объ отвращеніи надеждъ и общается на Ильинъ день быка или барана.

Въ земледѣліи онъ также играетъ не послѣднюю роль, такъ какъ въ глазахъ простого народа Ильинъ день приходится на рубежъ лѣта и осени, передъ страдной порою.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что пророкъ Илья замѣнилъ одного изъ языческихъ древнихъ боговъ—бога Перуна, особенно почитавшагося въ древнемъ Кіевѣ, тождественнаго съ литовскимъ Перкуномъ, богомъ грома и молніи. И теперь еще у бѣлоруссовъ „перунъ“ обозначаетъ ударъ грома (молніи ¹), отъ церковно-славянскаго „перъ, пьрати“—бить, громить. Крестьяне олицетворяютъ перуны (молнію) въ образѣ высокаго, широкоплечаго, большеголоваго парня съ густой черной гривой, черными же глазами и золотою бородой. Въ правой рукѣ у него лукъ, въ лѣвой кочанъ и стрѣлы. Онъ развѣзжаетъ по небу на колесницѣ и мечетъ огненные стрѣлы. Именно въ такомъ видѣ былъ изображенъ пророкъ Илья на лубочной картинѣ, висѣвшей въ Намоевской часовнѣ.

Славянскому Ильѣ - Перуну черта въ черту соотвѣтствуетъ древне-индійскій богъ грозы и дождя Парджанья (Parjanya)—и не только лексически и фонетически, какъ недавно вновь старались доказать, но и по существу. Парджанья,

¹) То же въ польскомъ: „rogun“—молнія. *Пер.*

такъ же, какъ Илья-Перунъ, разбѣзжаетъ по небу въ колесницѣ, а въ Ригведѣ онъ воспѣвается такими строфами:

- „Привѣтствуй всемогущаго пѣсню,
 „Восхвали Парджанью, низведи его съ благоговѣнїемъ!
 „Вѣтры бушуютъ, удары молніи учащаются,
 „Травы встаютъ, небо исполняется и вадуается
 „Каждое существо получаетъ свою долю влаги,
 „Когда благотворное сѣмя Парджаньи струится на землю!
 „Рычи же, греми и разсыпай свое сѣмя,
 „Катись (по небесамъ) въ полной воды колесницѣ;
 „Развернй мѣхи (съ водой) и наклони ихъ къ низу,
 „Преисполни (водой) долины и холмы.
 „Вотъ, ты далъ дождь, теперь довольно!
 „Ты покрылъ наши поля водою,
 „Ты выростилъ намъ въ пищу травы,
 „Ты исполнилъ все, о чемъ просили тебя люди!“

Такимъ образомъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнїю, что въ Перунѣ мы имѣемъ дѣло съ обще-индо-европейскимъ божествомъ, источникъ котораго должны искать въ предвѣчномъ и ежечасно возрождающемся чувствѣ таинственнаго трепета передъ грозой:

- „Когда тучи свинцомъ небеса застилаютъ
 „И вдали глухо громъ прогремилъ,
 „Всѣ сердца боязливо тогда ощущаютъ,
 „Какъ судьба безгранично надъ ними царитъ.
 [Шиллеръ. Мессинская невѣста IV, 4. пер. К. Р.]

У западныхъ индо-европейцевъ Перуну соответствуетъ обще-германскій, древне-верхне-нѣмецкій „Donar“, древне-сѣверный „Thótt“, современный нѣм. „Donner“, повторяющійся въ древне-кельтскомъ „Tanagas, Taranos“.

Только у римлянъ и грековъ роль громовержца досталась другому праиндо-европейскому божеству, опредѣляемому параллелью: греч. „Ζεὺς πατήρ“ (Zeús patēr) — Зевсъ отецъ, латинскимъ „Juppiter“, древне-индїйскимъ „Dyaúṣ pitā“, т. е. „отецъ — Dyaúṣ“. Основное значеніе этихъ словъ — „сверкающее, ясное дневное небо“, какъ видно изъ древнѣйшаго гомеровскаго эпитета для Зевса-отца „дальноокій“ (Eurýōra). По Геродоту персы обожали весь небосводъ, который называли „Зевсомъ“. Итакъ, дневной свѣтъ воплотилъ въ себѣ второе представленіе о божествѣ у индо-европейцевъ; о томъ самомъ божествѣ, тоска по которому слышится въ словахъ умирающаго поэта: „Свѣта, больше свѣта!“¹⁾

¹⁾ По преданію—слова Гёте на смертномъ одрѣ. Пер.

Несомнѣнно, что уже въ праиндо-европейское время „небу-отцу“ противопоставалась „мать-земля“. Геродотъ сообщаетъ о скиѣяхъ (IV, 59), что они обоготворяли небо и землю и вѣрили, что земля—супруга неба. Въ Ригведѣ на каждомъ шагу сопоставляются „Dyaúś pitá“ (небо—отецъ) и „Pṛthivī́ mā́tā“ (мать—земля).

Древне-индiйскому „pṛthivī“, въ точности, согласно звуковымъ законамъ, соответствуетъ англо-саксонское „folde“ — земля; по адресу этой „folde“, въ древнѣйшемъ дошедшемъ до насъ отрывкѣ англо-саксонской поэзіи — благословеніи нивъ и полей—говорится дословно:

„Привѣтъ тебѣ, о земля, мать людей,
„Да оплодотворяютъ тебя объятія бога,
„Да исполнишься ты плодородіемъ на благо людей“.

Въ русскихъ народныхъ повѣрьяхъ встрѣчаемся съ культомъ „матери-сырой-земли“, именины которой празднуются 10 мая. Въ этотъ день земля раститъ цѣлебныя травы, которыя собираетъ знахарка. „Мать-сыра-земля“ — возлюбленная свѣтлаго бога-весны „Ярилы“ или „Грома-гремучаго“. На „радуницу“ народъ въ пѣсняхъ призываетъ „громъ гремучій“ ударить „огнемъ-молніей“, разразить „мать-сыру-землю“ громовою стрѣлой; а сама „мать-сыра-земля“ должна гостеприимно разступиться „на всѣ четыре стороны“ и принять оплодотворяющую стрѣлу бога весны.

Русское „земля“ почти буква въ букву совпадаетъ съ еракійско-фригійской „Семелой“, родившей божественнаго Діониса, т. е. „сына неба“. Страшною клятвой обязала она возлюбленнаго, т. е. Зевса, явиться ей въ своемъ истинномъ обликѣ. Онъ исполнилъ ея желаніе — и Семела погибла, сраженная ударами грома и сожженная молніей (сравни выше, древнегерманскаго „*Tiwisco“).

Отъ союза неба съ землею родилась та небесная сила, которой, согласно древне-индiйскимъ и русскимъ сказаніямъ, человекъ обязанъ — выражаясь словами поэта — всѣмъ тѣмъ, что онъ создаетъ и творитъ, т. е. огонь. Еще въ началѣ XV столѣтія Іеронимъ Пражскій засталъ на Литвѣ поклоненіе вѣчному священному огню. „Жрецы храма—писалъ онъ—заботятся о томъ, чтобы никогда не истощался запасъ топлива“. Въ концѣ средневѣковья мы и на крайнемъ сѣверѣ встрѣчаемся съ культомъ, по существу тождественнымъ съ древне-римскимъ служеніемъ Вестѣ, съ вестал-

ками-жрицами (гр. „ἑστία“ [hestiā] — очагъ). По Геродоту, скиѣы также почитали огонь наравнѣ съ землею и небомъ. У литовцевъ священный огонь и вообще всякій огонь по сей день называютъ „ugnis“, что тождественно съ русскимъ „огонь“, лат. „ignis“ и древне-инд. „agni“; отъ послѣдняго же, какъ мы видѣли выше, производится одно изъ величайшихъ божествъ Ригведы. Поклоненіе огню домашняго очага, въ странномъ соединеніи съ культомъ воды, играло выдающуюся роль при свадебныхъ торжествахъ, представлявшихъ второй, послѣ похоронныхъ обрядовъ, семейный праздникъ у праиндо-европейскихъ народовъ (ср. гл. I). Но еще раньше, чѣмъ успѣвали зажечь—или, по тогдашнему—раздуть на очагѣ священный огонь, являлась на небѣ свѣтлая ликомъ богиня, будившая сонливыхъ лѣнивцевъ, неоднократно воспѣтая въ Ригведахъ „Ушасъ“—утренняя заря:

„Она внезапно появляется на востокѣ, она, дочь неба, одѣтая въ свѣтлыя ризы; пути ея неуклонны и предопредѣлены отъ вѣка; они знакомы ей, и она шествуетъ по нимъ прямо“.

„Она открываетъ свою бѣлую грудь, какъ дѣвица; расточаетъ свои сокровища, какъ купецъ; раннимъ гостемъ (гостьей) будить она спящихъ, младшая изъ всѣхъ тѣхъ, которыя (ежедневно) приходятъ.“

„На востокѣ, при первомъ ароматномъ вѣтеркѣ, мать оповѣщаетъ о ней среди толпы разноцвѣтныхъ облаковъ, и все шире и шире разрастается (сіяніе), пока не преисполнятся имъ лоно земли и небо“.

Эта древне-индійская „Ушасъ“—этимологически родственная латинскому „аугога“ и гомеровской „розоперстной эосъ“, соотвѣтствуетъ, по самому имени, нѣмецкому свѣтлому празднику, пробуждающему къ новой жизни спящую землю, бросающему сѣмена новой надежды въ сердца оробѣвшихъ людей—нѣмецкому „Ostern“ [пасха], древне-верхе-мѣн. „Ostara“—бывшему когда-то языческимъ праздникомъ весны. Нить, связывающая утреннюю зарю съ весной, объясняется тѣмъ особеннымъ почитаніемъ, которымъ были окружены весеннія зори у древнихъ индусовъ: заря весны, утро года.

Всѣ вышеназванные праиндо-европейскіе боги: громъ, огонь, утренняя заря, земля, къ которымъ, по непреложнымъ свидѣтельствамъ Геродота о персахъ (I, 131) и Цезаря о древнихъ германцахъ (De bello Gallico VI, 21), мы должны причислить также солнце, луну, воду и вѣтеръ, такъ или

иначе связаны съ „небомъ“. А потому въ основаніи всѣхъ праиндо-европейскихъ названій для „божества“ или должно лежать представленіе о „небесномъ“, или же они непосредственно должны происходить отъ „небо“. Таковы лат. „deus“, литовск. „diéwas“, древне-инд. „dévā“, стоящіе въ непосредственной связи съ выше уже упомянутымъ древне-индійскимъ „dyáuś“; таковы же греческій „Ζεὺς“ и латинскій „Juppiter“.

Итакъ, въ противоположность почитанію „предковъ“, культъ „небеснаго“ представляетъ второй концентрической кругъ индо-европейскихъ религіозныхъ идей.

Поэтому одинъ изъ величайшихъ изслѣдователей въ области исторіи религіи (Максъ Мюллеръ), вполне правъ, когда утверждаетъ, что тождественность латинскаго „deus“ съ литовскимъ „diéwas“ и древне-индійскимъ „dévā“—было однимъ изъ величайшихъ открытій въ области культурной исторіи человѣчества. Однако, никоимъ образомъ не слѣдуетъ приписывать духу первобытнаго времени тѣ позднѣйшія идейныя представленія, которыя были впоследствии связаны съ приведенными выше словами у различныхъ народовъ и въ позднѣйшее время. Если взять какое-либо божество временъ расцвѣта язычества, хотя бы греческаго Аполлона, то въ немъ мы встрѣчаемся съ чрезвычайно рельефно очерченной божественной личностью, надъ которою много и долго работали мысль и воображеніе великаго культурнаго народа, творческій геній поэтовъ, рѣзецъ искусныхъ ваятелей. Однимъ словомъ, независимо отъ названія бога, о происхожденіи котораго мы во многихъ случаяхъ, къ сожалѣнію, совсѣмъ не освѣдомлены, передъ нами ясно вырисовывается фигура божества-покровителя и властителя нѣкоторой опредѣленной области человѣческаго существованія. Совсѣмъ не то видимъ мы въ праиндо-европейскихъ богахъ. Названіе вещи и бога въ нихъ еще нераздѣльны. Такъ, славянскій Перунъ въ Бѣлоруссіи до сихъ поръ значитъ „молнія“; индійскій „Агни“ тождественъ съ русскимъ „огонь“; греческій „Ζεὺς“ въ древне-индійскомъ значитъ попросту „небо“. Иначе, объектами поклоненія были именно громъ, огонь, небо, или же тѣ атрибуты божественности, которые проявляются въ громѣ, въ огнѣ, въ видимомъ небѣ—не больше, не меньше. Когда Геродотъ былъ въ Додонѣ, гдѣ прорицали волю небесъ по шуму листьевъ священнаго дуба, онъ узналъ, что пелазги, т. е. „древніе“, или первобытные жители Греціи, приносятъ жертвы богамъ и молятся имъ.

однако, не называютъ ихъ по именамъ. Вотъ эти-то безъимянныя „небожители“ и были богами праиндо-европейскаго прошлаго.

Но и по отношенію къ безымяннымъ богамъ уже дѣйствуетъ тотъ же законъ человѣческаго духа, въ силу котораго онъ можетъ поклоняться безконечному только въ конечномъ и безсмертному только въ образѣ смертнаго. Очеловѣченіе или олицетвореніе такъ же стары, какъ вѣра въ боговъ; но они колеблются между животнымъ и человѣческимъ образами, между которыми въ первобытное время не было, повидимому, такой пропасти, какъ теперь. Въ томъ же ведійскомъ гимнѣ „Парджанья“ то сравнивается съ возницею, катящимся по небу въ преисполненной дождемъ колесницѣ, то съ быкомъ, неистово бѣгущимъ по полю. Русскій народъ любитъ сравнивать солнце съ золотымъ оленемъ съ серебряными копытами, бѣгущимъ по небу; и съ такой же простодушной наивностью сравнивали въ архаической Греціи Геру къ коровой, Артемиду съ медвѣдицей, Аполлона съ волкомъ. Доисторическою археологіею многократно констатировано во многихъ мѣстахъ существованіе небольшихъ рельефныхъ фигурокъ людей и животныхъ, несомнѣнно представляющихъ олицетворенія божества.

Еще важнѣе, но и гораздо труднѣе, отвѣтъ на вопросъ о нравственномъ смыслѣ „божественности“ у пранародовъ. На высшихъ ступеняхъ язычества боги повсюду являются въ образѣ охранителей какихъ либо писаныхъ или неписаныхъ законовъ. Таковъ-ли смыслъ „божественности“ и въ праисторическое время? Не думаю. По моему мнѣнію, связь между нравственностью и высшими силами слѣдуетъ искать въ первомъ отмѣченномъ нами циклѣ праиндо-европейскихъ религіозныхъ вѣрованій—въ поклоненіи предкамъ.

Начала нравственности сами собой зарождаются въ человѣческомъ обществѣ изъ присущаго человѣку стремленія отличать нравственное отъ безнравственнаго. Возникшія въ одномъ поколѣніи, они передаются слѣдующему, дополняются и измѣняются. Въ этой постоянной борьбѣ стараго съ новымъ прошлое всегда представляется, какъ время покоя, чего-то упроченнаго, обезпечивавшаго счастливое пользованіе жизнью: „доброе старое время“. Греки называли своихъ предковъ „лучшими и высшими“; бѣлоруссы также думаютъ, что во времена „дѣдовъ“ жилось лучше.

Поэтому „отцы“ всегда считаются хранителями добрых нравовъ, откуда самое слово „нравственность“. Нравственность не имѣла никакого отношенія къ божественности, и небожителями лишь позднѣе замѣнили въ данномъ смыслѣ отцовъ.

Обращаясь къ эпитетамъ, которыми надѣляется въ Иліадѣ Зевесъ, видимъ, что ихъ великое множество и что всѣ они тѣсно связаны съ силами природы. Зевса называютъ „собираателемъ тучъ“, „громовержцемъ“, „молніелюбцемъ“ и т. д. Природнымъ эпитетамъ можетъ быть противопоставленъ только одинъ изъ области этики: „Zeus ksénios“ — „Зевсъ покровитель гостепрѣимства“, о чемъ уже подробно говорено въ гл. VI. Поэтому я думаю, что въ первобытное время небожители были только помощниками людей въ сферахъ вліянія, присушихъ каждому изъ боговъ и опредѣлявшихся ихъ именами. Такъ, взывали къ богу грозы, когда нуженъ былъ дождь или угрожали враги; молились зарѣ, чтобы она скорѣе разогнала ужасы ночи, и т. п. Но, чтобы помогать, надо подкрѣпляться пищею и питьемъ; отсюда жертвоприношенія этимъ богамъ наравнѣ съ предками.

Древнѣйшіе жертвенные обычаи, несомнѣнно, были ближе къ Памоевскимъ, нежели къ древне-индійскимъ, греческимъ, римскимъ. У послѣднихъ жертва какъ бы препровождалась непосредственно въ жилища боговъ вмѣстѣ съ жертвеннымъ дымомъ. Въ первобытное же время мясо варилось, какъ въ обыденной жизни, въ котлахъ, а затѣмъ—какъ подробно рассказываетъ Геродотъ о древне-персидскихъ жертвенныхъ церемоніяхъ — боговъ приглашали заклинаніями принять участіе въ пиршествѣ. По всей вѣроятности, нѣмецкое „Gott“ [богъ], готское „guth“, не болѣе какъ такое, низведенное съ неба заклинаніями божественное начало. Въ пользу сказаннаго говоритъ то, что „богъ“ былъ по-нѣмецки первоначально средняго рода „das Gott“; это указываетъ на весьма неопредѣленное представленіе о божественномъ.

Жрецовъ, каковыми они рисуются намъ въ историческое время, т. е. людей, профессионально отпращивавшихъ функціи общенія съ божествомъ, тогда еще не было ¹⁾; но существовали священные семьи, въ которыхъ изъ рода въ родъ передавались чудодѣйственныя формулы заклинанія. Повсюду, въ томъ числѣ и у индо-европейскихъ народовъ, волхвъ является предше-

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ—въ моей книгѣ „Психологическія и соціальныя основы творчества рѣчи“. А. Полюдинъ.

ственникомъ жреца. Не было и сооруженныхъ руками людей храмовъ. „Небожителей“ представляли живущими на высокихъ горахъ или на верхушкахъ деревьевъ священныхъ роцъ, почитаніе которыхъ было распространено по всей Европѣ, а не у однихъ только германцевъ, о которыхъ у Тацита сказано [Германія, гл. 9]: „они считаютъ несомвѣстимымъ съ величіемъ небожителей заирать ихъ межъ четырехъ стѣнъ, или же представлять ихъ въ образѣ человѣческомъ. Они посвящаютъ имъ лѣса и роци и называютъ „богами“ нѣчто таинственное, осязательное лишь для преклоненія въ духѣ“.

Значительно проще и, вѣроятно, болѣе соотвѣтствуетъ первобытному міровоззрѣнію сообщеніе палскаго секретаря Энея Сильвіо Пикколомини, касающееся Литвы (по Иерониму Пражскому). „Тамъ было нѣсколько роцъ, почитавшихся равно священными. Когда Иеронимъ вырубалъ ихъ, огромная толпа женщинъ съ воемъ и крикомъ окружила Витольда, одного изъ литовскихъ князей, и жаловалась, что священный лѣсъ уничтоженъ, что у нихъ отнять пріютъ божества, въ который они привыкли ходить съ мольбой о божественной помощи. Изъ лѣсовъ получали они и дождь, и сіяніе солнца. Теперь же не знаютъ, гдѣ искать бога, ибо отняли у нихъ его мѣстожительство“.

Итакъ, мы познакомились съ циклами „предковъ“ и „небожителей“. Однако, набросанная картина древнѣйшихъ представленій индо-европейцевъ будетъ не полной, если, въ заключеніе, я не коснусь въ короткихъ словахъ вопроса о судьбѣ или рокѣ, стоящемъ въ нѣкоторомъ смыслѣ внѣ всякой религіи. Въ данномъ случаѣ нельзя говорить объ отношеніи всего „пранарода“ къ той таинственной силѣ, которая тяжелыми взмахами крыльевъ провожаетъ человѣка отъ колыбели до самой могилы, а лишь объ отношеніи къ ней отдѣльныхъ народовъ на зарѣ ихъ самостоятельной жизни.

Вернемся же еще разъ къ Иліадѣ. Трижды заставилъ непреборимый Ахиллъ бѣгущаго Гектора обогнуть стѣны Трои. Близится роковая минута... и съ бьющимся сердцемъ ждуть напряженные слушатели, на чьей сторонѣ будетъ отецъ людей и боговъ. Что же случилось?

Но лишь въ четвертый разъ до Скамандра ключей прибѣжали; „Зевсъ распростеръ, промыслитель, вѣсы золотые; на нихъ онъ „Бросилъ два жребія Смерти, въ сонъ погружающей долги: „Жребій одинъ Ахиллеса, другой Пріамова сына. „Взялъ посредникъ и поднялъ: поникнулъ Гектора жребій, Тяжкій къ Аиду низшелъ. Апполонъ отъ него удалился.

Какая сила управляла всѣми? Она называлась „мойра“ — неисповѣдимый, неизбѣжный рокъ, царящій высоко надъ юдолюю міра, какъ пѣшками, швыряющій даже богами, дѣлая ихъ игральщемою своей воли; рокъ — та непреодолимая сила, которая повергаетъ человѣка въ прахъ и въ то же время возноситъ его до небесъ. Такое въ высшей степени отвлеченное представленіе о судьбѣ не имѣетъ въ себѣ ничего первобытнаго; а міръ классической Греціи даетъ полную возможность облечь идею въ совершенно конкретные образы. Греческая „мойра“ обозначала первоначально „долю“ — и только.

То, что могло бы здѣсь показаться намъ темнымъ, получаетъ, какъ и раньше случалось, должное освѣщеніе черезъ посредство славянскихъ источниковъ. Греческой „мойрѣ“ соотвѣтствуютъ русскія „доля“ и „часть“. И та и другая даются человѣку отъ матери; а въ русскихъ былинахъ и пѣсняхъ сынъ нерѣдко жалуется, что мать родила его безъ доли и счастья. У грековъ въ доисторическое время каждому также доставалась своя отдѣльная „мойра“, когда мать рождала его на свѣтъ божій. И какъ у славянъ „доля“ обвѣяна духомъ божественнаго предопредѣленія, такъ у грековъ „мойры“ обратились въ „богинь судьбы“. Одна изъ послѣднихъ — подъ тѣмъ же названіемъ „мойра“ — воплотила собою въ послѣдствіи отвлеченное представленіе о неисповѣдимой судьбѣ, о неизбѣжномъ „*fatum*“ [рокѣ]. Не менѣе безспорны нижеслѣдующія аналоги. У древнихъ славянъ великимъ почетомъ пользовались „роженицы“. „Перунъ“, „родъ“ и „роженцы“ нерѣдко упоминаются въ древне-русскихъ источникахъ рядомъ, въ смыслѣ сочетанія небеснаго (громовержець), загробнаго (родъ, предки) и земнаго (рожденіе). „Роженицы“ тождественны, между прочимъ, съ греческими „*Εἰληθείαις*“ [богинями родовъ и родильницъ], о которыхъ нерѣдко упоминается наравнѣ съ мойрами, и римскими богинями судьбы „Парками“. Послѣднія происходятъ отъ „*pario*“ — я рождаю, какъ „роженицы“ отъ „родить“. У кельтовъ и у германцевъ „матери“ (*matres, matronae*), также упоминаются часто въ числѣ существъ божественнаго происхожденія; большое же множество идоловъ женскаго пола, находимыхъ повсемѣстно въ Европѣ, въ особенности же въ Малороссіи (см. раскопки г. Хвойко въ бассейнѣ Днѣпра), несомнѣнно являются воплощеніемъ культа, аналогичнаго съ культомъ рожениць (богинь получаемой отъ матери доли). Названныхъ

идоловъ отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ „каменными бабами“ южной и югозападной Россіи и, частью, Сибири.

Такимъ образомъ, древнѣйшее представленіе о „судьбѣ“ сводится къ „долѣ“, получаемой человѣкомъ отъ матери вмѣстѣ съ жизнью. Въ этомъ взглядѣ есть и нѣчто дѣтски-наивное, и нѣчто глубоко философское, если принять во вниманіе, что во всемъ сложномъ комплексѣ причинъ и послѣдствій, лишь въ малой части доступныхъ изслѣдованію, и заключается то, что мы называемъ „судьбой“ человѣка. А въ этой „судьбѣ“ однимъ изъ главнѣйшихъ моментовъ бываетъ именно унаслѣдованное черезъ мать, прирожденное наслѣдіе всего восходящаго ряда предковъ.

Можетъ ли столь внезапное проявленіе материнскаго начала быть разсматриваемо, какъ достояніе праиндо-европейскаго бытового уклада, въ которомъ, какъ мы знаемъ изъ VIII главы, родственнымъ связямъ по матери не придавалось никакого значенія? Не думаемъ. Наиболѣе вѣроятнымъ представляется намъ въ данномъ случаѣ отголосокъ чуждыхъ индо-европейскому духу вліяній, исходящихъ отъ народовъ, жившихъ въ матриархатѣ. Какъ бы то ни было, представленіе о мойрѣ, судьбѣ или долѣ проникло глубоко въ самую суть индо-европейскихъ религій.

Велѣнія этой судьбы непреоборимы. Но рядомъ съ ними люди измыслили тысячи разнообразныхъ способовъ приподнять на мгновеніе таинственную завѣсу судьбы: полетъ птицъ и внутренности животныхъ; дымящаяся кровь военно-плѣнныхъ и повадки лѣсной дичи; шумящая листва дуба, вѣщіе сны, дымъ очага—все это средства, съ помощью которыхъ поколѣнія легковѣрныхъ мечтателей стремились исторгнуть у неутомимой судьбы ключъ къ ея тайнамъ.

Сильнѣе всего проникнуть фатализмомъ европейскій востокъ. Но и его сыны, по мѣрѣ того, какъ расширяется ихъ участіе въ исторической жизни, все смѣлѣй и смѣлѣй сбрасываютъ съ себя путы „доли“ и вооружаются „волей“, чтобы стать на защиту своихъ правъ.

ХII. Гдѣ прародина индо-европейцевъ?

Въ I главѣ было указано, что изъ области первичнаго распространенія индо-европейцевъ слѣдуетъ исключить—какъ занятая позже—Индію, Иранъ, Малую Азію, Балканскій,

Апенинскій и Пиринейскій полуострова, всю Францію, Англию и Ирландію, а также сѣверныя области Россіи къ западу и востоку отъ Урала. Такимъ образомъ, древнѣйшая намѣчающаяся полоса распространенія индо-европейцевъ тянулась, то суживаясь, то расширяясь, отъ Рейна и до Гиндукуша, причемъ границы эти должны пониматься, какъ въ высшей степени гадательныя и приблизительныя.

Большая часть полосы была равниной,—тѣмъ болѣе, что входящія въ ея предѣлы альпійскія предгорія подлежатъ, вѣроятно, исключенію, такъ какъ населеніе въ нихъ было чрезвычайно рѣдкое, разсѣянное вдоль береговъ швейцарскихъ озеръ, и къ тому же, повидимому, не индо-европейское. Самые же массивы Альпъ служили достаточной преградой для проникновенія индо-европейцевъ къ югу, на полуострова.

Въ данномъ отношеніи сошлись, можно сказать, всѣ языковѣды и историки, которые, въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ десятилѣтій, занимались изслѣдованіемъ вопроса о прародинѣ индо-европейцевъ. Поэтому невольно приходитъ въ голову: да не пора ли успокоиться, покончить споры и сказать „вотъ она, прародина индо-европейцевъ“? Мы, вѣдь, уже видѣли, что разселеніе индо-европейцевъ, какъ и другихъ народовъ (напр. турко-татаръ), было возможно въ доисторическія времена на весьма обширныхъ площадяхъ, безъ утраты общности праязыка, распавшагося уже въ историческое время. Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, не признать вышеочерченной территоріи за родину праиндо-европейцевъ, разъ мы имѣемъ дѣло съ топографически довольно однообразной мѣстностью, въ цѣломъ и общемъ мало расчлененной и весьма умѣренно изрѣзанной горами? Почему не допустить, что въ различныя эпохи изъ нея вышли на югъ арійцы (индусы и иранцы), иллирійцы и еракійцы; а отъ этихъ послѣднихъ въ Малую Азію фригійцы и армяне; развѣ не такимъ же образомъ отдѣлились греки и италійцы? Сюда можно бы приурочить также исходную точку переселенія германскихъ народовъ, а также до сихъ поръ еще не прекратившейся, но только временно задержанной японскою войной, волны русскаго движенія на востокъ и сѣверо-востокъ.

Если наука не удовлетворяется подобной постановкою вопроса, и всячески стремится къ суженію рамокъ громадной площади и къ ограниченію понятія прародины, то, главнымъ образомъ, потому, что здравый смыслъ вполнѣ

мирится съ *существованіемъ*, но не съ *возникновеніемъ* на столь обширной территоріи праиндо-европейскаго единства формъ и словарнаго состава языка. Можно хорошо себѣ представить, что общеиндо-европейское, скажемъ, „bhéreti“ [береть, несетъ] древне-инд. „bháragati“, лат. „fert“, или „mâté (r)“ (древне-инд. „mâtá‘“, лат. „mâter“—матерь), родившись въ границахъ тѣснаго кружка, было занесено вдаль кочующими группами. Но невозможно допустить, чтобы образованіе всѣхъ элементовъ единства сложилось исключительно путемъ культурныхъ позаимствованій отъ народа къ народу, при томъ черезъ неизмѣримо большія разстоянія. Одновременно мы видѣли, что отдѣльные индо-европейскіе народы, хотя-бы, напр., славяне, до позднѣйшаго своего расселенія занимали строго ограниченную область; судить же о доисторическихъ процессахъ по историческимъ ихъ аналогіямъ и естественно, и соблазнительно.

Итакъ, мы дошли до самой основы вопроса о прародинѣ индо-европейцевъ, занимавшаго людей науки съ того момента, когда было установлено праиндо-европейское единство, и до нашихъ дней, когда пренія ведутся не только съ выдающеюся живостью, но даже страстностью. Разобраться во всѣхъ спорныхъ точкахъ зрѣнія я отнюдь не считаю своей задачей. Но попытаюсь вкратцѣ очертить всѣ выдающіяся за послѣднія годы наблюденія и разобраться въ относительной ихъ цѣнности.

Всѣ изслѣдованія могутъ быть отнесены къ двумъ группамъ: антропологическо - археологическихъ и лингвистико-историческихъ.

Если начать съ первыхъ, то необходимо указать на два главнѣйшихъ пробѣла доисторическаго матеріала въ смыслѣ интересующаго насъ вопроса: во - первыхъ, ни черепъ, ни мечъ, ни глиняный горшокъ не могутъ непосредственно свидѣтельствовать о принадлежности ихъ бывшихъ собственниковъ къ индо-европейскому или иному языковому единству; ибо, какъ мы выше видѣли, въ числѣ первобытныхъ жителей Европы было достаточно туземцевъ не индо-европейскаго происхожденія. Этотъ пробѣлъ незаполнимъ, и причина его кроется въ самомъ характерѣ вещественныхъ находокъ. Что касается второго, то, конечно, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, для нашего поколѣнія недостижимомъ, могутъ явиться значительныя пополненія. Дѣло въ томъ, что на весьма обширныхъ площадяхъ съ индо-европейскимъ населеніемъ,

какъ, напр., въ Россіи, въ большей части Туркестана, въ Иранѣ, въ Индіи, доисторическая археологія находится еще въ младенческомъ періодѣ; поэтому всѣ матеріалы, собранные по интересующему насъ вопросу, носятъ, такъ сказать, западно-европейскую окраску, бросающую весьма односторонній свѣтъ, какъ на древнѣйшій индо-европейскій бытовой укладъ, такъ и на передвиженія народныхъ массъ,—подобно тому, какъ, если-бы лингвисты вздумали судить о праиндо-европейскомъ языкѣ исключительно по даннымъ языковъ нѣмецкаго, латинскаго и греческаго.

Въ частности, всѣ антропологическо-археологическія попытки установить мѣсто прародины индо-европейцевъ могутъ быть подраздѣлены на три группы: исключительно археологическія, исключительно антропологическія и комбинированныя на основаніи данныхъ той и другой науки.

О первыхъ можно ограничиться немногими словами, тѣмъ болѣе, что все существенное было уже высказано выше. Въ самомъ дѣлѣ, даже людямъ, не привыкшимъ къ логическому и научному ходу доказательствъ, должно быть ясно, что провозгласить какой-либо одинъ опредѣленный типъ ископаемаго человѣка, напр., длинноголовый скандинавскій со всѣми его характерными особенностями—единымъ истиннымъ праиндо-европейскимъ типомъ, и построить на данномъ утверженіи цѣлую теорію скандинавскаго происхожденія индо-европейцевъ—есть то, что называется научнымъ произволомъ.

Тотъ путь, который выбрала праисторическая археологія, чтобы самостоятельно, безъ содѣйствія другихъ наукъ, добраться до родины праиндо-европейцевъ, приблизительно былъ слѣдующій: приступали къ всестороннему изслѣдованію ископаемыхъ находокъ котораго-либо одного изъ очаговъ праиндо-европейской культуры и старались опредѣлить, не носятъ ли они слѣдовъ послѣдовательнаго вторженія одного или нѣсколькихъ народовъ. Если такихъ слѣдовъ не находилось, или даже замѣчалось преемственное и органическое развитіе одного и того же культурнаго инвентаря, то считали себя вправѣ заключить, что данный очагъ находится на исконно индо-европейской почвѣ, а, слѣдовательно, представляетъ одинъ изъ уголковъ пра родины. Такимъ-то образомъ древне-германскія коренныя поселенія по южнымъ побережьямъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей были провозглашены родиною не только прагерманцевъ, но и праиндо-европейцевъ. Краеугольнымъ камнемъ

выставлялось утверждение, будто не только начиная съ неолитическаго вѣка, но даже съ эпохи кьеккенмеддинговъ (кухонныхъ или пищевыхъ отбросовъ ¹⁾) и вплоть до историческихъ временъ, имѣлись всѣ признаки ничѣмъ не прерываемаго культурно-историческаго процесса. На этой почвѣ возникло представленіе о бѣлокурыхъ и длинноголовыхъ индо-германскихъ предкахъ, а также столь льстящая нѣмецкому народному тщеславію теорія о сѣверно-европейскомъ происхожденіи всѣхъ вообще индо-европейцевъ.

Хотя слѣдуетъ признать, что сторонники вышеназванной теоріи какъ-никакъ пытались обосновать ее научно,—все-же противъ доказательности приведенныхъ ими положеній говорить весьма и весьма многое. Развѣ мы обладаемъ въ достаточной мѣрѣ разработанными данными о каменномъ періодѣ, чтобы на ихъ основаніи рѣшать вопросъ о преемственности поколѣній или о чередованіи народностей? На Осторфѣ, небольшомъ островкѣ неподалеку отъ Шверина, найдены скелеты, въ высшей степени заинтересовавшіе изслѣдователей. Они явно принадлежатъ народу, рѣзко отличавшемуся отъ господствовавшаго въ Сѣверной Германіи населенія каменнаго вѣка. Черепя принадлежатъ широколицымъ долихокефаламъ, съ узкимъ подбородкомъ и сильно выдающеюся нижней челюстью, придававшими имъ большое сходство съ теперешними эскимосами. Въ противоположность господствовавшему тогда въ Сѣверной Германіи, Даніи и Швеціи обычаю хоронить покойниковъ въ мегалитическихъ постройкахъ (гунскія могилы, каменные избы, дольмены и кромлехи), они зарывали своихъ мертвецовъ почти въ уровень съ землей. Но обстановка погребенія [погребальный инвентарь] была тождественна съ таковою же въ мегалитическихъ могилахъ. „Отсюда ясно, что народъ, оставившій по себѣ плоскіе могильники, былъ всецѣло приобщенъ къ мѣстной и современной ему каменной культурѣ, а, слѣдовательно, несмотря на расовое различіе, не былъ чужимъ въ семьѣ туземныхъ населеній“—говоритъ А. Шлицъ. А если такъ, то какое же значеніе можно придавать единообразію археологическихъ

¹⁾ Кухонными отбросами или остатками (кьеккенмеддинги называются находимыя въ Даніи (и др. мѣстахъ) кучи раковинъ, оставшіяся отъ первобытныхъ обитателей страны и заключающія въ себѣ, сверхъ пустыхъ створокъ устриць и др. моллюсковъ, также кости звѣрей и птицъ и нѣкоторыя грубыя каменныя орудія. *Пер.*

находоѡъ въ смыслѣ доказательства преемственности поколѣній и расоваго единства населенія? Далѣе: развѣ есть возможность рѣшить по отношенію къ Италіи и Греціи, гдѣ индо европейцы явились, несомнѣнно, позднѣйшими пришельцами, чтѣ составляетъ ту предѣльную черту или моментъ, начиная съ которыхъ мѣстныя археологическія древности становятся *индо-европейскими*? Ибо повсюду и всегда повторялось одно и то же: либо пришельцы разрушали мѣстную культуру, либо же являлись въ роли продолжателей. Итакъ, если антропология и археология, порознь взятыя, не могутъ внести ничего новаго въ вопросъ о прародинѣ индо-европейцевъ (чѣмъ отнюдь не умалается значеніе обѣихъ для изслѣдованія индо-европейскихъ древностей), то нельзя ли скомбинировать обѣ отрасли такимъ образомъ, чтобы, содѣйствуя одна другой, онѣ могли все же привести къ важнымъ заключеніямъ этнологическаго и географическаго характера?

Говоря объ индо-европейскомъ горшечномъ искусствѣ мы уже указывали, что керамическія древности доисторическаго времени классифицируются археологами, на основаніи вполнѣ опредѣленныхъ данныхъ, въ особыя географическія группы,—пріемъ, въ одинаковой мѣрѣ примѣнимый и къ остаткамъ погребальныхъ сооружений, оружію, всевозможной утвари и т. п. Такимъ образомъ, получаютъ опредѣленные культурные участки, которые, по приведеніи въ извѣстность и классификаціи находимыхъ вмѣстѣ съ древностями человѣческихъ останковъ, ставятся въ связь съ географическимъ распредѣленіемъ тогдашнихъ народонаселеній. Такъ, напр., въ предѣлахъ неолитическаго вѣка выдѣляютъ культурную область ленточной керамики (отъ лентообразныхъ и иныхъ подобныхъ имъ узоровъ на глиняныхъ сосудахъ); послѣдняя распадается, въ свою очередь, на нѣсколько подгруппъ, которымъ всѣмъ присущи будто бы характерные признаки чисто земледѣльческихъ осѣдлостей съ поселками деревенскаго характера. Всѣ округи, соединенныя общностью ленточнаго орнамента, связываются между собою якобы въ отличіе отъ прочихъ общностью умѣренно-долихокефальныхъ череповъ народонаселенія. Главнѣйшими пунктами означенной чрезвычайно широко раскинувшейся области называютъ Ленгель въ Венгріи, Гросгартахъ у Хейльбронна и Хенкельштейнъ у Вормса. Соотвѣтствующее населеніе характеризуютъ именемъ „*Дунайскихъ народовъ*“, т. е. расы, вышедшей въ европейскую каменную эпоху

съ береговъ Дуная. Къ такимъ же культурнымъ областямъ принадлежитъ „Рёссенская“ (Рёссенъ у Мерзебурга), которой приписывается собственная керамика и самостоятельная „Рёссенская раса“.

Различая и отграничивая одну отъ другой подобныи культурныи и расовыи области, специалисты тѣшатъ себя надеждой на возможность разобраться въ нѣкоторыхъ этнографическихъ особенностяхъ и фактахъ, относящихся къ неолитическому вѣку и позднѣйшимъ примыкающимъ къ нему эпохамъ. Такъ, напр., нѣкоторыя крупныя народныя перемѣщенія, относящіяся къ каменному вѣку, вызваны будто бы внезапною волной пришельцевъ, характеризуемыхъ именемъ „нареда полосатыхъ кубковъ“ (по найденнымъ при археологическихъ раскопкахъ бокалообразнымъ урнамъ съ поперечно-полосатою орнаментировкой). Разсѣянныя по громадной площади, отъ западной Франціи и Британскихъ острововъ до Моравіи и Венгріи, они были знакомы съ употребленіемъ лука и стрѣлъ, имѣли брахикефальные конические черепа и пр.

Спрашивается, какъ быть историку, столкнувшемуся лицомъ къ лицу съ подобными начатками доисторической этнографіи? Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ лишенъ какого-либо критерія для оцѣнки результатовъ измѣреній антропологовъ, углубляющихъ въ тонкости краниометрии, и долженъ принимать на вѣру то, къ чему можно было придти и безъ помощи антропологовъ: т. е. что въ каменный и ранній металлическій періоды населеніе Европы состояло изъ расово-неоднородныхъ элементовъ (съ черепами „клинообразными“, „грушевидными“, „веретенообразными“, „двойкоокруглыми“ и „щитовидными“).

Менѣе могутъ претендовать на такое безусловное довѣріе археологи, особенно если дѣло коснется заключеній, вытекающихъ изъ фактического матеріала.

Такъ, въ вопросѣ о культурныхъ областяхъ (околоткахъ) основное разногласіе, отъ котораго зависитъ вся будущность доисторической этнографіи, сводится къ тому, обусловлены ли особенности культурныхъ областей народными единствами и народными переселеніями, или же общностью культуръ и культурными заимствованіями? Первымъ и главнымъ дѣломъ слѣдовало бы добиться соглашенія въ данномъ направленіи. Но, отношенія историковъ и археологовъ — до сихъ поръ въ затронутомъ вопросѣ діаметрально противоположны, какъ

вода съ огнемъ. Чтобы уяснить читателю всю разницу въ возрѣнїяхъ, необходимо противопоставить одновременныя сужденїя въ спорной области двухъ выдающихся ученыхъ, извѣстнѣйшихъ историка и археолога:

Э. Мейеръ, 1909.

Различимы для насъ не этнографическія области, но культурныя единства, охватывавшія всевозможныя народности.

Всякому культурному циклу присуще стремленіе распространяться вширь. Наиболѣе же замѣтно оно въ областяхъ технического и декоративнаго искусства, прїобрѣтаемыхъ чисто механически и подражательно. Не мало способствуютъ распространенію торговля и международныя сношенїя, существовавшїя во всѣ времена.

А. Шлицъ, 1909.

Большая часть культурныхъ областей, установленныхъ археологическими изысканїями, относящимися къ неолитическому вѣку, отнюдь нельзя разсматривать какъ своего рода „культурные коври“, которыя раскидывались въ самыхъ разнообразныхъ формахъ; напротивъ, тѣ или иные культурныя циклы принадлежали совершенно опредѣленнымъ народностямъ, являвшимся ихъ носительницами и отличавшимися одна отъ другой антропологически.

Само собою разумѣется, что историки и языковѣды всегда примкнутъ къ точкѣ зрѣнїя историка. Въ настоящей книгѣ было уже однажды выяснено, что географическое распространеніе нѣкоторыхъ культурныхъ цикловъ лучше всего объясняется торговыми и международными сношенїями. Однако, нельзя, конечно, принципиально отрицать, что описаннымъ методомъ сопоставленїя антропологическихъ и археологическихъ данныхъ невозможно будетъ получить со временемъ весьма цѣнныхъ указанїй по вопросу о прародинѣ индо-европейцевъ. Такъ, напр., если бы мнѣ доказали, что въ какомъ-либо пунктѣ А, занятомъ на зарѣ историческаго времени однимъ изъ индо-европейскихъ народовъ, въ доисторическое время процвѣтала вполне опредѣленная культура съ антропологически типичными ея носителями; а затѣмъ я наткнулся бы на тѣ же типичныя данныя, т. е. культуру и людей, въ пунктѣ В, гдѣ завѣдомо археологическими изысканїями были установлены для хронологически предшествовавшей эпохи наличность иной культуры и расово иного населенїя,

то я счелъ бы отмѣченные факты доказательными, въ смыслѣ несомнѣнно происшедшаго въ доисторическое время переселенія какой-либо вѣтви одного изъ индо-европейскихъ народовъ изъ пункта А въ пунктъ В. Что подобныя заключенія при современномъ состояннн науки еще невозможны, въ объемѣ, хотя бы отчасти приближающемъ къ рѣшенію вопросъ о прародинѣ индо-европейцевъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; порукою тому авторитетъ однажды уже названнаго А. Шлица, наиболѣе осмотрительнаго и осторожнаго изъ всѣхъ представителей новѣйшаго направленія въ наукѣ.

Въ отступленіе отъ своихъ прежнихъ, чрезвычайно широкихъ обобщеній А. Шлицъ не только не рѣшается теперь приурочить устанавливаемые имъ массовыя народныя передвиженія къ какимъ-либо опредѣленнымъ этническимъ названіямъ, какъ „индо-германцы“, „арійцы“, кельты“, но даже недвусмысленнѣйшимъ образомъ подчеркиваетъ, что „всѣ заключенія, основанныя на краниометріи и на классификаціи находокъ по типамъ череповъ и по ихъ мѣстонахожденію, не могутъ разсматриваться, какъ нѣчто пезыблемое, а потому онъ никоимъ образомъ не претепдуетъ на построеніе какой-либо системы доисторическаго распредѣленія народностей;“ ибо собранные матеріалы болѣе чѣмъ недостаточны, и легко можетъ случиться, что одна новая находка опрокинетъ все сооруженіе. Поэтому А. Шлицъ считаетъ, что его работа не болѣе, какъ программа для будущихъ изслѣдованій, составленная примѣнительно къ имѣющимся даннымъ; испытаніе же ея пригодности должно опираться на дальнѣйшія научныя изысканія въ области доисторической краниологіи, по мѣрѣ поступленія новыхъ матеріаловъ. Если же, вопреки всякимъ авторитетамъ, нѣкоторое вновь основанное повременное изданіе, посвященное вопросамъ праисторіи, въ первой же вступительной статьѣ преподноситъ новую теорію о происхожденіи прафинновъ и праиндо-европейцевъ, и объ ихъ распространеніи съ запада на востокъ, то въ интересахъ доисторической этнологіи объ этомъ можно только пожалѣть. Ибо, опираясь на матеріалы сомнительной, какъ выше, достовѣрности, въ указанной статьѣ говорится о грандіозномъ, въ праисторическое время, переселеніи народовъ, въ теченіе котораго прафинны и праиндо-европейцы, изъ общей имъ прародины, которую авторъ помѣщаетъ въ южной Франціи, двумя потоками двинулись частью на

сѣверь, частью на востокъ. При этомъ праиндо-европейцы сѣверной волны переселенія образовали впоследствии „кентумъ-группу“, а восточной—Дунайскую или „сатемъ-группу“ индо-европейскаго единства. (Смотри „Mannus, Zeitschrift für Urgeschichte, herausg. von G. Kosinna).

Обращаясь къ лингвистическо - историческимъ попыткамъ опредѣлить мѣсто прародины индо-европейцевъ, замѣчаемъ, что въ соответствующихъ изысканіяхъ преобладающая роль принадлежала географіи растений и животныхъ. Установивъ для словарнаго состава праязыка—или одной изъ его вѣтвей—общность нѣсколькихъ названій для растений и животныхъ, ставили вопросъ: „Въ какой же части свѣта (или странѣ) могла быть родина праиндо-европейцевъ, если имъ были извѣстны такіе-то звѣри и растенія?“ Такъ, напр., нѣм. „Buche“ [букъ], соответствуетъ латинскому „fagus“ [букъ] и греческому „φηγός“ (phēgos — дубъ), параллель, въ которую, недавно включили также курдское „bûz“ [вязъ]. Отсюда вывели, что праиндо-европейцы жили въ полосѣ букowychъ лѣсовъ. А такъ какъ восточная граница бука идетъ по линіи Кѣнигсбергъ—Крымъ, въ Данію же букъ проникъ не ранѣе бронзоваго вѣка, то, слѣдовательно, прародина индо-европейцевъ должна была лежать на югъ отъ Даніи и на западъ отъ предѣльной черты Кѣнигсбергъ—Крымъ. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказалось, что курдскій „bûz“—не говоря уже о томъ, что онъ не „букъ“, а „вязъ“ — довольно ненадежный сотоварищъ въ параллели, а, слѣдовательно, восточное (арійское) ея значеніе утратилось. Приходилось, значитъ, помириться съ примѣненіемъ ея исключительно къ западнымъ индо-европейцамъ группы „кентумъ“. Но и здѣсь обнаружались шероховатости, такъ какъ первоначальное значеніе параллели „бука“, въ виду греческаго „φηγός—дубъ“, все-таки осталось темнымъ.

Затѣмъ, къ числу наиболѣе распространенныхъ созвучій для деревьевъ принадлежатъ: греч. „δρῦς“ (drÿs), македонское „δάρυλλος“ (daryllos), ирландское „dair, daur“—дубъ. Но такъ какъ названія, входящія въ составъ этого соответствія, употребляются также въ значеніяхъ „кедръ“ и „сосна“, и созвучны съ нѣм. „Teer“ и англо-саксонскимъ „teogu“ [деготь], а „δρῦς“ даже просто въ смыслѣ „дерево“ (древнеинд. „dru“, готск. „triu“, англ. „tree“), то совершенно невозможно установить, которое изъ двухъ значеній первообразное: этимъ подрывается предположеніе, что дубъ былъ

древесной породой, характерной для родины праиндо-европейцевъ. И вообще, отъ названій отдѣльныхъ разновидностей деревьевъ, взятыхъ порознь, очень мало толку въ виду крайней измѣнчивости ихъ реальнаго значенія. Совершенно иную окраску получаетъ интересующій насъ вопросъ, если обратиться къ групповымъ совпаденіямъ названій для обозначенія деревьевъ въ европейскихъ языкахъ, въ противоположность отсутствію таковыхъ въ арійскихъ. Получается весьма близкій къ достовѣрности критерій для сужденія о родинѣ праиндо-европейцевъ по распредѣленію степныхъ и покрытыхъ лѣсомъ площадей (см. ниже).

Въ томъ же направленіи, какъ для лѣсныхъ породъ, дѣлались попытки использовать названія земледѣльческихъ растений. Указывалось, что въ неолитическихъ ископаемыхъ остаткахъ повсемѣстно, безъ различія широтъ, найдены въ Европѣ только доказательства существованія ячменя, проса и пшеницы; что-же касается другихъ культурныхъ растений, какъ то: гороха, мака, льна и яблоковъ, то находки, хронологически совпадающія съ ячменемъ, просомъ и пшеницею, обнаружены лишь въ предгоріяхъ Альпъ, въ Верхней Италиі, Босніи и Венгріи. А такъ какъ, по нѣкоторымъ даннымъ, казалось несомнѣннымъ, что праиндо-европейскимъ земледѣльцамъ были знакомы именно только ячмень, просо и пшеница, то вся альпійская горная страна принималась какъ бы лежащею внѣ области первоначальнаго мѣста жительства пранарода, для прародины котораго отводился, такимъ образомъ, европейскій сѣверъ.

Но если взвѣсить, насколько легче констатировать остатки доисторическихъ растительныхъ продуктовъ въ илѣ Швейцарскихъ озеръ, на мѣстахъ бывшихъ свайныхъ поселеній, нежели на сѣверѣ Европы, гдѣ слѣды культурныхъ злаковъ находятся случайно въ кускахъ глиняной обмазки бывшихъ хижинъ или же въ черепкахъ горшечнаго товара изъ обожженной глины, то станетъ ясно, что изобиліе земледѣльческихъ растений въ находкахъ одной изъ мѣстностей и бѣдность ихъ въ другой могутъ быть явленіемъ случайнымъ, зависящимъ отъ вышеупомянутыхъ условій. Притомъ каждая новая находка можетъ сразу измѣнить условно принятое географическое распредѣленіе древне-европейскихъ земледѣльческихъ растений, какъ это недавно и случилось, когда въ Швеціи, въ остаткахъ свайнаго сооруженія каменнаго вѣка, на восточномъ берегу Веттернсакаго озера, было найдено такое

же яблоко, какъ въ Швейцаріи. Точно также было замѣчено, что глиняныя веретена, найденныя внѣ предѣловъ альпійской культурной полосы, по самой своей тяжести пригодны скорѣе для льняного волокна, нежели для шерсти: это служить важнымъ указаніемъ въ смыслѣ вѣроятности культуры льна на сѣверѣ. Въ связи съ предшествующимъ представляется мнѣ чисто произвольнымъ включеніе въ число праисторическихъ культурныхъ злаковъ проса, сдѣланное на основаніи параллели: греч. „μελίμη“ (melime), лат. „milium“, литовск. „malnos“,—и отрицаніе того же для мака (Mohn), древнѣйшая параллель котораго была приведена въ началѣ книги; то же для льна (Lein)—съ параллелью: греч. „λίνον, λιτί“ (linon, liti), лат. „linum“, готск. „lein“; то же для бобовъ (Bohne)—съ соотвѣтствующимъ латинскимъ „faba“, объявленныхъ почему-то „древними бродячими словами“.

Въ области фауны, современной съ праиндо-европейскою эпохой, отмѣчена въ праязыкѣ наличность названій для нѣкоторыхъ животныхъ, давшая поводъ исключить изъ предполагавшихся границъ прародины довольно значительныя области,—и нерѣдко безъ всякихъ основаній. Напр., неправильно, будто медвѣдь, созвучное названіе котораго захватываетъ часть Азію, не встрѣчается въ степныхъ пространствахъ. Одинаково неправильно предположеніе, будто угорь не водится въ рѣчномъ бассейнѣ Чернаго моря. Последнее важно, впрочемъ, въ томъ случаѣ, если параллель греч. „ἔμφελος“ (énchelys)—лат. anguilla—представляетъ вообще достаточное основаніе для причисленія „угря“ къ словарному составу праиндо-европейскаго языка. Съ другой стороны, „лосось“, дѣйствительно, водится, повидимому, лишь въ рѣчныхъ бассейнахъ, имѣющихъ стокъ къ сѣвернымъ морямъ. Поэтому параллель нѣм. „Lachs“, древне-верхненѣм. „lahs“, русск. „лосось“, литовск. „lasziszà“ могла бы имѣть весьма важное значеніе для опредѣленія прародины индо-европейцевъ, если бы пользованіе совпаденіями, имѣющими ограниченное распространеніе въ порубежныхъ одна съ другою мѣстностяхъ, не влекло возможности ошибки въ виду большого вѣроятія позднѣйшаго происхожденія созвучныхъ словъ, какъ результата добрососѣдскихъ позаимствованій (ср. сказанное о нѣмецкомъ „Gold — золото“ въ началѣ книги). Но въ самое недавнее время прибавилось еще тохарское „laks“ въ значеніи „рыба“, и отъ дальнѣйшихъ филологическихъ изслѣдованій названнаго языка бу-

детъ зависѣть, возможно ли привести тохарскую форму въ какую-либо связь со всѣми остальными. Однако, и здѣсь едва-ли можно будетъ съ достовѣрностью сказать, слѣдуетъ ли исходить въ толкованіи смысла этой параллели изъ „Lachs—лосось“ или изъ „laks—рыба“.

Чрезвычайно важно, что имѣется обще-индо-европейское названіе для „черепахи“ и „пчелы“. Для первой имѣемъ параллель въ греческомъ „χέλος“ (chêlys) — древне-слав. „желъвь“; для второй параллелизмъ названій лишь предполагается, а присутствіе ея въ предѣлахъ прародины индо-европейцевъ вытекаетъ изъ общности какъ въ индо-европейскихъ, такъ и финскихъ языкахъ словопроизводныхъ отъ общаго корня „Met“ [медь]. Совершенно вѣрно, что черепаха не встрѣчается ни въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, ни въ Даніи, ни на Скандинавскомъ полуостровѣ; пчела же не водится въ дикомъ состояніи ни въ западномъ Туркестанѣ, ни восточнѣе Урала. Поэтому крайній сѣверъ Европы и западныя части Туркестана должны быть исключены изъ предѣловъ прародины индо-европейцевъ, и финны наравнѣ съ праиндо-европейцами могли познакомиться съ общепотребительнымъ и у тѣхъ и у другихъ опьяняющимъ напиткомъ только по сую сторону Урала. Было бы весьма полезно, еслибы наши зоологи подвергли приведенныя выше данныя изъ географіи животныхъ новой, обстоятельнѣйшей критикѣ.

Прочія данныя, извлекаемыя изъ области лингвистической налеонтологіи, слишкомъ неопредѣленны для того, чтобы могли быть использованы для установленія границъ прародины. Къ нимъ принадлежатъ, напр., фактическія данныя въ родѣ того, что индо-европейцы были знакомы съ снѣжною, закованною во льды зимою; что они имѣли обще-индо-европейское обозначеніе для „моря“ (нѣм. „Meer“, древне-верхне-нѣм. „meri“, лат. „mare“, древне-ирландское „muir“, старо-славянское „море“) — ибо этимъ „моремъ“ съ одинаковымъ правдоподобіемъ могли быть моря Нѣмецкое, Балтійское, Каспійское и Черное.

Итакъ, экскурсія въ лингвистически-историческую область оказалась бы также достаточно бесплодною, если бы не одно обстоятельство, заставляющее стойко держаться положенія, высказаннаго уже много лѣтъ тому назадъ и подкрѣпленнаго дополнительными данными въ гл. I настоящей книги — что какъ первоначальные предѣлы исконно-индо-европейскихъ территорій, такъ равно и мѣсто исхода индо-европейскихъ народныхъ массъ, слѣдуетъ искать въ границахъ

нѣкотораго земельного комплекса, простирающагося узкой полоскою отъ Рейна до Гиндукуша.

Указанное обстоятельство сводится къ отмѣченному въ гл. III распаденію пранарода на двѣ группы: одну, почти исключительно занимавшуюся скотоводствомъ (арійцы), и другую, придававшую въ помощь скотоводству большое значеніе также земледѣлію (европейцы). Въ связи съ болѣе широко развитой терминологіей лѣсныхъ породъ, птицъ, соли, свиноводства въ словарномъ составѣ европейскихъ языковъ, я склоненъ думать, что въ приведенныхъ особенностяхъ каждой группы отразились контрасты лѣса и степей, встрѣчающіеся лишь однажды, въ достаточно рѣзкой формѣ и размѣрахъ, на всемъ протяженіи отмѣченнаго выше пояса: а именно, къ сѣверу и къ сѣверо-западу отъ Чернаго моря, т. е. на территоріи, въ предѣлахъ которой уже въ началѣ историческаго времени, въ періодъ скиѣско-германскаго преобладанія, замѣчалась подобная же двойственность въ хозяйственномъ быту кореннаго населенія. Въ полномъ согласіи съ вышепредложеннымъ разрѣшеніемъ вопроса находится также все сказанное о черепахѣ и пчелѣ.

Охотно допускаю, что каждый изъ приведенныхъ выше аргументовъ можетъ быть истолкованъ иначе. Однако, вмѣстѣ взятыя, они, взаимно поясняя и дополняя другъ друга, имѣютъ за собой не малую долю неотразимой убѣдительности, дальше которой мы едва-ли когда-нибудь пойдемъ въ столь запутанномъ вопросѣ. Замѣчу еще, что говоря объ областяхъ, лежащихъ къ сѣверу и сѣверо-западу отъ Чернаго моря, какъ о прародинѣ индо-европейцевъ, мы понимаемъ въ данномъ случаѣ прародину, какъ нѣкоторый предѣльный пунктъ, къ которому приводятъ насъ лингвистически-историческія изысканія, доведенныя вплоть до момента, непосредственно предшествовавшаго распаду пранарода.

Существовала ли ранѣе предполагаемой прародины еще другая, въ иномъ мѣстѣ—этого вопроса мы отнюдь здѣсь не затрагиваемъ.

При современномъ состояніи науки, проникнутомъ разносторонними и новыми стремленіями, лучше всего остерегаться скороспѣлыхъ заключеній. Первымъ дѣломъ надо уразумѣть и всесторонне изучить удивительныя открытія въ области тохарскихъ древностей; а для этого необходимо предварительно классифицировать и всячески использовать добытый Турфанской экспедиціею матеріаль. Чрезвы-

чайно важно для правильнаго отношенія къ новооткрытому языку и указанія ему мѣста въ ряду прочихъ индо-европейскихъ языковъ было бы опредѣлить, насколько распространяется на него присущая исключительно европейскимъ языкамъ аграрная терминологія, т. е. имѣются ли въ тохарскомъ языкѣ тѣ же выраженія для словъ „пахать“, „молоть“, „сѣять“, какими пользуются европейцы. Уже кончая настоящую работу, я узналъ, благодаря любезности лицъ, занимающихся разборкою Турфанскихъ матеріаловъ (Е. Зига и В. Зиглинга ¹⁾), что европейскія названія для „соли“ и для „сѣять“ извѣстны въ тохарскомъ языкѣ (соль— „sāle“; „sa-ser-ju“—посѣявши). Недавнія, въ научномъ отношеніи весьма многообѣщающія раскопки въ восточной Малой Азіи также едва ли останутся безрезультатными для рѣшенія индо-европейскаго вопроса.

Было бы чрезвычайно важно, если бы удалось установить отношеніе языковъ индо-европейскаго происхожденія къ языкамъ иного корня. Необходимо долженъ былъ въ свое время наступить моментъ, когда индо-европейскій праязыкъ отщенился отъ другихъ, родственныхъ ему языковъ. Въ попыткахъ найти соотвѣтствующее рѣшеніе вопроса неоднократно, но совершенно ложно пытались исходить изъ семитическихъ корней. Отчасти эти исканія на ложномъ пути не прекратились и теперь. Семиты должны быть исключены хотя бы потому, что между ними и праиндо-европейцами немаловажна въ доисторическое время какая-либо непосредственная близость, ибо первые подзигались съ юга изъ Аравіи, на сѣверъ, вторые же съ сѣвера на югъ. Но взоры индоевропейцевъ неизмѣнно обращаются къ народамъ угро-финскихъ и алтайскихъ языковъ, которые съ незапамятныхъ временъ соприкасались на сѣверѣ съ индо-европейцами. Подобно созвучному въ индо-европейскихъ и угро-финскихъ языкахъ обозначенію для медоваго напитка, имѣется еще не мало словъ, происходящихъ въ тѣхъ и въ другихъ отъ общаго корня, причемъ совпаденія не могутъ быть объяснены заимствованіями со стороны финновъ изъ какого-либо одного опредѣленнаго индо-европейскаго языка. Къ словарнымъ совпаденіямъ слѣдуетъ присоединить общность нѣкоторыхъ законовъ образованія флексій и производныхъ словъ, тождественность обрядовъ и обычаевъ и религіоз-

¹⁾ Е. Sieg и W. Siegling.

ныхъ представленій. Если бы наукѣ удалось стать твердою ногою на почвѣ указанныхъ аналогій и объяснить, исходя изъ нихъ, индивидуальныя особенности въ строеніи индо-европейской рѣчи и всего индо-европейскаго народнаго уклада, мы получили бы рядъ чрезвычайно цѣнныхъ данныхъ для опредѣленія мѣста прародины индо-европейцевъ. Вопросъ о разселеніи финновъ въ сѣверной Европѣ также во многихъ отношеніяхъ загадоченъ. Съ какихъ поръ финны заняли Финляндію? Каково было во время иммиграціи численное отношеніе финновъ и германцевъ? Если германцы предшествовали финнамъ, каково было до-германское населеніе Финляндіи? Не дальше ли, чѣмъ обычно допускается наукой, проникали финны и алтайскіе народы на европейскій материкъ? Что можетъ быть сказано о народѣ съ столь рѣзкимъ, не индо-европейскимъ строеніемъ черепа, обитавшемъ когда-то на одномъ изъ острововъ сѣвернаго побережья Германіи (см. выше)? Вотъ рядъ задачъ, вызывающихъ все новыя и новыя вопросы, на разрѣшеніе которыхъ потребуется еще много поколѣній ученыхъ силъ.

К о н е ц ъ .

Литературный указатель.

Delbrück, B. Die indogermanischen Verwandtschaftsnamen. Ein Beitrag zur vergleichenden Altertumskunde. Leipzig 1889 (in den Abh. d. Kgl. sächs. Ges. d. W., phil.-hist. Kl. XI, 5). [Дельбрюк, Б. Индо-германскія названія для степеней родства].

Feist, S. Europa im Lichte der Vorgeschichte und die Ergebnisse der vergleichenden indogermanischen Sprachwissenschaft. Berlin 1910 (Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie, herausg. von W. Sieglin, Heft 19). [Фейст, С. Европа въ освѣщеніи праисторіи и данныя сравнительнаго индо-германскаго языкознанія].

Hehn, V. Kulturpflanzen und Haustiere in ihrem Uebergang aus Asien nach Griechenland und Italien sowie in das übrige Europa. 8 Auflage neu herausgeg. von O. Schrader. Mit botanischen Beiträgen von A. Engler. Berlin 1912. [Генъ, В. Культурныя растенія и домашнія животныя въ ихъ распространении изъ Азіи въ Грецію, Италію и остальную Европу. Есть русскій переводъ перваго изданія].

Hirt, H. Die Indogermanen, ihre Verbreitung, ihre Urheimat und ihre Kultur. 2 Bände. Strassburg 1905 u. 1907. [Хиртъ, Г. Индо-германцы, ихъ распространение, ихъ прародина и ихъ культура].

Hoops, Johannes. Waldbäume und Kulturpflanzen, Strassburg 1905. [Хоопсъ, Іоганнъ. Лѣсныя породы и культурныя растенія].

Kluge, F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 7 Auflage. Strassburg 1910. [Клуге, Ф. Этимологическій словарь нѣмецкаго языка].

Kossinna, G. Die indogermanische Frage archäologisch beantwortet. Z. f. Ethnologie, XXXIV, Berlin 1902. [Коссинна, Г. Индо-германскій вопросъ въ археологическомъ освѣщеніи].

Kretschmer, P. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache, Göttingen 1896. [Кречмеръ, П. Введеніе въ исторію греческаго языка].

Meringer, R. Wörter und Sachen (eine Serie von Aufsätzen in den Indogermanischen Forschungen. B. XVI ff). [Мерингеръ, Р. Слова и предметы. Статьи въ названномъ журналѣ. Т. XVI и слѣд.].

Meyer, E. Geschichte des Altertums. 2. Auflage. I Band. I und II Hälfte. Stuttgart und Berlin 1907 und 1909. [Мейеръ, Э. Исторія древности].

Much, M. Die Heimat der Indogermanen im Lichte der urgeschichtlichen Forschung. 2 Auflage. Jena 1904. Berlin. [Мухъ, М. Родина индо-германцевъ въ освѣщеніи доисторической археологіи].

Поржезинскій, В. Элементы языковѣдѣнія и исторіи русскаго языка. Москва 1910.

Schliz, A. Die vorgeschichtlichen Schädeltypen der deutschen Länder in ihren Beziehungen zu den einzelnen Kulturkreisen der Urgeschichte (Archiv für Anthropologie, Neue Folge, B. VII, Braunschweig, 1909). [Шлицъ, А. Типы доисторическихъ череповъ на германской почвѣ и ихъ отношеніе къ отдѣльнымъ праисторическимъ культурнымъ областямъ].

Schrader, O. Linguistisch-historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Warenkunde, I. Jena. 1886. [Шрадеръ, О. Лингвистиче-

ско-историческія изслѣдованія въ области исторіи торговли и товаровѣдѣнія].

— Realexikon der indogermanischen Altertumskunde, Grundzüge einer Kultur und Völkergeschichte Alteuropas. Strassburg 1901 (in zweiter Auflage in Vorbereitung). [Предметный словарь индо-германской археологіи; основныя черты исторіи культуры и народностей древней Европы].

— Die Schwiegermutter und der Hagestolz. Eine Studie aus der Geschichte unserer Familie. Braunschweig 1904. [Свекровь, теща и холостякъ].

— Totenhochzeit. Ein Vortrag, gehalten in der Gesellschaft für Urgeschichte zu Jena. Jena 1904. [Покойницкіе браки].

— Sprachvergleichung und Urgeschichte. Linguistisch-historische Beiträge zur Erforschung des indogermanischen Altertums. Dritte Auflage. 2 Teile. Jena 1906 и 1907. [Сравнительное языкознаніе и первобытная исторія. Есть русск. переводъ перваго изданія].

— Zu nhd. Buche. Z. für deutsche Wortforschung herausg. von F. Kluge, XI B. Strassburg 1909. [По поводу ново-верхне-нѣмецкаго слова Buche].

— Der Hammelssonntag. Eine Reisetudie aus dem Gouvernement Olonetz. Indogermanische Forschungen. B. XXVI. Strassburg 1909. [Баранье воскресенье. Путевой набросокъ изъ Олонецкой губерніи].

— Aryan Religion in James Hasting's Encyclopaedia of Religion and Ethics, Vol. II. Edinburg 1910. [Религозныя представленія арийцевъ].

— Begraben und Verbrennen im Lichte der Religions- und Kulturgeschichte. Ein Vortrag in der Schlesischen Gesellschaft für Volkskunde. Breslau 1910. [Погребеніе и сожженіе покойниковъ съ точки зрѣнія исторіи религіи и культуры].

— Die Anschauungen V. Hehns von der Herkunft unserer Kulturpflanzen und Hausfiere im Zichte neuerer Foschung, im Vortrag von O. Schrader. Berlin. 1912. [О. Шрадеръ, о взглядахъ В. Гена на происхождение нашихъ культурныхъ растений и животныхъ].

Sieg. E. und Siegling, W. Tocharisch, die Sprache der Indoskythen. Vorläufige Bemerkungen über eine bisher unbekannte indogermanische Literatursprache. Sitzungsberichte d. kgl. preuss. Akad. d. W., 1908, XXXIX. [Зигъ, Е. и Зиглингъ, В. Тохарскій языкъ—нарѣчіе индоскиѳовъ].

Winternitz, M. Was wissen wir von den Indogermanen? (Eine Serie von Artikeln in der Beilage zur Allgemeinen Zeitung. Okt. und Nov. 1903, auch separat erschienen). [Винтерницъ, М. Что мы знаемъ объ индо-германцахъ?]

Wörter und Sachen. Kulturhistorische Zeitschrift für Sprach- und Sachforschung, herausgegeben von R. Meringer, W. Meyer-Lübke, I. I. Mikkola, R. Much, M. Murko. B. I. Heidelberg 1909. B. II, 1, ebenda. 1910. [Слова и предметы].

См. также обзоры литературы о родинѣ и культурѣ индоевропейцевъ А. Погодина въ «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1903 г. (№ 10) и 1911 г. (№ 6), а также въ «Сборникъ статей по археологіи и этнографіи» (1902). Въ недавно переведенной на русскій языкъ книгѣ Мейе «Введеніе въ языкознаніе» есть также глава, посвященная индо-европейскимъ древностямъ.—*Ред.*

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Индо-европейскіе народы, ихъ родина и древняя культура. Очеркъ проф. А. Л. Погодина	5
Предисловіе къ русскому изданію	15
Предисловіе къ нѣмецкому изданію	19

ГЛАВЫ:

I. Индо-европейскій пранародъ и индо-европейскіе народы.	21
Индо-европейскій праязыкъ и индо-европейскій пранародъ. — Древнѣйшее распространеніе индо-европейцевъ въ Европѣ и въ Азіи; не индо-европейскіе народы.—Пранародъ не то же, что первобытная раса.— Народныя помѣси.—Внѣшній обликъ индо-европейскаго пранарода.—Продолжительное единство кельтовъ, германцевъ и славянъ на почвѣ индо-германскаго праязыка.—Распадъ индо-европейскаго языкового и народнаго единства.	
II. Выясненіе индо-европейскихъ культурныхъ условій.	34
Лингвистическая палеонтологія въ свѣтѣ праисторіи, сравнительной археологіи и этнографіи.	
III. Народное хозяйство.	41
Скотоводство. — Древнѣйшя домашнія животныя.—Скотъ—деньги.—Пища.—Одежда — Повозки.— Названія частей тѣла. — Земледѣліе. — Древнѣйшія культурныя растенія.—Характеръ древнѣйшаго полеводства.—Относительное значеніе скотоводства и полеводства.—Соль. — Разведеніе сви ей. — Лѣсныя деревья.—Птицы.—Охота и рыболовство.	
IV. Поселенія (селища).	55
Чувство осѣдлости и кочевой инстинктъ.—Городъ и пригородныя вѣси.—Землянка и хата.—Очагъ и печь.—Домашняя утварь.—Домашняя «нечисть» (паразиты).—Легкость переселеній.—Дороги.—Судоходство.	

V. Опьяняющій напитокъ. 70

Страсть къ хмельному у индо-европейскихъ народовъ.—Медъ.—Родина пчелы.—Переходъ отъ меда къ сомъ, къ пиву и вину.

VI. Торговля и промыслы. 78

Врагъ и другъ.—Гостеприимство.—Хозяинъ и гость.—Торгъ подарками.—Доисторической торгъ.—Терминологія купли и продажи, числа и мѣры.—Праисторическіе варваризмы.—Индо-европейскіе кустарные промыслы.—Горшечное искусство.—Археологическая и лингвистическая точки зрѣнія.—Рабочая тягота индо-европейской женщины.—Мужскія ремесла.

VII. Годичный кругъ (Исчисленіе времени). 92

Зима со льдомъ и снѣгомъ. Названія благопріятныхъ временъ года.—Древнѣйшая двураздѣльность года.—Мѣсяць и мѣсяцы.—Ихъ названія.—12 священныхъ ночей.—Индоевропейскій годъ—годъ естественной смѣны осадковъ.—Годъ плодоношенія (беременности).—9-ти и 7-ми дневные сроки.—Полнолуніе и новолуніе.—Счетъ ночами.—Подраздѣленія дня и ночи.—Часть.—Недѣля.

VIII. Семья. 109

(Введеніе).—До и не-индоевропейскіе виды семьи.—Материнское право.—Верховенство женщинъ (матріархатъ).—Общность женъ.—Подражаніе мужей родовымъ мукамъ женъ.—Индо-европейскія степени родства.

I. Бракъ и свадьба.—Покупка и похищеніе женъ. Сватовство и женитьба.—Свадебные обычаи. 1) Напоминающіе бракъ уводомъ (хватаніе за руку, несеніе черезъ порогъ, фата, дружки, бросаніе на брачную постель, жалобныя пѣсни). 2) Символизирующіе будущую плодovitость женщины (мальчикъ на колѣняхъ новобрачной, осыпаніе плодами земли, присутствіе свидѣтелей).—Осмотръ свадебной рубашки. Дѣвчникъ.—Цѣнили ли индо-европейцы невинность новобрачной?—Пробныя ночи. 3) Символика соединенія огненной и водной стихіи (лѣтнее солнцестояніе и свадьба. Вороженіе плодovitости). 4) Мелкія подробности; накрытіе головы новобрачной.

II Мужъ и жена.—Бракъ.—Значеніе индо-европейскаго «*poti-s*» въ смыслѣ «онъ самъ».—Многоженство и единоженство при наложницахъ.—Прелюбодѣяніе и кара за него.—Замѣститель и проституція, какъ дань гостеприимству.—Снохачество.—Понятіе о цѣломудріи.—Положеніе женщины.—Тѣлесная

расправа. — Удаленіе отъ стола. — Рабочая тягота. — Лишеніе правъ наслѣдованія. — Разводъ. — Безправіе женщины. — Вдова. — Свѣтлыя стороны женской доли.

III. Домашнй очагъ. 1) Родители и дѣти; право изгнанія; хозяйнъ, старики. 2) Братъ и сестра. Братъ въ роли блюстителя невинности. — Сестрина и мужняя любовь. 3) Дядя и племянникъ. — Исторія матернаго брата. 4) Свекровь и сноха. — «Зл я теща»; 5) Бобыль. — Половая жизнь въ предѣлахъ домашняго очага. — Заключеніе.

IX. Народъ и племя. 152

Опредѣленіе понятія «народъ» въ индо-европейскихъ языкахъ. — Древне-славянское и индо-европейское родовое государство. — Переходъ отъ племени къ народу.

X. Кровавая мечь. 164

Ея распространеніе среди индо-европейцевъ и ограниченіе опредѣленными родственными кругами. — Вражда и миръ. — Отсутствіе кровавой мести за убійство прелюбодѣя или вора. — «Вира». Понятіе о чести. — Прекращеніе кровавой мести постановленіемъ народнаго собранія. — Кровавая мечь въ Черногоріи. Искупительные обычаи въ Далмаціи. — Упраздненіе кровавой мести въ Россіи. — Понятіе «ἀ'gas-άτος», (въ смыслѣ «грѣхъ», «преступленіе»).

XI. Религія. 174

I. Похоронные обычаи, поклоненіе покойникамъ и культъ предковъ.

II Обоотвореніе небожителей. «Баранье» воскresенье въ Россіи. — Илья-Перунъ и древне-индійскій «Парджанья». — Отецъ небесный и мать-земля. — Огонь. — Заря. — Богъ. — Внѣшняя суть индо-европейскихъ боговъ. — Ихъ внутреннее содержаніе. — Жертвы — Жрецы. — Храмы (капища).

III. Рокъ. — Мать — судьба. — «Доля», выпадающая каждому отъ матери. — Есть ли представленіе о прирожденной долѣ особенность индо-европейскаго міровоззрѣнія?

XII. Гдѣ прародина индо-европейцевъ? 191

Древнѣйшія селища индо-европейцевъ въ средней Европѣ и Туркестанѣ, отъ Рейна до Гиндукуша. — Возможно ли считать всю указанную выше обширнѣйшую площадь прародиной индо-европейцевъ? — Попытки ограничить понятіе прародины болѣе тѣсными предѣлами: а) антропологическо-археологическія; съ точки зрѣнія антропологии и археологии въ отдѣльности, и той и другой вмѣстѣ; в) лингвисти-

чески-историческія изысканія.— Факты, опирающіеся на географію растений: букъ; дубъ.— Земледѣльческія растения.— Данныя изъ географіи животныхъ: медвѣдь, угорь, лосось, черепаха, пчела.— Распаденіе пранарода на земледѣльцевъ и скотоводовъ.— Лѣсъ и степь.— Прародина индо-европейцевъ—сѣверныя и сѣверо-западныя побережья Чеднаго мора.— Задача будущаго.

Литературный указатель. 207

Другие книги нашего издательства:

URSS

Серия «Академия фундаментальных исследований: история»

- Добиаш-Рождественская О. А.* Эпоха крестовых походов. Общий очерк.
Добиаш-Рождественская О. А. Крестом и мечом: Ричард I Львиное Сердце.
Добиаш-Рождественская О. А. Духовная культура средневекового Запада.
Виноградов П. Г. Средневековое поместье в Англии.
Петрушевский Д. М. (ред.) Памятники истории Англии XI—XIII вв.
Петрушевский Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства.
Петрушевский Д. М. Очерки из истории английского государства и общества.
Белов Г. фон. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии.
Тьерри О. Городские коммуны во Франции в Средние века.
Смирнов А. И. Коммуна средневековой Франции в связи с политическим ростом третьего сословия.
Величкин Н. М. Освобождение крестьян в Англии, Германии и Франции.
Афанасьев Г. Е. История Ирландии.
Лависс Э. Очерки по истории Пруссии.
Митрофанов П. П. История Австрии.
Смирнов И. Н. Очерк истории Хорватского государства.
Кудрявцев А. Е. Испания в Средние века.
Пискорский В. К. История Испании и Португалии.
Пискорский В. К. Крепостное право в Каталонии в Средние века.
Пискорский В. К. Кастильские кортесы (сословные собрания).
Карл-Людовик-Наполеон Бонапарт: Его жизнь и сочинения.
Матьез А. Как побеждала Великая французская революция.
Серебряников В. Загадочный эпизод Французской революции.
Тарле Е. В. История Италии в Средние века.
Тарле Е. В. Падение абсолютизма в Западной Европе: Исторические очерки.
Тарле Е. В. Жерминаль и прерияль: Очерки по истории французской революции.
Тарле Е. В. Рабочий класс во Франции в эпоху революции: 1789—1791.
Тарле Е. В. Печать во Франции при Наполеоне I.
Ступин М. История телесных наказаний в России от Судебников до Уложения о наказаниях 1866 г.
Рожков Н. А. Происхождение самодержавия в России.
Рожков Н. А. Обзор русской истории с социологической точки зрения: Киевская Русь.
Рожков Н. А. Город и деревня в русской истории.
Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории.
Кавелин К. Д. Основные начала русского судоустройства от Уложения 1649 г. до Учреждения о губерниях 1775 г.
Масловский Д. Ф. Строевая и полевая служба русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы.
Леер Г. А. (ред.) Обзор войн России от Петра Великого до Наполеона.
Леер Г. А. Военная стратегия: Учебный курс.
Леер Г. А. Наполеон под Аустерлицем: Война 1805 года.
Жомини Г. Очерки военного искусства.
Меринг Ф. Очерки по истории войны и военного искусства.
Беляев И. Д. История военного дела от воцарения Романовых до Петра Великого.
Беляев И. Д. Земские соборы на Руси: От Ивана Грозного до Екатерины Великой.

Другие книги нашего издательства:

URSS

Серия «Академия фундаментальных исследований: история»

- Бернгейм Э.* Введение в историческую науку.
Фриман Э. Методы изучения истории.
Лакомб П. Социологические основы истории.
Эйслер Р. Всеобщая история культуры.
Кареев Н. И. Теория исторического знания.
Кареев Н. И. Историология: Теория исторического процесса.
Кареев Н. И. Общий ход всемирной истории: Очерки главнейших исторических эпох.
Хвостов М. М. Лекции по методологии и философии истории.
Герье В. И. Очерк развития исторической науки.
Тураев Б. А. Древний Египет.
Кинк Х. А. Египет до фараонов: По памятникам материальной культуры.
Кинк Х. А. Как строились египетские пирамиды.
Кинк Х. А. Древнеегипетский храм.
Кинк Х. А. Восточное Средиземноморье в древнейшую эпоху.
Кинк Х. А. Художественное ремесло Древнейшего Египта и сопредельных стран.
Кагаров Е. Г. Прошлое и настоящее египтологии: От Шампольона к Масперо.
Хвостов М. М. История Греции: Курс лекций.
Аландский П. И. История Греции.
Лурье С. Я. Геродот.
Бузескул В. П. Перикл: Личность, деятельность, значение.
Петрушевский Д. М. Общество и государство у Гомера.
Гончарова Т. В. Эпикур.
Гончарова Т. В. Плутарх.
Кончаловский Д. П. Аннибал.
Ковалевский П. И. Иоанн Грозный и его душевное состояние.
Снегирев И. М., Мартынов А. А. Путеводитель из Москвы в Троице-Сергиеву лавру.
Мартынов А. А. Названия Московских улиц и переулков с историческими объяснениями.
Аристов Н. Я. Промышленность Древней Руси.
Советов А. В. О системах земледелия.
Святловский В. В. Происхождение денег и денежных знаков.
Святловский В. В. История экономических идей в связи с историей экономического быта.
Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода.
Миславский Н. Поземельная община в России.
Васильев А. О древнейшей истории северных славян до времен Рюрика.
Погодин А. Л. Из истории славянских передвижений.
Погодин А. Л. Краткий очерк истории славян.
Собестианский И. М. Круговая порука у славян по древним памятникам их законодательства.
Буслаев Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык.
Минаев И. П. Старая Индия. Заметки на «Хождение за три моря» Афанасия Никитина.
Карпов Г. Ф. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. В 2 кн.
Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры: 1700—1863.
Лемке М. К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия.
Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры.

Другие книги нашего издательства:

URSS

Серия «Академия фундаментальных исследований: этнология»

Боас Ф. Ум первобытного человека.

Ратцель Ф. Человечество как жизненное явление на земле.

Гернес М. История первобытного человечества.

Фробениус Л. Детство человечества.

Левбок Дж. Доисторические времена, или Первобытная эпоха человечества.

Левбок Дж. Начало цивилизации и первобытное состояние человека.

Леви-Брюль Л. Первобытная мифология: Мифический мир австралийцев и папуасов.

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное и природа в первобытном мышлении.

Шурц Г. История первобытной культуры: Основы культуры. Общество. Хозяйство.

Шурц Г. История первобытной культуры: Материальная и духовная культура.

Бюхер К. Работа и ритм: Роль музыки в синхронизации усилий участников трудового процесса.

Нибур Г. И. Рабство как система хозяйства: Этнологическое исследование.

Лавел Э. Собственность и ее изначальные формы.

Маурер Г. Л. Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти.

Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности: Избранное.

Жданов И. Н. Русский былевой эпос: Исследования и материалы.

Срезневский И. И. Исследования о языческом богослужении древних славян.

Котляревский А. А. О погребальных обычаях языческих славян.

Собстианский И. М. Учения о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян.

Тенишев В. В. Правосудие в русском крестьянском быту.

Селиванов В. В. Год русского земледельца: Зарисовки из крестьянского быта.

Ефименко А. Я. Южная Русь: Историко-этнографические исследования и заметки.

Ефименко А. Я. Исследования народной жизни: Обычное право.

Кавелин К. Д. Быт русского народа.

Смирнов И. Н. Очерк культурной истории южных славян. Кн. 1-3.

Смирнов И. Н. Пермьяки: Историко-этнографический очерк.

Кулишер М. И. Очерки сравнительной этнографии и культуры.

Наши книги можно приобрести в магазинах:

Тел./факс:
+7 (499) 724-25-45
(многоканальный)

E-mail:
URSS@URSS.ru
<http://URSS.ru>

«НАУКУ — ВСЕМ!» (м. Профсоюзная, Нахимовский пр-т, 56. Тел. (499) 724-2545)

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 625-2457)

«Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242)

«Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (495) 238-5001, 780-3370)

«Дом научно-технической книги» (Ленинский пр-т, 40. Тел. (495) 137-6019)

«Дом книги на Ладонской» (м. Бауманская, ул. Ладонская, 8, стр. 1.

Тел. 267-0302)

«СПб. дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 448-2355)

«100 000 книг» (г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13. Тел. (343) 22-12-979)

Сеть магазинов «Дом книги» (г. Екатеринбург, ул. Антона Валека, 12.

Тел. (343) 253-50-10)

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Наше издательство специализируется на выпуске научной и учебной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

URSS

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

Серия «Академия фундаментальных исследований: история»

Морган Ж. де. Доисторическое человечество: Общий очерк доисторического периода.

Марков Г. Е. История хозяйства и материальной культуры в первобытном обществе.

Марков Г. Е. Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации.

Тахтарев К. М. Очерки по истории первобытной культуры: Первобытное общество.

Юревич В. А. Астрономия доколумбовой Америки.

Мэйн Г. Древнейшая история учреждений.

Мэйн Г. Древнее право.

Мэйн Г. Древний закон и обычай: Исследования по истории древнего права.

Фюстель де Куланж Н. Д. Римский колонат: Происхождение крепостного права.

Фюстель де Куланж Н. Д. Древняя гражданская община.

Ингрэм Дж. К. История рабства от древнейших до новых времен.

Брентано Л. Народное хозяйство Византии.

Осипов А. М. Брачное право древнего Востока.

Жид П. Гражданское положение женщины: С древнейших времен.

Загоровский А. И. О разводе по русскому праву.

Кулишер М. И. Развод и положение женщины.

Вилье М. де. Женские клубы и легионы амазонок: Из истории феминизма во Франции.

Рейнгардт Н. В. Женщина перед судом уголовным и судом истории.

Шашков С. С. История русской женщины.

Серия «Лингвистическое наследие XX века»

Шрадер О. Сравнительное языковедение и первобытная история.

Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков.

Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании.

Порциг В. Членение индоевропейской языковой области.

Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование.

Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков.

Десницкая А. В. Сравнительное языкознание и история языков.

Макаев Э. А. Общая теория сравнительного языкознания.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
тел. +7 (499) 724-25-45 (многоканальный)
или электронной почтой URSS@URSS.ru
Полный каталог изданий представлен
в интернет-магазине: <http://URSS.ru>

Научная и учебная
литература

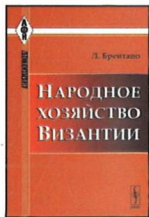
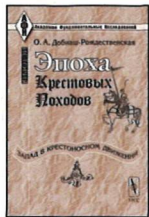
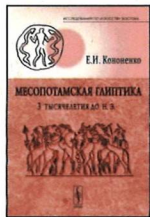
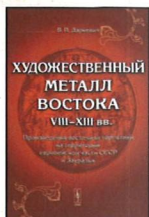
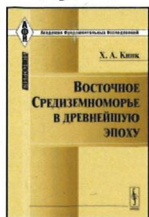
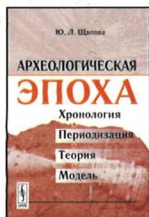
Отто ШРАДЕР (1855–1919)

Известный немецкий филолог и историк. Родился в Веймаре (Тюрингия), в семье государственного служащего. Закончил гимназию в Веймаре, учился в университетах Йены, Лейпцига и Берлина. Получив в 1878 г. докторскую степень, занял место преподавателя в Великогерцогской гимназии в Йене, где

в 1890 г. получил звание профессора. В 1909 г. переехал в Бреслау, где занял должность постоянного профессора в местном университете. Автор получившего широкую известность в научных кругах «Словаря индоевропейских древностей» (1901).

В своих трудах Отто Шрадер развивал идеи культурно-исторической школы в языкознании: он сопоставлял данные сравнительно-исторического языкознания с достижениями исторических и естественных дисциплин — археологии, этнографии, ботаники, зоологии. Комплексный культурно-исторический подход использовался им при изучении древней этнической истории индоевропейских народов, при реконструкции социальной и культурной структуры первобытного общества. Шрадер также поддерживал гипотезу историка Виктора Гена о происхождении носителей индоевропейских языков от степных кочевников. Эта гипотеза предполагала, что праиндоевропейцы одомашнили только лошадь, и поскольку для осла и верблюда не было праиндоевропейских слов, Шрадер полагал, что прародина праиндоевропейцев находилась в зоне черноморско-каспийских степей, естественном ареале обитания лошади. Взгляды Гена и Шрадера получили развитие в середине XX века в виде так называемой курганной гипотезы.

Наше издательство предлагает следующие книги:

11958 ID 161070

Отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>

E-mail: URSS@URSS.ru
Каталог изданий в Интернете: <http://URSS.ru>

URSS НАШИ НОВЫЕ ТЕЛЕФОН/ФАКС +7(499)724-25-45
КООРДИНАТЫ (многоканальный) 117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56